

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ЗАДАЧИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ Экономический курс (Курс национальной экономики)

GA 340

14 докладов, прочитанных в Дорнахе с 24 июля по 6 августа 1922 года,
для студентов-экономистов

RUDOLF STEINER
Aufgaben einer neuen Wirtschafts-Wissenschaft
Nationalekonomischer Kurs
Vierzehn Vorträge, gehalten in Dornach vom 24 Juli bis 6 August
1922 für Studenten der Nationaleconomie

Перевод: Жемчужникова М.Н.

Предварительные замечания

Летом 1922 года доктор Рудольф Штайнер прочитал серию лекций на тему мировой экономики.

Можно только поражаться тому, что знания и прозрения доктора Штайнера, покрывающие буквально все области от философии и физики до искусств, включают и экономику. На первый взгляд этот цикл лекций дает весьма неожиданную точку зрения и особое понимание экономики.

При повторном взгляде можно обнаружить причину этого: экономика рассматривается не как система, но как органическая жизнь, будучи следствием решений и образа действия живых людей. А органическая жизнь требует для своего понимания иного научного подхода, чем, например, физика. В случае последней можно взирать на материю, строить теории, ставить эксперименты, короче — следовать хорошо известному научному пути.

В случае экономики, однако, мы имеем дело с иным миром, с иным предметом. Он требует вхождения внутрь себя и попытки понимания того, что происходит, «изнутри». Это, в свою очередь, требует такого рода мышления, которому мы не обучены и к которому не привыкли: живого мышления для понимания живого мира действий.

Тогда, когда доктор Штайнер дал эти лекции, наш мир только что прошел через одну из главных катастроф современной цивилизации: первую мировую войну. Как мы знаем теперь, за первой мировой войной последовала еще худшая вторая мировая война.

Мы знаем также, что одной из основных исходных причин первой мировой войны — которая привела ко второй — был тот факт, что проблемы экономической жизни не могли быть разрешены с помощью национального экономического подхода, а также тех мыслей, которые основаны на теории, а не на реальности.

Эти лекции представляют собой новый подход к экономической реальности через живое мышление, то есть применение как наших мыслей, так и «знания» нашего сердца.

В то время, летом 1922 года, лишь немногие люди поняли то, что имел в виду Рудольф Штайнер. В наше время мы можем пережить, как продолжающаяся традиционность экономического мышления ведет человека ко все нарастающим катастрофам: как для него самого, для его человеческого достоинства, так и для всего нашего окружения.

Чтение и изучение данных лекций может послужить отправной точкой призыва к пробуждению, — найти в себе мужество и взять на себя нелегкий труд действительного открытия реальности: того, что мы — люди, обладающие собственной свободой и ответственностью перед всеми живыми существами нашей планеты Земля.

Р.С.Х. Мейс,

доктор экономических наук, голландский банкир

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС (Курс национальной экономики)

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 24 июля 1922 года

Сегодня я, прежде всего, хотел бы дать своего рода введение, а завтра — перейти к тому, что в определенном отношении образует круг национально-экономических, социально-экономических вопросов, которые в настоящее время должен задавать себе человек.

Национальная экономика, о которой теперь говорят, является, собственно, новым творением. Она возникла в эпоху, когда экономическая жизнь народов чрезвычайно усложнилась по сравнению с прежними хозяйственными отношениями. И поскольку мы будем строить этот курс, ориентируясь, в основном, на студентов-экономистов, то с самого начала укажем на своеобразие современного экономического мышления.

Совсем не надо очень далеко уходить в прошлое, чтобы увидеть, как, по сравнению с прежними отношениями, изменилась хозяйственная жизнь в течение, скажем, только XIX века. Примите во внимание хотя бы тот факт, что, например, Англия в значительной степени обрела новый экономический облик уже в первой половине XIX столетия; сравнительно мало радикальных изменений в экономической структуре Англии последовало в дальнейшем ходе этого века. Серьезные социальные вопросы, которые в новое время соединяются с вопросами экономическими, возникли в Англии уже в первой половине XIX века. И уже тогда те, кто начинал развивать социально-экономическое мышление в новом духе, могли проводить свои исследования в Англии; в то время подобные исследования, скажем, в Германии были бы бесплодны. В Англии первой трети XIX столетия уже образовались широкие торговые связи, и, благодаря такой структуре торгового дела, в английской экономике была создана основа для торгового капитала. В Англии не было необходимости искать какую-либо иную исходную точку для новой экономики, кроме торгового капитала; он произошел из всей совокупности торговых отношений, существовавших уже в первой трети XIX века. Начиная с этого времени, экономическое развитие в Англии происходило в определенной последовательности. Только нельзя забывать, что вся английская экономика была возможна лишь на основе тех отношений, которые сложились у Англии с колониями,

особенно с Индией. Английская экономика вообще немыслима без связи Англии с Индией. Иначе говоря, эта экономика, получившая возможность образовать крупный капитал, была построена, в известной мере, за счет экономически девственной страны. Мы не должны упускать это из виду, переходя теперь от английской экономики к германской.

Обращаясь к германской экономике, мы видим, что она, например, в первой трети XIX века, в своих существенных чертах следует хозяйственным обычаям, сложившимся еще в эпоху средневековья. Хозяйственный уклад и хозяйственные связи в Германии первой трети XIX столетия полностью оставались старыми. А потому и все темпы хозяйственной жизни были другими, чем, например, в Англии в первой трети, и даже в первой половине XIX века. В Англии уже в первой половине столетия действовало то, что можно назвать расщеплением на быстро изменяющиеся жизненные обычаи. Общий ход экономической жизни в существенных чертах оставался прежним, но он уже был рассчитан на быстрое изменение привычных навыков. В Германии же сами эти навыки оставались консервативными. Экономическая жизнь здесь еще двигалась со скоростью улитки — в соответствии с тем, что в техническом смысле ее условия в течение долгого времени оставались почти неизменными, и что так же медленно менялись и потребности.

Но во второй трети XIX века в этом отношении происходит переворот. Под влиянием развития промышленности быстро растет сходство с английскими условиями. В первой половине XIX столетия Германия в основном была еще аграрной страной, но она быстро превратилась в индустриальную. Намного быстрее, чем где бы то ни было в другом месте земного шара.

Это связано с еще одним обстоятельством. Можно сказать так: в Англии переход к индустриальной структуре народного хозяйства происходил инстинктивно, его, собственно, не осознавали. Он осуществлялся подобно явлению природы. В Германии первой трети XIX века существовали средневековые условия — она оставалась аграрной страной. Но в то время, как экономические отношения внешне складывались так, что их можно было назвать почти средневековыми, человеческое мышление основательно изменилось. В сознание людей входила мысль, что должно прийти что-то другое, что существующие условия больше не соответствуют времени. И получилось так, что преобразование экономических отношений во второй трети XIX века происходило в Германии сознательнее, чем в Англии. В Германии люди гораздо лучше понимали — в Англии об этом совсем не думали, — как входить в современный капитализм. Если бы вы теперь прочли, о чем тогда спорили, что обсуждали в связи с переходом к индустриализму, то получили бы представление, как удивительно люди мыслили тогда в Германии. Они видели полное освобождение человека в том, что называлось либерализмом, демократией; они считали исцелением человечества выход из средневековых связей, из старого корпоративного строя и переход к полностью свободному положению — так это называлось — человека в экономической жизни. Поэтому в Англии мы не найдем ни одной экономической теории, подобной созданной в Германии в расцвете охарактеризованной мною

эпохи. Шмоллер, Рошер¹ и другие исходили в своих взглядах из расцвета этой либеральной экономики. Они вполне сознательно основывались на том, что следовало из этого духа. Англичанин такое экономическое учение нашел бы просто никчемным. Он бы сказал, что о таких вещах незачем размышлять. Поэтому посмотрите толково на радикальное различие между тем, что говорили об этих вопросах в Англии — возьмем лишь таких людей, которые достаточно занимались теорией, подобно Биконсфилду, — и тем, что говорили в Германии Рихтер, Ласкер или сам Брентано. Таким образом, в Германии люди сознательно вступали в этот второй период.

Затем пришел третий период, по сути дела период государственной. В последней трети XIX века германское государство консолидировалось принудительными средствами. Консолидировалось не так, как мечтали идеалисты 48-го года и даже 30-х годов, но чисто принудительными мерами. И это государство постепенно и вполне сознательно подчинило себе хозяйственную жизнь. Так что в последней трети XIX века вся структура хозяйственной жизни была пронизана принципами, противоположными прежним. Во второй трети столетия она развивалась в духе либеральных воззрений, теперь же в ней возобладали воззрения в духе государственного принципа. Это наложило на хозяйственную жизнь Германии особый отпечаток; и хотя в ее развитии использовались элементы сознательности, но целое все же опять оставалось неосознанным.

Важнейшим отныне являлось то, что таким путем не только в мышлении, но и в самом хозяйстве создавалась радикальная противоположность между экономикой Англии и экономикой Средней Европы. И на этой противоположности основывались хозяйственные связи между ними. Развитие всей экономики XIX века вплоть до XX века было бы немисливо без этой противоположности между Западной и Средней Европой. Она определяла, каким образом продавали, вывозили и производили товары.

Как на основе владения Индией постепенно образовалась возможность развития английской экономики, так на основе противоположности между западной и средневропейской экономикой стало возможным дальнейшее расширение хозяйственной жизни. Ведь экономическая жизнь основывается не на том, что мы видим в ближайшем окружении, но на обширных взаимных связях во всем мире.

С этой противоположностью мир вступал и — не мог войти в мировое хозяйство. Ибо оно основывалось на инстинктивных элементах, проявившихся как обрисованная мною противоположность между Англией и Средней Европой. В XIX веке мир, сам того не осознавая, не замечая, пришел к тому, что эта противоположность становилась все актуальней и актуальней, все глубже и глубже. И возникла громадная проблема: экономические отношения развились из противоположностей, они несут в себе эти противоположности все дальше и дальше в будущее; но в то время как противоположности все больше и больше возрастают, невозможно осуществлять совместную хозяйственную деятельность. Это была великая проблема XIX века: противоположность творит экономику, экономика усиливает противоположность, противоположность требует разрешения. Отсюда

вопрос: как разрешить противоположности? Историческое развитие показало, что люди были не в состоянии ответить на него.

То, что я говорю сейчас, можно было бы говорить в 1914 году, в мирное время. Но тогда обнаружилась неспособность решить эту проблему мировой истории. И тогда пришла болезнь, если взглянуть на вещи со стороны экономики.

На противоположностях основывается, в сущности, возможность всякого развития. Назову только одну такую противоположность. Из-за того, что английская экономика сложилась гораздо раньше, чем экономика Средней Европы, англичане не могли производить некоторые товары так же дешево, как Германия. Возникла большая противоположность в связи с конкуренцией; «Made in Germany» — это был вопрос конкуренции. А затем, когда война кончилась, встал вопрос: каким образом можно теперь, после того как люди поразбивали голубы, вместо того, чтобы заняться поисками решения — каким образом можно теперь справиться с создавшимся положением? Тогда я думал, что прежде всего должны найтись люди, способные понять необходимость создания противоположностей в другой области; ибо жизнь основана на противоположностях и может существовать только тогда, когда есть взаимодействие, игра противоположностей. В 1919 году можно было сказать: укажем на те противоположности, к которым, собственно, направляется развитие мировой истории, — на экономическую, государственно-правовую и духовно-культурную, — на противоположности трехчленного разделения социального организма.

Что же, в сущности, было правильным в нашем намерении внести мысль о трехчленном разделении в сознание возможно большего числа людей? Сегодня я охарактеризую это только с внешней стороны. Самое важное тогда состояло в том, чтобы эта мысль вошла в сознание возможно большего количества людей прежде, чем в экономике возникнут последствия, которые вскоре действительно возникли. Подумайте: когда мы впервые заговорили о трехчленном разделении, у нас еще не было сегодняшних затруднений с валютой; наоборот, если бы тогда оно было понято, эти трудности никогда бы не пришли. Но люди оказались не в состоянии понять что-либо в действительно практическом смысле. Мы старались тогда разъяснить трехчленное разделение, а нам отвечали одно: да, все это было бы хорошо, мы это тоже понимаем; но все же первая наша задача — противодействовать падению валюты. Этим людям можно было только сказать: но ведь решение и заключается в трехчленном разделении! Займитесь им, оно — единственное средство противодействия падению валюты! Люди спрашивали, как добиться того, что как раз и должно было прийти с трехчленным разделением, с трехчленностью. Следовательно, они не понимали трехчленного разделения, хотя и утверждали, что понимают.

Теперь дело обстоит так, что необходимо сказать следующее: сегодня нельзя говорить с людьми, с вами, например, в тех же формах, что и прежде; нужен другой язык. Я и хотел бы дать вам это здесь, в этих докладах. Я хотел бы показать, как теперь можно мыслить об этих вопросах, особенно если человек молод и сможет еще участвовать в создании того, что должно образоваться в ближайшем будущем.

Итак, можно характеризовать XIX столетие, как эпоху всемирно-

исторических экономических противоположностей. Но можно пойти еще дальше назад, к тому времени, когда люди только начинали думать об экономике. Если вы возьмете историю экономики, то увидите: раньше все происходило инстинктивно, и только в новое время экономическая жизнь так усложнилась, что люди почувствовали необходимость думать об этих вещах.

Я говорю теперь, собственно, для студентов, говорю о том, как следует им ориентироваться в экономической науке. Поэтому я хотел бы указать на самое существенное, от чего все зависит. В то время, когда пришлось задуматься об экономической науке, уже больше не было мыслей, способных охватить такую область, какой является народное хозяйство. Для этого просто не было идей. Я приведу вам пример из естествознания, чтобы показать, что это именно так.

Дело в том, что мы, люди, имеем физическое тело, обладающее, как и другие физические тела, некоторой массой. После обеда оно становится тяжелее, чем до обеда. Его можно даже взвесить. Это значит, что мы являемся частью всеобщей массы. Но с этой массой, являющейся свойством всей весомой материи, мы мало что могли бы сделать в связи с человеческим телом; самое большее, мы могли бы брать в мире как автоматы, а не как сознательные существа. Я уже не раз говорил о том, что нам нужно для образования понятий, имеющих какой-то смысл, что необходимо человеку для мышления. Человеческий мозг, если взвесить его отдельно, весит приблизительно 1400 граммов. Если бы все 1400 граммов давили на расположенные у основания черепа кровеносные сосуды, они были бы совсем раздавлены. Вы не могли бы прожить и минуты, если бы человеческий мозг давил всей своей тяжестью в 1400 граммов. Счастье для человека, что существует закон Архимеда: всякое тело в воде теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость. Итак, если в воде находится тело какого-либо веса и объема, то оно теряет в своем весе ровно столько, сколько весит точно такой же объем воды. Мозг плавает в мозговой жидкости и теряет при этом 1380 граммов, ибо таков вес этой жидкости, равной по объему человеческому мозгу. Мозг только 20-ю граммами давит на свое основание, и такое давление это основание может выдержать. Если мы теперь спросим себя, для чего все это нужно, то должны будем сказать: мы не могли бы мыслить мозгом, который являлся бы только имеющим вес веществом. Мы не мыслим весомой материей, мы мыслим устремлением вверх. Сначала вещество должно потерять свою тяжесть, и тогда мы можем мыслить. Мы мыслим тем, что отлетает от Земли.

Но мы осознаем себя во всем теле. Благодаря чему мы осознаем себя во всем своем теле? В нашем теле имеется 25 миллиардов красных кровяных телец. Они очень малы, но все же имеют определенный вес; они имеют этот вес потому, что содержат в себе железо. Каждое из этих 25 миллиардов красных телец плавает, плавает в плазме крови и теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость. Так что и здесь, в каждом отдельном кровяном тельце образуется некое устремление вверх, и оно образуется 25 миллиардов раз. Мы осознаем себя во всем своем теле благодаря тому, что устремляется вверх. И можно сказать: когда мы принимаем в себя пищевые вещества, они

должны сначала в значительной мере потерять свой вес, должны преобразоваться в нас, чтобы иметь возможность служить нам. Этого требует организм.

Способность мыслить таким образом и руководствоваться подобными представлениями была утрачена в ту эпоху, когда возникла необходимость мыслить экономически. В ту пору стали считаться толково с весом вещества и перестали задумываться о том, какое, например, превращение претерпевают в организме все вещества, получая удручение.

Еще пример. Вспомните: когда вы учили физику, вам говорили о спектре, показывали, как с помощью призмы образуется цветовая палитра — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Видимая часть спектра простирается от красного до фиолетового. Но вы знаете, что перед видимой областью существует так называемое инфракрасное излучение, а за ней — ультрафиолетовое излучение. И если кто-то говорит лишь о свете, то он не охватывает явление в целом, он должен говорить о том, что свет полярно видоизменяется с двух сторон. Он должен говорить о том, что свет за пределами красного погружается в теплоту, а за пределами фиолетового — в химические процессы и, собственно, исчезает как свет. Итак, если кто-то дает только учение о свете, то он дает лишь некий отрывок. И мы получаем неверное учение о свете. В то время, когда появилась необходимость мыслить о явлениях экономики, физика, физическое мышление были в состоянии создать лишь некое неверное учение о свете.

Я привел вам этот пример потому, что здесь имеется подходящая аналогия. Рассмотрите теперь, пожалуйста, не человеческое хозяйство, а хозяйство воробьев или ласточек! Это ведь тоже своего рода хозяйство; но это хозяйство в животном царстве, не так уж далеко проникающее в царство людей. У сусликов, например, даже существует, можно сказать, некий звериный капитализм. Существенная черта хозяйства животного мира заключается в том, что природа предлагает свои плоды, а каждое отдельное животное берет их себе. Человек отчасти еще находится в этом животном хозяйстве, но он должен выйти из него.

Хозяйство, которое впервые можно назвать собственно человеческим, сравнимо со световой, видимой частью спектра, а то, что относится к природе, мы должны сравнить с инфракрасной его частью. Здесь мы входим в область сельского хозяйства, в область экономической географии и так далее. В этом направлении мы не можем точно определить границы экономического учения. Оно вступает в область, которая должна изучаться совсем иначе. Это — с одной стороны.

С другой стороны, именно при наших усложнившихся экономических отношениях постепенно приходят к тому, что экономическое мышление человека, собственно, опять отказывается работать. Подобно тому, как свет в ультрафиолетовой части спектра перестает быть светом, так человеческая деятельность в экономике перестает быть чисто экономической, хозяйственной деятельностью. Я не раз описывал, как это произошло. Начало этого явления относится,

собственно, только к XIX столетию. До этого времени в хозяйственной жизни еще многое зависело от умения одного человека. Отдельные личности еще что-то значили. Банк процветал, если в нем работал один одаренный человек. Я часто приводил занятный пример, как однажды к *Ротшильду* пришел министр, посланный королем Франции. Он хотел сделать вклад. Ротшильд был как раз занят переговорами с торговцем кожами, и, когда ему доложили о посланце французского короля, сказал: «Пусть он немножко подождет». Тот был страшно шокирован: он должен ждать, а там сидит какой-то кожевник! Когда слуга вышел и сказал ему это, он не поверил. «Скажите же господину Ротшильду, что я пришел по поручению короля Франции». Слуга принес ответ: «Вам все же придется подождать». Тогда он забегаает внутрь и говорит: «Я посланец короля Франции!» — Ротшильд отвечает: «Пожалуйста, садитесь. Возьмите себе стул». — «Но я послан королем Франции!» — «Пожалуйста, возьмите два стула.»

Да, так и было тогда в экономической жизни; она осознавалась человеческой личностью. Но теперь стало иначе. Теперь от отдельной личности во всей экономической жизни зависит очень мало. Хозяйственная деятельность человека уже очень сильно входит в то, что я хотел бы сравнить с ультрафиолетовой частью спектра. Это та часть, в которой работает капитал как таковой. Работают массы капитала как таковые. Над хозяйственной жизнью расположена ультрахозяйственная жизнь, определяемая в значительной степени собственной энергией масс капитала. Таким образом, можно сказать: если мы теперь действительно хотим понять экономическую жизнь, то должны разматывать ее как находящуюся посередине между двумя областями, причем одна ведет вниз, к природе, а другая вверх, к капиталу. И между ними лежит то, что мы должны постичь как собственно экономическую жизнь.

Но из этого следует, что еще нет понимания того, как правильно определить границы экономического учения и ввести его в общую систему знаний. Ибо мы увидим, что странным образом только та область, которая еще не входит в собственно хозяйственную жизнь и которую можно сравнить с инфракрасной частью спектра, только эта область постигается человеческим рассудком. Здесь можно, наряду с другими процессами, размышлять о том, как возделывать овес, ямень и так далее, как в горном деле наилучшим способом добывать руду. По существу, только об этом можно правильно мыслить с помощью рассудка, которым мы привыкли пользоваться в науке нового времени.

Это имеет огромное значение! Вспомните: я только что говорил о понимании, в котором нуждается современная наука. Мы потребляем пищевые вещества, имеющие определенный вес. Они могут слезть нам потому, что в нас они постоянно теряют свой вес и полностью изменяются. Причем настолько, что в каждом органе они преобразуются по-разному — в печени иначе, чем в мозгу или в легких. Организм дифференцирован, и для каждого вещества в каждом органе существуют свои условия. От органа к органу происходит непрерывное изменение качества.

Приблизительно так же обстоит дело, когда, обращаясь к экономике в целом, мы говорим о стоимости товаров. Совершенно

бесмысленно, дав определение какому-нибудь веществу, скажем, углероду, ставить затем вопрос: как действует он в человеческом теле? — Ведь углерод вплоть до своего веса становится совершенно другим, чем тут или там во внешнем мире. Столь же неоправданно ставить вопрос о стоимости товара. Она меняется в зависимости от того, лежит ли товар в магазине или куда-нибудь транспортируется.

Идеи экономики должны быть подвижными. Нам надо отказаться от привычки конструировать понятия путем определений. Нужно уяснить, что мы имеем дело с живым процессом и должны образовывать понятия в живом процессе. Но люди пытались охватить как раз такие явления, как стоимость, цена, производство, потребление и так далее, с помощью имевшихся в наличии идей. Но эти идеи ни на что не годились. Поэтому мы и не имеем, по существу, учения о народном хозяйстве, не можем с помощью привычных понятий ответить, например, на вопрос: что такое стоимость? что такое цена? Ибо для этого мы должны то, что имеет стоимость, рассматривать в постоянном кругообороте, цену, соответствующую некоей стоимости, рассматривать в постоянной циркуляции. Видите ли, изучая простые физические свойства углерода, вы ничего не узнаете о том, что происходит с ним, например, в легких, хотя он там присутствует, потому что его конфигурация в легких совершенно иная. Так же и железо, которое вы находите в руднике, — иное, чем в экономическом процессе. Экономика имеет дело с чем-то совсем другим, чем то, что существует как железо. И нужно считаться с такими подвижными факторами.

Когда-то, около сорока пяти лет назад, я был в одной семье. Мне показали картину, пролежавшую, я думаю, около тридцати лет на чердаке. Пока она там лежала, и не было человека, который знал бы о ней что-либо сверх того, что это есть вещь, которая валяется в углу, она в экономическом процессе не имела никакой стоимости. Когда же узнали, что это — ценная вещь, картина получила стоимость в 30 тысяч гульденов. А тогда 30 тысяч гульденов были большой суммой. От чего же зависела эта стоимость? Только от того, что изменился взгляд на картину. Картина оставалась на месте, но люди стали думать о ней иначе. Таким образом, как бы не имеет никакого значения то, что «существует» на самом деле. Именно экономические понятия никогда нельзя развивать, следуя внешнему положению дел, их надо развивать следуя самому экономическому процессу. А внутри процесса обстоятельства непрерывно меняются. Поэтому об экономической циркуляции надо говорить прежде, чем о таких вещах, как стоимость, цена и так далее. В современной экономической науке, как вы знаете, начинают с определения стоимости и цены. Но главное — это представление об экономическом процессе в целом. Только тогда выясняются вещи, с которых сегодня необходимо начинать.

В 1919 году, когда все было, в сущности, разрушено, думалось, что люди увидят: надо начинать с чего-то нового, свежего. Но этого не случилось. Те немногие, кто верили тогда, что нужно начинать по-новому, тоже очень скоро впали в инертность: ничего, мол, нельзя сделать! — Тем временем пришло великое бедствие, обесценивание валюты в странах Восточной и Средней Европы, а вместе с ним — полный переворот в

положении различных слоев общества. Ибо при дальнейшем обесценивании денег человек, живущий тем, что мы сравнивали с ультрафиолетовой частью спектра, само собой разумеется, должен беднеть. Это происходит и будет происходить, может быть, в большей мере, чем теперь это замечают. Поэтому мы и должны здесь прежде всего указать на понятие социального организма. Ибо все яснее становится, что обесценивание валюты обусловлено существующими государственными границами. Государственные разграничения вмешиваются в экономический процесс. Это требуется осмыслить, но сначала нужно понять социальный организм. Все экономисты, начиная с Адама Смита² вплоть до новейших, принимают в расчет в качестве социальных организмов небольшие области. Они совсем не учитывают, что уж если пользоваться простой аналогией, то она должна соответствовать существу дела. Эти люди вовсе не учитывают, что аналогия должна быть правильной. Видели ли вы настоящий взрослый организм, составленный, например, таким образом: вот один человек, вот второй человек, вот третий человек и так далее. Хороши были бы человеческие организмы, склеенные между собой таким способом; этого все-таки у взрослых организмов не бывает. Но это случается с государствами. Организмы нуждаются в свободном пространстве между собой. Отдельные государства вы можете сравнить, самое большее, с клетками организма. И только всю Землю, как хозяин собственное тело, вы можете сравнить с неким организмом. Это надо принять во внимание. Очевидно, что с тех пор, как появилось мировое хозяйство, мы можем сравнивать отдельные государства только с клетками. Земля в целом, понятая как хозяйственный организм, есть социальный организм.

Это нигде не принимается во внимание. Все экономическое перестало соответствовать действительности, ибо хотят установить принципы, которые должны иметь значение только для одной клетки, отдельной то других. Поэтому, изучая, например, французское экономическое учение, вы находите в нем иные принципы, чем когда изучаете английское, немецкое или какое-либо другое экономическое учение. Но, как экономисты, мы нуждаемся уже в понимании целостного социального организма.

Это я и хотел сказать вам сегодня в качестве введения.

ВТОРОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 25 июля 1922 года

Первые понятия, взгляды, которые нам необходимо развить по отношению к народному хозяйству, будут довольно сложными — по совершенно естественной причине. Надо представить себе, что экономика, понимаемая даже как мировая экономика, находится в непрерывном движении; подобно крови в человеческом организме, блага в виде товаров протекают всевозможными путями через весь хозяйственный организм. В этом хозяйственном процессе мы должны выделить как важнейшее то, что происходит при купле и продаже. По крайней мере, для современной экономики это именно так. Какие бы явления нам еще ни встретились — а мы ведь будем обсуждать самые разнообразные импульсы хозяйственного организма, —

экономика, как таковая, приближается к человеку тогда, когда ему нужно что-либо продать или купить. Между покупателем и продавцом происходит то, к чему, в конце концов, устремлено и на что инстинктивно направлено мышление каждого простого человека относительно народного хозяйства; к этому, по существу, все и сводится.

Посмотрим же, что происходит, когда в хозяйственном кругообороте проявляются купля и продажа. В этом случае человека интересует цена того или иного товара, того или иного блага. В конечном счете цена — это тот вопрос, к которому сводятся важнейшие экономические рассуждения; ибо в цене завершается все, что импульсирует народное хозяйство и дает ему силу. Следовательно, мы должны прежде всего заняться проблемой цены; но проблема цены совсем не проста. Попробуйте-ка осмыслить лишь самый простой случай. В некотором месте А находится какой-либо товар, имеющий в этом месте А определенную цену; здесь его не покупают и поэтому увозят. Нужно добавить к этой цене то, что необходимо заплатить за доставку груза в место В. Цена меняется в ходе обращения. Это — простейший, можно сказать, банальный случай. Бывают, конечно, гораздо более сложные случаи.

Возьмем, например, дом в большом городе; в данное время он оценивается такой-то суммой. Через 15 лет тот же дом оценивается, может быть, в 6-8 раз большей суммой. Совсем не надо думать, что главным фактором повышения цены является обесценивание денег. Оставим это в стороне. Цена может повыситься просто потому, что за это время вокруг было построено много других домов, вблизи появились здания, которые особенно повышают стоимость этого дома. Могут возникнуть десять, пятнадцать совсем других причин, по которым возросла цена дома. Собственно, мы никогда не можем установить для отдельных случаев нечто универсальное, чтобы однозначно определять в данном месте на основании каких-то условий цену домов или скобяных изделий, или зерна. — Мы можем сказать только одно: необходимо наблюдать, как колеблются цены в зависимости от места и времени. И мы можем проследить некоторые условия, благодаря которым в конкретном месте определенным образом устанавливается цена. Но общее определение того, как складывается цена, собственно, невозможно. Поэтому снова и снова приходится удивляться, когда в широко используемых экономических трудах о цене говорится так, как будто ей можно дать определение. Но ей невозможно дать определение, ибо цена везде и всюду есть нечто конкретное, а всякие дефиниции именно в случае народного хозяйства никак не приближают к существу проблемы.

Я наблюдал в жизни такой случай. В одной местности земельные участки были очень дешевы. Довольно известный человек принадлежал к некоему обществу. И это общество скупило все дешевые участки и побудило этого известного человека выстроить себе в той местности дом. Затем земельные участки были распроданы. Их смогли продать значительно дороже, чем они стоили при покупке, только потому, что знаменитый человек распорядился построить там дом.

Эти примеры показывают вам, от каких неопределенных условий зависит цена вещи в экономическом процессе. Вы теперь, конечно, можете сказать: да, но такие сделки надо облагать налогом. — Земельные реформаторы и подобные им деятели выступают против таких случаев, они хотят установить что-то вроде справедливой цены путем всевозможных мероприятий. Это можно сделать; но с экономической точки зрения цена от всего этого не изменится. Если подобное происходит и, скажем, земельные участки продаются дороже, то можно отобрать у людей деньги, например, в виде высокого земельного налога. Тогда эти отобранные деньги присваивает себе государство. Но это, однако, не соответствует действительности. В действительности вещь все-таки стала дороже. Следовательно, вы можете принимать любые контрмеры, но они только маскируют действительность. Цена — все та же, какой она была бы и без этих мер. Этим достигают только перераспределения; и в экономическом смысле неверно говорить, что земельные участки спустя 10 лет не стали дороже, даже если путем некоторых мероприятий эти вещи замаскировали. Дело в том, что экономика должна твердо опираться обеими ногами на действительность, и можно говорить только о тех отношениях в экономике, которые существуют именно в определенное время в определенном месте, о них и надо вести речь. Мысль, что вещи могут быть иными, потом, конечно, возникает у того, кто желает человечеству прогресса; но надо с самого начала рассматривать эти вещи в соответствии с данным моментом действительности. Отсюда вы видите, что невозможно, собственно говоря, подойти к важнейшему понятию экономики, к цене, и что невозможно охватить эту цену четко очерченным понятием. Таким путем ни к чему нельзя прийти в экономической науке. Должны быть проложены совершенно иные пути. Надо рассмотреть сам экономический процесс.

И все же проблема цены — наиважнейшая проблема, и на нее мы должны направить наши усилия, мы должны внимательно взглянуть на экономический процесс и попытаться некоторым образом «подстеречь» тот пункт, благодаря которому в какое-то время и в каком-то месте из экономических подоснов образуется цена той или иной вещи.

Если вы теперь исследуете общепринятые экономические теории, то найдете, что в них обычно указывается на три фактора, при взаимодействии которых должно разворачиваться все народное хозяйство. Это — природа, человеческий труд и капитал. Конечно, можно сказать: исследуя экономический процесс, мы замечаем в нем то, что идет от природы, то, что достигается человеческим трудом, и то, что предпринимается или организуется с помощью капитала. Но если так просто, рядом друг с другом, рассматривают природу, труд и капитал, то живой экономический процесс не постигают. Именно такое рассмотрение ведет к многообразнейшим односторонностям. И это показывает история экономических учений. В то время, как одни думают, что вся стоимость заключена в природе, а человеческий труд, собственно, не прибавляет никакой особой стоимости к материалу природного объекта, другие полагают, что вся экономическая стоимость запечатлевается в каком-либо благе, каком-либо товаре благодаря, можно сказать, кристаллизации в нем работе,

овеществленному труду. Если же сопоставляется капитал и труд, то, с одной стороны, находятся люди, которые говорят, что именно капитал, он и только он, обуславливает труд, и что заработная плата выплачивается за счет капитала. С другой стороны говорят: нет, то, что создает стоимости, — это труд, а то, чего добивается капитал, — это извлеченная из результата труда прибавочная стоимость.

Дело обстоит так: если вещи рассматривают с одной точки зрения, то правы одни, а если рассматривают с другой точки зрения — правы другие. Кое-кому такое рассмотрение реальности покажется какой-то бухгалтерией: начнут считать по одной статье — получается одно, начнут по другой — другое, и так далее. Можно очень хорошо и с очень сильными, по-видимому, аргументами говорить о прибавочной стоимости, которая, собственно, изымается из заработной платы и присваивается капиталистом. Можно столь же обоснованно говорить о том, что в экономическом отношении все является достоянием капиталиста, и он выплачивает своим рабочим средства, которые может пустить на заработную плату. У обеих сторон имеются и очень сильные и очень слабые аргументы. Все эти подходы, собственно, не в состоянии подойти к экономической реальности. Они хороши как основа для агитации, но совсем не годятся для серьезной экономической науки. Прежде всего, нужны другие основы, если мы вообще хотим говорить с известным правом о дальнейшем развитии хозяйственного организма. Конечно же, все подобные установки до некоторой степени оправданы; и если, например, Адам Смит видит в труде, приложенном к вещи, первичный ценообразующий фактор, то это можно очень хорошо обосновать. Ведь такой человек, как Адам Смит, не выдумывал бессмыслиц; но и у него основой всегда является убеждение, что можно схватить нечто находящееся в покое и дать ему определение, тогда как в хозяйственном процессе все пребывает в непрерывном движении. Можно сравнительно просто устанавливать понятия в отношении явлений природы, даже самых сложных, но не в отношении таких воззрений, которые нужны в экономической науке. Явления, возникающие в народном хозяйстве, бесконечно сложнее, подвижнее и изменчивее явлений природы, гораздо более текучи, и их намного труднее охватить с помощью каких-либо определенных понятий.

Нужно вводить совсем другой метод. Этот метод будет трудным для вас только в самом начале, но вы увидите, что благодаря ему образуется то, что можно положить в основу истинной экономической науки. Итак, в этот экономический процесс, который мы должны рассмотреть, включены природа, труд человека и — прежде всего, если увидеть хозяйственный процесс с чисто внешней стороны, — капитал. Прежде всего!

Сначала попытаемся получить наглядное представление о среде — о человеческом труде; обратимся опять к области мира животных — вчера я уже говорил об этом — и взглянем на хозяйственную деятельность не человека, а воробья или ласточки. Да, здесь основой хозяйства является природа. Воробью приходится выполнять некий род труда. За день он немало попрыгает в поисках зернышек. Ласточка, строя гнездо, тоже трудится и притом очень много. Однако в экономическом смысле мы не можем назвать это

трудом. Мы не можем развивать наши взгляды на экономику, если называем это трудом. Ибо мы должны, если взглянем внимательнее, сказать: воробей, ласточка так организуются и выполняют как раз то, что должны известным образом выполнять, чтобы найти себе корм. Они не могли бы быть вполне здоровыми, если бы не двигались определенным образом. Это есть как бы предположение их организации, принадлежащее им так же, как ноги или крылья. Поэтому если мы хотим образовать экономические понятия, то должны совсем отказаться от того, что нужно было бы здесь назвать мнимым трудом. Когда природой пользуются непосредственно, а сознательные существа выполняют какую-то работу только для того, чтобы удовлетворить себя и самое ближайшее свое окружение, то мы должны, собственно, исключить этот мнимый труд, если хотим определить то, что в экономическом смысле является стоимостью, что есть некая стоимость. И речь идет прежде всего о том, что нужно познакомиться ближе с этой экономической стоимостью.

Итак, обозревая хозяйство животных, мы можем сказать: ценности для них образует только сама природа. Ценности для хозяйства животных образует только сама природа. Восходя к человеку, то есть к его хозяйству, мы, конечно, имеем со стороны природы исходный пункт для природной стоимости; но в тот момент, когда люди начинают заботиться не только о себе и о своем самом ближайшем окружении, но и о других, в поле нашего зрения тотчас же появляется человеческий труд. И то, что человек должен делать теперь, когда он не только использует продукты природы для себя, но и вступает в какие-либо отношения с другими людьми и обменивает с ними товары, — эти его действия по отношению к природе становятся работой, трудом. И здесь мы имеем один из аспектов стоимости в экономике. Этот аспект возникает благодаря тому, что к продуктам природы прилагается человеческий труд, и в экономическом обороте мы имеем продукты природы, преобразованные человеческим трудом. Только тогда и возникает действительная экономическая стоимость. Пока продукт природы остается на месте своего происхождения, нетронутый, он не имеет другой ценности, кроме той, которую он также имеет, например, и для животного. Когда вы делаете первый шаг к тому, чтобы ввести продукт природы в процесс экономической циркуляции, тотчас, благодаря преобразованному продукту природы, возникает экономическая стоимость. Тогда мы можем характеризовать экономическую стоимость таким тезисом: экономическая стоимость в этом аспекте есть продукт природы, преобразованный человеческим трудом. — Стоит ли этот человеческий труд в том, что мы копаем, рубим или переносим продукт природы с одного места на другое, — это не меняет сущности дела. Если мы хотим уже сейчас получить определение стоимости в общем и целом, то должны сказать: стоимость образуется человеческим трудом, изменяющим продукт природы таким образом, что он может вступить в процесс экономического кругооборота.

Внимательно рассмотрев это, вы увидите, как текуча стоимость товара, циркулирующего в экономическом кругообороте. Ибо труд есть нечто постоянно присутствующее и действующее на товар. Так что

вы, собственно, не можете сказать, что такое стоимость. Вы можете только сказать: стоимость появляется на определенном месте, в определенное время благодаря тому, что человеческий труд преобразует продукт природы. Здесь появляется стоимость. Невозможно и нежелательно дать сразу определение стоимости, желательно лишь указать место, где она появляется. Я бы хотел представить вам это схематически, сказать об этом так: мы имеем некоторым образом на заднем плане природу (рис. 2, слева); к ней примыкает человеческий труд, а то, что появляется благодаря как бы взаимпроникновению природы и человеческого труда, то, что становится здесь видимым, — это один из аспектов стоимости. Вы дадите правильный, не фальшивый ответ, сказав, например, следующее: посмотрев на что-то черное, на черную поверхность сквозь светлое, вы увидите ее голубой. И в зависимости от толщины светлого слоя голубой цвет выглядит по-разному, его плотность меняется, он колеблется. Так в экономике колеблется стоимость, которая есть ни что иное, как проявление природы, прошедшей через человеческий труд.

С помощью этого примера мы получили всего лишь некоторую абстрактную схему. Но в последующие дни она будет для нас ориентиром в конкретных изысканиях. Вы привыкли, что во всех науках всегда начинают с простейшего. Но, видите ли, труд, как таковой, не имеет никакого определения в экономике. Ибо если один рубит дрова, а другой переступает со ступеньки на ступеньку в колесе, так как он толст и от этого становится тоньше, то желающий похудеть может затратить такое же количество труда, как и тот, кто рубит дрова. Колоссальная нелепость — рассматривать труд так, как рассматривает его, например, Маркс³, утверждающий, что в качестве эквивалента надо искать некие затраты человеческого организма на работу; ибо пляшет ли человек на колесе или рубит дрова — расход тот же. В экономическом смысле безразлично, что происходит с человеком. Мы же видели, что экономика граничит с внеэкономической областью. С чисто экономической точки зрения неоправданны какие-либо ссылки — по крайней мере, в начале, при экономическом установлении понятия труда — на то, что труд изнашивает человека. Это имеет опосредованное значение потому, что надо заботиться о потребностях человека. Но делать так, как делает это Маркс, — колоссальная нелепость.

Что же необходимо для постижения труда в экономическом процессе? Нужно сначала совершенно отвлечься от человека и посмотреть, как труд вступает в экономический процесс. Труд на упомянутом колесе совсем никак не вступает в экономический процесс, он целиком остается при человеке, а рубка дров вступает в него. Только это одно и важно: как труд вступает в экономический процесс. Если принять все это во внимание, то речь, собственно, идет о том, что везде труд изменяет природу. И лишь постольку, поскольку природа изменяется человеческим трудом, мы образуем экономическую стоимость в этом аспекте. Если мы, например, ради собственного

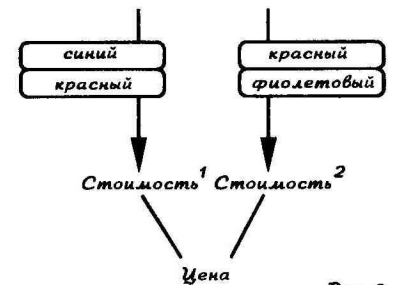

Рис. 2

телесного здоровья находим правильным, поработав в природе, немного потанцевать или заняться электрныйм, то это надо обсуждать с другой точки зрения; но то, что мы в таких случаях делаем, нельзя назвать в экономическом смысле трудом и считать создающим экономическую стоимость. В каких-то других аспектах он может создавать стоимость, но мы должны сначала образоуенные понятия об экономических стоимостях как таковых.

Существует еще совершенно другая возможность для возникновения экономической стоимости. Она появляется, если мы рассматриваем труд как таковой, принимаем его за первично данное. Как вы только что видели, труд с экономической точки зрения есть, прежде всего, что-то совершенно нейтральное, не имеющее значения. Но он становится образующим стоимость фактором во всех тех случаях, когда направляется духом, интеллектом человека — здесь я должен говорить несколько иначе, чем до сих пор. Вы и сами могли уже иногда, в некоторых случаях, размышлять о том, как то, что обыкновенно вовсе не является трудом, превращается в труд благодаря человеческому духу. Если кто-либо вздумает воспользоваться упомянутым колесом и, жакобязать похудеть, установит его в своей комнате, то никакой экономической стоимости не возникнет. Но если он обяжет колесо канатом и как-то прикрепит этот канат, чтобы приводить в движение машину, то нечто, совсем не являющееся трудом, получит под действием разума стоимость. Побочным эффектом будет то, что человек действитeльно похудеет; но решающим здесь становится то, что труд под действием духа, интеллекта, благодаря размышлению, возможно, и с помощью отвлеченного суждения приобретает определенную направленность, те или иные виды работ приводятся в согласование и так далее. Так что можно сказать: здесь мы имеем второй аспект образоуенныя экономической стоимости. Там, где на заднем плане стоит труд, а на переднем — дух управляет трудом, там труд просвечивает для нас сквозь разум и опять образует экономическую стоимость.

Мы увидим, что эти два аспекта стоимости присутствуют везде. Я нарисовал здесь схему (см. рис. 2, слева), по которой видно, что экономическая стоимость образуется, когда природа подвергается воздействию труда. А то, о чем я говорил сейчас, я должен изобразить так: тут у нас на заднем плане труд, а перед ним то, что, как дух, определенным образом воздействует на труд (рис. 2, справа).

Таковы в основных чертах два полюса экономического процесса. Вы не найдете других способов образования экономической стоимости: или природа изменяется трудом, или труд изменяется духом. При этом внешним выражением духа являются многообразнейшие формации капитала, так что в экономическом отношении дух надо искать в тех или иных конфигурациях капиталов. По крайней мере, это является его внешним выражением, в чем мы убедимся, когда будем рассматривать капитал как таковой, а потом капитал в денежной форме.

Итак, вы видите, что невозможно получить определение экономической стоимости. Подумайте только, от чего все это зависит, от скольких умных и глупых людей зависит, чтобы где-то труд был измененным духом. Здесь существуют непрерывно меняющиеся условия.

Но всегда верным, очевидным остается положение, по которому моменты образования стоимости следует искать в этих двух полярных противоположностях экономического процесса.

И если это так, то налицо следующее: когда мы находимся внутри экономического процесса, и где-то в нем происходит купля и продажа, то в виде купли и продажи мы имеем, по существу, стоимостный обмен, обмен стоимостей. Вы не найдете никакого иного обмена, кроме обмена стоимостей. На самом деле неверно говорить об обмене товарами. В экономическом процессе всякое благо есть стоимость — будь то модифицированный продукт природы или модифицированный труд. Обмениваются именно стоимости. В этом суть. Следовательно, мы должны сказать: если где-то происходит купля и продажа, то обмениваются стоимости. И то, что появляется в экономическом процессе, когда стоимости некоторым образом сталкиваются при обмене, — это и есть цена. Цена появляется не иначе, как из столкновения стоимостей в экономическом процессе. Поэтому совсем нельзя говорить о цене, если имеют в виду только обмен товаров. Если вы покупаете яблоко, например, за пять пфеннигов, вы ведь можете сказать, что обмениваете одно благо на другое, яблоко на пять пфеннигов. Но так вы никогда не придете к рассмотрению с точки зрения экономики. Ибо яблоко где-то сорвано, затем привезено, может быть, вокруг него еще что-то происходило. Это — труд, который его модифицировал. Вы имеете дело не просто с яблоком, а с продуктом природы, измененным трудом человека и представляющим собою некоторую стоимость. В экономике надо всегда исходить из стоимости. Так же и с пятью пфеннигами — вы имеете дело со стоимостью, а не с товаром, ибо эти пять пфеннигов, — пожалуй, только знак того, что у человека, желающего купить себе яблоко, имеется другая стоимость, которую он обменивает.

Итак, я придаю большое значение тому, чтобы мы сегодня пришли к пониманию, что начинать рассмотрение экономики с товара неправильно, ибо как о первичном элементе мы должны говорить о стоимости, и что неверно постигать цену иначе, как рассматривая игру стоимостей. Стоимость против стоимости дает цену. Уже стоимость есть нечто колеблющееся, не поддающееся определению, более того, если вы обмениваете стоимость на стоимость, то возникающая при обмене цена есть нечто колеблющееся в квадрате.

Из всего этого вы можете сделать вывод, что тщетно желание сразу постичь стоимость и цену, чтобы обрести твердую почву в экономике и вмешиваться в экономический процесс. Надо принять во внимание еще что-то совершенно другое, лежащее позади этих явлений. И оно действительно существует. Очень простой пример показывает это.

Только представьте себе: перед нами природа, измененная человеческим трудом. Если мы, например, в каком-то месте в чрезвычайно тяжелых условиях добываем железную руду, то стоимость образуется благодаря модифицированному человеческим трудом объекту природы. Если же будут добывать железную руду в другом месте в более легких условиях, то при этом можно получить совсем другую стоимость. Вы видите, что приходится иметь дело не со стоимостью, а надо постигать то, что существует позади стоимости.

Необходимо обратиться к тому, что образует стоимость, и тогда постепенно подойти к более устойчивым отношениям, таким, на которые можно будет оказывать непосредственное воздействие. Ибо в тот момент, когда вы ввели стоимость в экономическую циркуляцию, вы должны дать ей возможность меняться в условиях хозяйственного организма. Рассматривая тонкое строение кровяных телец, — а они иные в голове, иные в сердце, иные в печени, — вы не вправе сказать: надо найти для крови некое определение — об этом не может быть и речи, можно говорить только о том, какие питательные вещества наиболее благоприятны в том или ином случае. Также невозможны и общие рассуждения по поводу стоимости и цены, можно только идти к первичным фактам, к тому, что, будучи правильно сформировано, рождает соответствующую цену, которая потом устанавливается сама собой.

Экономическое рассмотрение не может оставаться в области определений стоимости и цены, но всегда надо возвращаться к тому, что является исходными точками: к тому, откуда экономический процесс, в некотором смысле, берет свое питание, с одной стороны, и к тому, что его регулирует, с другой стороны, то есть к природе, с одной стороны, и к духу, с другой.

Для экономических теорий нового времени трудность состояла в том, что они хотели прежде всего охватить то, что изменчиво по своей природе. В результате для того, кто прозревает эти вещи, оказывается, что в сущности почти нет неверных определений, все они сплошь правильные. Ведь надо уж очень далеко бить мимо цели, чтобы утверждать, будто труд соответствует тому, что должно быть возмещено в человеческом организме, и что труд есть потребленная материя. Тут надо не видеть простейших вещей. Однако, действительно очень умные люди, развивая свои экономические теории, совершенно запутались из-за того, что желали наблюдать в покое вещи, находящиеся в движении. Относительно природы это можно и зачастую необходимо делать; но тут вполне удовлетворителен совсем иной способ наблюдения того, что находится в покое. Когда рассматривают движение, то, наблюдая природу, делают это таким образом, что условно раскладывают его на малые состояния покоя, а затем считают, что переходят из одного такого состояния в другое. Движение интегрируют и рассматривают как нечто, складывающееся из состояний покоя.

По образцу такого вида познания нельзя рассматривать экономический процесс. Так что нужно сказать: экономическая наука должна начинать с изучения того, каким образом стоимость появляется там, где, с одной стороны, природа преобразуется трудом, а с другой стороны, дух просвечивает сквозь труд. Эти два вида возникновения стоимости полярно противоположны, подобно тому как в спектре один полюс — светлый полюс, желтый полюс — отличается от темного, фиолетового полюса. И вы можете запомнить этот образ: как с одной стороны спектра появляются теплые цвета, так с одной из сторон — в случае преобразованной трудом природы — появляется природная стоимость, которая обнаруживает себя больше в образовании ренты; а с другой стороны — при рассмотрении труда, измененного духом, —

нам является стоимость, превращенная преимущественно в капитал. Цена может возникнуть, когда стоимости одного полюса сталкиваются со стоимостями другого полюса или когда стоимости одного полюса обмениваются между собой. Но каждый раз, когда вообще приходится рассматривать образование цены, происходит взаимодействие стоимостей. Это значит, что мы должны совершенно отвлечься от всего, что нас окружает, от всякой вещественности, от всего этого мы должны отвлечься и прежде всего увидеть, как образуются стоимости на одной стороне и как образуются стоимости на другой стороне. И тогда мы сможем продвинуться дальше к проблеме цены.

ТРЕТИЙ ДОКЛАД

Дорнах, 26 июля 1922 года

Если вы вспомните сказанное мною вчера о том, что в экономике речь идет о необходимости постичь текучее, которое существует в циркуляции стоимостей и в их взаимодействии при ценообразовании, вы должны будете сказать: прежде всего нам надо выявить, каков же должен быть предмет экономического учения, экономической науки. Ведь текучее нельзя охватить непосредственно. И, собственно говоря, бессмысленно желать этого; имеет смысл рассматривать текучее только в связи с тем, что лежит в его основе.

Уясним себе это сравнением. В жизни мы пользуемся для тех или иных целей термометром, определяя температуру в градусах. И градусы мы привыкли в известном смысле сравнивать. Мы, скажем, сравним двадцать градусов тепла с пятью градусами тепла и так далее. И мы можем также некоторым образом начертить температурные кривые. Можем, например, показать низкую температуру в течение зимы, высокую температуру в течение лета — так мы отмечаем колебания в показаниях термометра. Но то, что лежит в основе этих явлений, мы обнаружим только тогда, когда займемся теми условиями, которые вызывают зимой понижение температурного уровня, а летом — его повышение; условиями, которые определяют разницу температурного уровня в разных местностях, и тому подобным. Мы лишь тогда овладеем чем-то реальным, когда изменяющиеся показания термометра приведем к тому, что лежит в их основе. Можно сказать, что пока мы только регистрируем показания термометра, налицо всего лишь статистический процесс. Не больше этого, собственно, мы получаем, когда изучаем сами по себе цены, стоимости и так далее. Все это в целом получит смысл, если мы придем к тому, что начнем некоторым образом рассматривать цены и стоимости, подобно показаниям термометра, указывающим на что-то иное. Благодаря этому мы сможем подойти к экономическим реальностям. Отсюда и следует ответ на вопрос, каким, собственно, должен быть предмет экономического учения.

Вы знаете, может быть, что издавна принято делить науки на теоретические и практические. Этику, например, называют практической наукой, естествознание — теоретической. Естествознание имеет дело с тем, что есть, а этика — с тем, что должно быть. И ведь такое деление проводилось с древнейших времен: науки о бытии и науки о должном. Сейчас нам нужно коснуться этого

лишь для формулировки понятий. И следует поставить вопрос: является ли экономическая наука наукой о бытии, приблизительно такой, как полагает Луйо Brentano, или же наукой о должествовании, практической наукой? — Рассмотрим этот вопрос.

Без сомнения, в экономике, если хотя бы прийти к знанию, необходимы наблюдения. Надо наблюдать так, как наблюдают показания барометра и термометра, определяя состояние воздуха и тепла. Отсюда следует, что экономическая наука есть наука теоретическая. Но этим ничего нельзя достигнуть; можно чего-то достичь только действуя на основе теоретических знаний.

Укажу один специфический случай, который пояснит вам, в чем здесь дело. Представим себе, что путем каких-либо наблюдений, в теоретических по своей природе — все наблюдения теоретичны, если не ведут к действию, — мы заметили, что в определенной области цена какого-то определенного товара угрожающе падает, настолько угрожающе, что это становится уже явным бедствием. Речь идет о том, что мы прежде всего теоретически наблюдаем действительное падение цены. Мы лишь зарегистрировали некоторым образом показания термометра. А затем перед нами встает вопрос: что делать, если цены какого-либо товара или продукта угрожающе падают? — В дальнейшем мы еще рассмотрим это конкретнее, теперь же мне бы только хотелось сказать, что может быть сделано в том случае, если цена какого-то товара угрожающе падает. Действие будет состоять в принятии мер, способных противостоять этому падению цен. Можно провести различные мероприятия. Но одно из них должно состоять в том, чтобы как-то ускорить оборот, оживить торговлю данным товаром. Это одно мероприятия может оказаться недостаточно; мы, однако, не будем выяснять, является ли это мероприятие достаточным или вообще правильным, речь идет о том, что при таком падении цен мы делаем нечто такое, что может увеличить товарооборот.

Мы должны фактически совершить что-то, подобное влиянию на показания термометра. Если нам зябко в комнате, то мы ведь не станем подходить к показанию термометра так, чтобы каким-то таинственным способом растянуть в длину столбик этого термометра; мы оставим термометр в стороне и нагреем комнату. Мы подойдем к делу совсем с другой стороны. Так же и с экономикой. И в приведенном примере с торговлей мы также беремся за дело совсем с другой стороны. Тогда вопрос становится практическим, и мы должны сказать: экономическая наука есть одновременно наука теоретическая и практическая. — Дело только в том, как мы соотносим практическое с теоретическим.

Это одна сторона предмета экономической науки. На другую, оставшуюся непонятой, я уже много лет назад обратил внимание в статье, написанной мною в начале столетия⁴ и названной в то время «Теософия и социальный вопрос»; она, собственно, имела бы значение лишь в том случае, если была бы воспринята практиками, которые потом руководствовались бы ею. Так как статья вообще осталась незамеченной, я не написал продолжения и ничего не публиковал. Надо, однако, надеяться, что эти вещи будут встречать все большее понимание. Их более глубокому пониманию, может быть, послужат настоящие доклады. Для понимания этого нам надо сделать краткое

историческое рассмотрение.

Обратившись к истории человечества, вы найдете — я уже упоминал на это в первом докладе, — что в прежние времена, даже до XV—XVI веков, совершенно не существовало таких экономических проблем, которые мы имеем теперь. Например, хозяйственная жизнь в странах Древнего Востока протекала большей частью инстинктивно; между людьми существовали известные социальные отношения, формирующие касты и классы, и связи человека с человеком тоже складывались, я бы сказал, инстинктивно, под действием этих социальных отношений; ими же на инстинктивной основе определялось и то, каким образом отдельный человек вступал в хозяйственную жизнь. Ведь основой здесь служили большей частью импульсы религиозного характера, которые в древние времена еще приводили в порядок и регулировали экономику. Если вы исследуете жизнь Востока с исторической точки зрения, то не увидите, собственно, нигде строгой границы между религиозными предписаниями и тем, что должно было тогда выполняться в хозяйственной деятельности. Религиозные заповеди многообразно вплетались в хозяйственную жизнь, так что в древние времена вопрос труда, вопрос о циркуляции в социальном организме стоимости труда совершенно не возникал. Труд в некотором смысле был делом инстинкта; и если кто-либо трудился больше или меньше, то во времена, предшествовавшие эпохе Рима, это не было значительной проблемой, по крайней мере не было значительной общественной проблемой. Встречавшиеся исключения совсем не учитывались по сравнению с общим ходом человеческого развития. Еще у Платона мы находим такой социальный взгляд, в котором труд, в сущности, воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и социальное он осмысливает как этические и исполненные мудрости импульсы, не видя трудовой деятельности.

Это постепенно менялось по мере того, как религиозные и этические импульсы все менее непосредственно воздействовали на хозяйственные инстинкты, все более ограничивались только моралью и становились только предписаниями относительно того, какие чувства люди должны питать друг к другу, как вести себя по отношению к сверхчеловеческим силам и так далее. Все больше и больше у людей развивалось воззрение, ощущение, что, выражаясь образно, с церковной кафедры нечего сказать о том, как надо работать. И только поэтому труд, собственно, его включение в социальную жизнь, впервые стал проблемой. Включение труда в социальную жизнь исторически невозможно без появления права. И мы видим, что оценка труда отдельного человека и право исторически появляются одновременно. По отношению к очень древним временам человечества вы вообще, собственно, не можете говорить о праве в том смысле, в каком мы теперь его понимаем; о праве вы можете говорить только тогда, когда оно отделяется от заповеди. В древности заповедь представляла собой нечто единое. Она одновременно содержала все, что является справедливым. Потом заповедь все больше и больше сосредотачивалась в пределах чисто душевных переживаний, а право приобретало значение во внешней жизни. Это происходило опять-таки в соответствующую историческую эпоху. В эту эпоху сложились

совершенно определенные социальные отношения. Более подробные описания завели бы нас слишком далеко; но очень интересно было бы изучить, как в первые столетия Средневековья правовые отношения, с одной стороны, и трудовые отношения, с другой, выделяются из религиозных организаций, внутри которых они до тех пор в той или иной мере находились, — религиозных организаций, разумеется, в широком смысле.

Отсюда исходит вполне определенное следствие. Ведь пока религиозные импульсы являются решающими для всей социальной жизни человечества, эгоизм не вредит. Это чрезвычайно важно также для понимания социальных, хозяйственных процессов. Человек может еще оставаться насколько угодно эгоистичным, так как эгоизм не вредит, если религиозная организация, которая, например, в некоторых странах Древнего Востока была очень строгой, — если религиозная организация такова, что человек, несмотря на свой эгоизм, плодотворно включается в социальную жизнь; но эгоизм начинает приобретать в жизни народа некоторое значение с того момента, когда право и труд выделяются из других социальных импульсов, социальных течений.

Отсюда следует, что в ту эпоху, когда труд и право эмансипируются, гений человечества начинает, я бы сказал, бессознательно стремиться обуздать человеческий эгоизм, который теперь действует активно и который определенным образом должен быть включен в социальную жизнь. Это стремление затем достигает своего пика в современной демократии, в осознании такого равенства людей, при котором каждый мог бы участвовать в установлении правого порядка и сам распоряжаться своим трудом.

Но одновременно с этой вершиной эмансипированного права и эмансипированного труда появляется еще нечто иное, которое хотя и существовало в более ранние эпохи развития человечества, но благодаря религиозно-социальным импульсам имело совсем другое значение. В Средневековье оно существовало в нашей европейской культуре в ограниченном масштабе и начало развиваться к своей кульминации только с того времени, когда право и труд в достаточной степени эмансипировались. Речь идет о разделении труда.

В более ранние эпохи развития человечества разделение труда не имело особого значения, потому что оно тоже подчинялось религиозным импульсам, и каждый в известной мере был поставлен на свое место. Но когда склонность к демократии объединилась со стремлением к разделению труда — а это пришло только в последние несколько столетий, но наибольшей высоты достигло в XIX веке, — тогда разделение труда начало приобретать совершенно особое значение; оно привело к определенным результатам в экономике.

С причинами и ходом развития этого разделения труда мы еще познакомимся, но если мы сначала продумаем это до конца чисто теоретически, то должны будем сказать: разделение труда приводит в результате к тому, что никто не использует для себя то, что он сам производит. Но это выражено в характерном для экономики виде! Итак, никто не использует для себя — говоря на языке экономики — то, что сам производит! Что это значит? Теперь я поясню это на

примере.

Допустим, портной изготавливает одежду. Разумеется, при разделении труда он должен производить одежду для других людей. Но он ведь может сказать так: я изготавливаю одежду для других людей, но свою собственную одежду я изготовлю себе сам. В таком случае некоторую часть своего труда он использует на производство своей собственной одежды, а оставшуюся часть труда, гораздо большую, употребит на то, чтобы производить одежду для других людей. Рассматривая это по-бытовски банально, можно было бы сказать: да это ведь совершенно естественно при разделении труда, что портной сам изготавливает себе свою одежду, а потом работает для других именно в качестве портного. Но как обстоит дело, если говорить на языке экономики? С экономической точки зрения дело обстоит так: благодаря тому, что существует разделение труда, и, следовательно, каждый человек не производит сам для себя все нужные ему вещи, но работает для других, каждая вещь — по причине существующего разделения труда — получает определенную стоимость и, как следствие стоимости, также и цену. И теперь возникает вопрос: если, например, благодаря разделению труда, которое ведь имеет свое продолжение в циркуляции, в обращении товаров, если, следовательно, благодаря этому разделению труда, вступающему в сферу товарообращения, вещи, изготовленные портным для других, имеют определенную стоимость, то имеют ли такую же экономическую стоимость вещи, изготовленные им для себя, или они, может быть, дешевле или дороже? Это — важнейший вопрос. Когда портной изготавливает одежду для себя, она не входит в циркуляцию товаров. Все, произведенное им для себя, не участвует в удешевлении, вызванном разделением труда, следовательно, — она дороже. Она дороже, даже если сам портной ничего за нее не платит. Вещь дороже по той простой причине, что, изготавливая ее для себя, он не может ограничиться тем количеством труда, который ему требуется для изготовления вещи, переходящей затем в экономическую циркуляцию, в образование стоимости.

По-видимому, теперь это надо уточнить, но дело обстоит именно так. Все, что производится для собственных нужд и тем самым не входит в циркуляцию, основанную на разделении труда, все это обходится дороже того, что участвует в разделении труда. Так что, осмысливая разделение труда в его крайнем выражении, можно сказать: если бы портной работал только для других людей, то цена продуктов его труда была бы именно такой, какой она, собственно, и должна быть. И он шил бы себе одежду у другого портного или добывал бы ее так, как ее обычно добывают, то есть покупал бы себе одежду там, где она продается.

Пронаблюдав все это, вы должны будете сказать: разделение труда ведет к тому, чтобы вообще никто больше не работал для самого себя, но все им выработанное переходило бы к другим. А то, что ему самому нужно, должно быть, в свою очередь, возмещено ему обществом. Может быть, вы возразите: да, собственно, костюм для портного, если он покупает его у другого портного, должен стоить ровно столько, сколько он стоил бы ему, если бы он сам его изготовил, потому что и другой портной не сделает костюм ни дороже, ни дешевле. И это было

бы так, если бы не было разделения труда, во всяком случае, сколько-нибудь развитого разделения труда; было бы так по той простой причине, что эта продукция осталась бы не затронутой действием громадной концентрации труда, достигаемой его разделением. С началом разделения труда становится невозможным не переносить это разделение в процесс циркуляции, а значит, становится невозможным, чтобы один портной покупал костюм у другого портного, но он должен покупать его у торговца. А это приводит совсем к другой стоимости. Портной, изготавливая себе свой собственный пиджак, покупает его у самого себя; а если он покупает его в действительности, то покупает у торговца. Отсюда разница. И так как разделение труда в связи с циркуляцией удешевляет продукцию, то пиджак портного, купленный у торговца, обходится ему дешевле, чем изготовленный им для себя.

Заметим все это в качестве исходной точки, которая ведет нас к предмету экономической науки; эти факты мы еще рассмотрим в дальнейшем.

Но, исходя из этого, теперь мы уже непосредственно признаем: чем дальше идет разделение труда, тем больше получается так, что один всегда работает для других, для неопределенного социума, но никогда — для себя. Другими словами, это значит: с приходом современного разделения труда экономика самими своими способами существования призвана решительно искоренять эгоизм. Пожалуйста, поймите это не в моральном смысле, а чисто экономически! Эгоизм экономически невозможен. С развитием разделения труда ничего уже больше нельзя делать для себя, но все надо делать для других.

По существу, благодаря внешним обстоятельствам альтруизм, как требование, выступил в хозяйственной области быстрее, чем был понят в области религиозно-этической. Это легко подтверждается историческим фактом.

Слово «эгоизм» имеет давнее происхождение, вы встретите это понятие в довольно ранней истории, хотя, пожалуй, и не в его сегодняшнем резком значении. В противоположность этому, слово «альтруизм», как направленный на других образ мыслей, насчитывает едва ли одно столетие; это слово изобретено очень поздно, и мы поэтому можем сказать, но не будем слишком сильно опираться на этот внешний факт, который могло бы подтвердить историческое исследование, — Мы можем сказать: этика еще далеко не пришла к полному осознанию ценности альтруизма, когда его экономическая ценность уже выявилась благодаря разделению труда. — И если теперь мы рассмотрим требование альтруизма как требование экономическое, то мы из этого получим, я бы сказал, непосредственный вывод: в современной экономике надо найти способ, с помощью которого человек не сможет заботиться о себе, но только о других, и с помощью которого каждый будет обеспечиваться лучше всего. Это можно счесть за идеализм, но я еще раз обращаю ваше внимание: в этом докладе я говорю не об идеализме и не об этике, но об экономике. И только что сказанное надо понимать чисто экономически. Не божество, не нравственная заповедь, не инстинкт требуют от современной хозяйственной жизни альтруизма в труде, в производстве товаров, но просто современное разделение труда. Чисто экономическая

категория требует этого.

Приблизительно то же самое я хотел сказать в упомянутой статье: наша экономика требует от нас больше, чем мы в новое время способны совершить в религиозно-этическом смысле. В этом причина многих конфликтов. Простудите современную социологию. Вы найдете, что социальные конфликты по большей части сводились к тому, что, при развитии хозяйства в хозяйство мировое, все больше и больше возникала необходимость быть альтруистичным, альтруистично организовывать социальные порядки, тогда как люди со своим мышлением еще, собственно, совсем не осознали, как подняться над эгоизмом, и потому постоянно портили дело эгоистическим вмешательством в это требование.

Мы поймем все значение того, о чем я сейчас сказал, если исследуем не только фактически лежащее на поверхности, но и скрытое, замаскированное. Этот скрытый, замаскированный факт заключается в том, что, из-за наличия в сознании человечества нового времени разлада между требованиями экономики и религиозно-этическими возможностями, экономика по большей части практически такова, что люди сами заботятся о себе, и, следовательно, наша экономика сама противоречит тому, что, благодаря разделению труда, является ее собственным требованием. Речь не идет о тех немногих, которые обеспечивают сами себя, как в приведенном мною примере с портным. Мы будем считать портного, который сам изготавливает себе костюмы, примешивающим что-то чуждое к разделению труда. Но такой пример очевиден. А замаскировано это в современной экономике там, где человек, хотя вовсе и не производит свою продукцию для себя, однако, в сущности, не имеет возможности ничего особенного делать со стоимостью или ценой этой продукции, а, находясь вне экономического процесса, внутри которого находится эта продукция, он может приносить в экономику в качестве стоимости только сделанное своим непосредственным личным трудом. По существу, всякий наемный работник в наше время обычно является еще и самоснабженцем. Он вносит столько, сколько хочет заработать; он не вносит в социальный организм все, что может внести, потому что хочет вносить лишь столько, сколько хочет заработать. Ибо самоснабжение и означает работу ради заработка; а работать для других означает работать ради соображений социальной необходимости.

Поскольку разделение труда в новое время реализует свое требование, постольку в действительности существует альтруизм — работа для других; но поскольку это требование не выполняется, постольку существует старый эгоизм, который основан просто на том, что человек должен сам себя обеспечивать. Экономический эгоизм! Этого не замечают по отношению к обычному наемному работнику просто по той причине, что совсем не задумываются, какие же собственно стоимости здесь обмениваются. То, что производит обыкновенный наемный работник, не должно иметь никакого отношения к оплате его труда, не может иметь с ней ничего общего. Но оплата, оценка его труда происходит на основе совсем иных факторов, не так, как должна, поэтому и получается, что он работает для своего заработка, для самообеспечения. Это скрыто, замаскировано, но это так.

Таким образом, перед нами встает один из первых, важнейших вопросов экономики: как удалить из экономического процесса труд ради заработка? Как тех, кто сегодня еще работает только ради заработка, можно поставить в экономический процесс так, чтобы они работали не ради денег, а работали на основе социальной необходимости? Нужно ли это? — Несомненно. Ибо если мы этого не сделаем, то никогда не получим правильных цен, но только ложные. Мы должны получать цены и стоимости, зависящие не от людей, а от экономического процесса, цены, складывающиеся из постоянных колебаний стоимостей. Вопрос о ценах — кардинальный вопрос.

Мы должны наблюдать цены, как градусы термометра; тогда мы подойдем к другим условиям, лежащим в их основе. Но наблюдать за показаниями термометра можно только в том случае, если имеется некий нулевой градус. От него идут вверх и вниз. По отношению к ценам как раз и возникает совершенно естественным образом некий род нулевой точки, которая получается следующим образом.

С одной стороны мы имеем природу (см. рис. 2), она изменяется человеческим трудом — так создаются измененные трудом продукты природы. Это одна точка образования стоимости, стоимость 1. С другой стороны мы имеем труд. Он изменяется духом, и возникает другая стоимость, стоимость 2. И затем, как я говорил вам, при взаимодействии стоимостей 1 и 2 возникают цены. Мы будем все дальше продвигаться в понимании этих экономических взглядов. Но стоимости здесь стоимость 1 и стоимость 2 — соотносятся на самом деле полярно. Можно сразу сказать: тот, кто, к примеру, работает в этой, то есть (см. рис. 2, справа) преимущественно в этой области — полностью это возможно, но преимущественно — кто работает преимущественно таким образом, что труд организуется духом, тот заинтересован в низкой стоимости продуктов природы. А тот, кто работает с природой, изменяет трудом продукты природы, заинтересован в низкой стоимости других продуктов. И когда этот интерес становится реальным процессом, как это и есть на самом деле, — ибо в противном случае цены, назначаемые сельскими хозяевами, были бы совсем другими, так же как и цены на продукты второго рода, и мы имели бы с обеих сторон совершенно замаскированные цены, — тогда посередине, где есть двое — а для экономики всегда нужно присутствие двоих — где есть двое, и они мало заинтересованы в продуктах природы или в том, что возникает из-за приложения к труду духа, или в капитале, — там, в середине, мы можем наблюдать нечто вроде средней цены. Когда же практически так происходит? А практически это происходит тогда, когда один торговый посредник, торговец, покупает у другого такого же торговца, когда оба они взаимно покупают друг у друга. Здесь цены имеют тенденцию к средней стоимости продукции. Когда торговец обувью покупает у торговца одеждой в условиях, складывающихся нормальным — в дальнейшем мы еще поясним это слово — образом, то устанавливаемая цена имеет тенденцию к среднему уровню. Средний уровень цен мы должны искать не в заинтересованности производителей, находящихся в связи с природой, и не в заинтересованности производителей, находящихся в связи с духовной стороной; но мы должны искать у торговцев то, что

устанавливает средние цены. Неважно, идет ли речь об одном торговце или о многих. Средняя цена имеет тенденцию образовываться там, где торговцы встречаются, покупая и продавая.

Здесь нет противоречий, посмотрите на современных капиталистов: ведь они, по существу, торговцы. Предприниматель — это, собственно, торговец. Попутно он является производителем своих товаров, но экономически — он торговец. Торговля развилась из производства. В основном, существенном, предприниматель — торговец. Это важно, и на самом деле как раз современные условия приводят к тому, что развивающееся здесь, посередине (см. рис. 2), в виде определенной тенденции излучается как в одну, так и в другую сторону. По отношению к одной стороне это нетрудно понять, если изучить предпринимательство; как это выглядит по отношению к другой стороне, мы увидим в ближайшие дни.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 27 июля 1922 года

Вчера для наглядности я выбрал один особо выразительный пример из хозяйственной жизни. И, по-видимому, этот несколько грубоватый пример заставил кого-то немного поломать голову. Это пример с портным, которому менее выгодно работать для себя, изготавливая свой собственный костюм, костюм для самого себя, нежели, изготавливая костюмы для других, покупать себе костюм у торговца. Разумеется, этот грубоватый пример не может однозначно прояснить обстоятельства дела, ибо, при обычном раскладе, совершенно естественно сказать: ведь торговец должен получить какую-то выгоду; покупая костюм у портного, он платит за него меньшую цену, чем та, по которой его продает; следовательно, портной, покупающий себе костюм, должен ради выгоды торговца заплатить дороже, чем он обошелся бы ему самому. Это возражение настолько очевидно, что оно не может не возникнуть; все же я выбрал именно этот грубоватый пример, чтобы наглядно показать, насколько по отношению к современной экономике требуется мыслить не в рамках домашнего хозяйства, а экономически, и насколько необходимо принимать в расчет то, что возникает благодаря разделению труда.

Речь идет не о том, что портной, изготовив костюм и продав этот костюм торговцу, тотчас же купил у него другой костюм и на этом что-то потерял; но речь идет о том, что портной через некоторое время, скажем, через какое-то время «X», будет подводить итоги и выяснять, улучшаются ли они тогда, когда он изготавливает себе собственный костюм, шьет костюм для самого себя, или когда он отказывается делать этот костюм для самого себя.

Если действует разделение труда, то оно соответствующим образом удешевляет продукты; продукты становятся дешевле благодаря разделению труда именно в масштабе всей экономики. И если кто-то работает наперекор разделению труда, то он оказывает некоторое воздействие на цену соответствующего продукта. И это воздействие на цену вызывает в ходе экономического процесса противодействие. Другими словами: одному портному данный костюм, может, обойдется и дешевле, но это коснется сначала совсем малого количества товара;

однако если много портных поступят так же, то результат умножится; каждый портной оказывает, в определенном смысле, воздействие на цену одежды. Одежда станет дешевле. Тогда ему придется другую одежду также изготавливать дешевле. И только вопрос времени, когда он сможет проверить по балансу, насколько он меньше получил за другую одежду, чем получил бы, если бы не воздействовал на цену.

Дело здесь не в том, чтобы подмешивать в наше рассмотрение некоторые соображения по домашнему хозяйству. Я не думаю также, что портной не имеет права или не может иметь желания изготовить себе костюм; но только он не должен думать, что это обойдется ему дешевле: на самом деле — дороже. Костюм через некоторое время обойдется ему дороже в общем балансе. В таком грубоватом случае эта разница мала, потому что воздействие на цену проявляется лишь спустя очень много времени. Портному надо изготовить очень много костюмов, чтобы малая часть удешевления произвела свое действие. Но однажды она скажется в общей сумме его баланса. Необходимо показать именно то, что нельзя мыслить, я бы сказал, так ужасно блуждающе, когда имеют дело с экономическим процессом, который состоит из неизмеримого множества взаимодействующих факторов, местно влияющих на каждое отдельное явление.

Разумеется, вы тотчас потерпите неудачу в экономическом мышлении, если будете опираться в своих мыслях только на то, что находится, я бы сказал, по соседству с хозяйственными явлениями. Таким образом вы никогда не справитесь с понятиями экономического процесса. Надо учиться внимательно рассматривать социальный организм в целом, и эта целостность ведет в конце концов к необходимости прибегать к подобным выразительно-грубоватым примерам, которые показывают, собственно, то, что становится сильно заметным не за один день, а может быть, за десятилетие.

Здесь речь идет о том, чтобы, исходя из таких полуабсурдных примеров, постепенно перейти от мышления привычного к мышлению широко-охватывающему, а благодаря такому широкому охватыванию оно теряет до некоторой степени свои четкие контуры и оказывается в состоянии постичь текучее. То, что находится в непосредственной близости, можно охватить в четких контурах; однако необходимо достичь нового воззрения, такого воззрения, которое непременно принесет с собой подвижные, не стоящие в ряду с другими, идеи. Они уже не будут совпадать с поблизости лежащими удобными идеями.

Об этом я бы и хотел сегодня упомянуть особо, чтобы вы, исходя из сравнительно простых вещей, все же увидели, как из многообразнейших факторов постепенно складывается экономический процесс. Давайте именно сегодня, чтобы все более и более приближаться к возможности постижения проблемы ценообразования, рассмотрим экономический процесс как таковой с одной определенной точки зрения.

Начнем с природы. К природе надо прежде всего приложить человеческий труд, преобразовав ее продукты так, чтобы потом этот превращенный продукт природы, этот преображенный трудом продукт природы, это запечатление человеческого труда в продукте природы получило экономическую стоимость. И в экономике мы ведь имеем дело не с веществом. Оно как таковое не имеет никакой экономической

стоимости. Уголь, который как вещество находится в руднике под землей, не имеет никакой экономической стоимости. Он также не **п**о**л**учит никакой экономической стоимости, если его кто-нибудь **в**о**з**ь**м**ет из рудника в квартиру, в комнату для отопления. Вещество угля превращает в стоимость запечатленный в нем труд, все, что надо было сделать, чтобы обнаружить уголь, разработать рудник, транспортир**о**в**а**ть и так далее. Лишь все то, что запечатлено в веществе угля **ч**ел**о**в**е**ческим трудом, сообщает ему экономическую стоимость. И только с этим имеют дело в экономике.

Вы не сможете постичь экономических явлений, если не будете исходить из таких идей. Ведь именно тогда, когда человеческий труд таким образом прилагается к природе, мы приходим в ходе развития экономики к разделению труда, которое возникает благодаря тому, что люди действуют совместно, действуют в связи с каким-либо **в**аж**н**ым для экономики фактом.

Возьмем совсем простой пример. Допустим, в какой-то местности некоторое количество людей выполняет определенную работу. Эти люди добираются из дома, стало быть, из разных мест, к месту общей работы, туда, где добываются какие-либо продукты природы. Допустим, это **в**р**е**м**я** еще очень примитивных условий, и работники не располагают **д**р**у**гими способами передвижения к месту, где они возделывают природу, кроме пешего. Но является кто-то и обзаводится повозкой с лошастью. Дело, которое каждый сначала должен был осуществлять один, теперь осуществляется им совместно с тем, кто предоставляет повозку. Труд разделяется. Свершаемое, то есть труд в экономическом смысле, **р**аз**д**е**л**яется. А дальше происходит так, что каждый, кто пользуется повозкой, должен выплачивать ее владельцу определенную долю.

Тем самым тот, кто придумал обзавестись повозкой, попадает в категорию капиталистов. Повозка теперь для этого человека — настоящий капитал. Вы увидите, если пожелаете искать, что момент **в**о**з**никновения капитала всегда лежит в разделении труда, в расчленении труда. Но благодаря чему была изобретена повозка? Она изобретена посредством духа. И каждый такой процесс состоит в том, что дух, ум, прилагается к труду, что труд в каком-либо отношении **п**р**о**ни**з**ывается духом. Следовательно, пронизанный духом труд выступает в ходе разделения труда. И когда мы видим появляющийся в ходе **р**аз**д**ел**е**ния труда капитал, мы прежде всего имеем дело не с чем иным, как с пронизанным духом трудом. Первая фаза капитала состоит, **с**о**б**с**т**в**е**н**н**о, всегда в том, что труд организуется, расчленяется и развивается далее духом, а не как раньше — только природой.

Необходимо уяснить себе капитал, образование капитала с этой точки зрения, ибо только с этой точки зрения можно понять **ф**у**н**к**ц**ию капитала в экономическом процессе. Возникновение капитала — это всегда явление, сопутствующее делению, разделению труда.

Но вместе с тем, когда человек возделывает природу, нечто **в**ы**с**т**у**пает из непосредственной связи, в которой человек находится с природой. Пока имеют дело единственно с обработкой природы, мы можем говорить только о продуктах природы, измененных **ч**ел**о**в**е**ческим трудом и получивших благодаря этому некую стоимость;

но в тот момент, когда дух организует труд — труд как таковой, ибо ведь человек, который со своей повозкой делает капитал, по-существу, безразлично, для какой надобности, для какой цели он везет людей из одного места в другое, — происходит освобождение от природы. С одной стороны, повсюду, я бы сказал, есть просвечивающая сквозь человеческий труд природа. Хотя не уголь как вещество образует стоимость, а только запечатленный в угле труд, но все же продукт природы просвечивает сквозь человеческий труд. Это — одна сторона возникновения экономических стоимостей.

Вторая сторона такова: то, что благодаря духу организуется в труде, это полностью освобождается, полностью отделяется от природы. Здесь мы встречаем, наконец, капиталиста, для которого становится совершенно безразличным, как относится к природе разделенный с его помощью труд. Это может произойти очень рано. Такому человеку может прийти на ум: в то время, в которое он до сих пор возил людей из различных мест на полевые работы, он теперь будет, забрав оттуда свою повозку, если это его больше устраивает, возить других людей в другое место, совсем на другую работу. Вы найдете, что при использовании духовного совершенно освобождается от природной основы то, что появляется как разделение человеческого труда. Но тем самым и капитал освобождается от природной основы.

В экономике с разных точек зрения утверждалось, что капитал есть накопленный труд; но это, собственно, только определение, которое вследствие текучести предмета пригодно лишь для известного периода. До тех пор, пока духовная организация связана в самом узком смысле с каким-либо видом труда, природа еще будет просвечивать через него. Но в то время, когда начинают эмансипироваться и больше не думать о том, как благодаря использованию духа сделать плодотворным то, что добыто, — в это время также замечают, что в массе капитала, которым тогда владеют, труд постепенно становится неопределенным, исчезает его особое своеобразие.

Допустим, вы некоторое время занимались капитализацией и приобрели благодаря этому капитал, который теперь действительно экономически работает. Тот, кто имел сначала одну повозку, может, экономически развиваясь, приобрести вторую повозку и так далее. Его капитал работает экономически. Но, в сущности, в нем ничего больше нет от природы труда. Если вы взглянете на труд горняка, то увидите в нем очень много присущего именно природе труда; но внутри капитала вы менее всего увидите сам труд; и даже если вы допустите, что один человек передает теперь все дело другому, то для другого человека в этом переходе будет важным из всех условий только то, чтобы совершаемое духом приносило плоды; ему будет совершенно безразлична природа труда, который здесь организован. Только бы он вообще был организован.

Другими словами: мы имеем здесь реальный процесс абстрагирования. Это — совершенно то же самое, что обыкновенно выполняют внутренне в логическом мышлении, в абстрагировании. Но здесь это выполняют внешне. В массах капитала постепенно исчезают особенности веществ природы и видов труда. Проследивая дальше экономический процесс, мы видим, что в нем совсем ничего уже не

остаётся от того, что было первоначально организовано в виде труда. Ибо если вы поймете поступательный ход экономического процесса, он предстанет примерно так: человек, проигравший повозку, ещё по крайней мере запечатлел свой образ мыслей в этом изобретении; но теперь он на этом зарабатывает в виде стоимостей больше, чем сам может как-то освоить. Должны ли эти стоимости оставаться неиспользованными в экономике? Они не должны оставаться без использования. Должен прийти другой человек, который может освоить эти стоимости с помощью иного рода духовности, кто может реализовать эти стоимости совсем другим способом.

Итак, представьте себе: стоимости, созданные изобретателем повозки, то есть плоды его деятельности, переходят через некоторое время к ювелиру. Ювелир обладает духовной способностью устроить ювелирную мастерскую. Но, обладая одной этой способностью, он ещё ничего не может сделать. Однако первый уже создал экономические стоимости. И он должен передать их другому. Здесь вы имеете целый процесс абстрагирования во внешней реальности.

Поэтому для продолжения развития необходима возможность передавать стоимости — иначе дело дальше не пойдёт, ибо как сможет передать свои стоимости ювелиру тот, кто сделал повозку? Здесь должно существовать нечто такое, что, как абстрактное, относится к особенному, свойственному экономике. И это, прежде всего, — деньги. Деньги есть не что иное, как внешне выраженная стоимость, возникшая экономически, благодаря разделению труда, и переданная от одного к другому.

Итак, мы видим, что в ходе разделения труда появляется капитализм, а в ходе развития капитализма, и довольно скоро, — денежное хозяйство. По отношению к отдельным экономическим свершениям деньги — это полнейшая абстракция. Если у вас в кармане пять франков, вы можете на них купить еду для обеда и ужина или что-то из одежды. Для денег не имеет значения, с какой целью их приобретают и на что обменивают в хозяйственном процессе. По отношению к реальным экономическим факторам, ещё находящимся под влиянием природы, деньги абсолютно равнозначны. Поэтому деньги и становятся выражением духа, его орудием, средством для внедрения духа в экономический организм, находящийся в условиях разделения труда.

Если мы говорим о разделении труда, то для духа вообще было бы невозможно вступать в экономический организм без денег. Мы можем сказать так: нечто, пребывающее первоначально совместно в экономике и прорабатываемое каждым отдельно для своего эгоизма, распределяется затем во всем целом. Ведь именно это и возникает при разделении труда. В капитале снова объединяются частности в общем процессе. Образование капитала — это синтез, настоящий синтез. Тот, кто таким путем занимается образованием капитала, кто в силу необходимости появления денег может обратить свой капитал в денежный капитал, — тот становится кредитором для того, кто не имеет ничего, кроме духовной способности. Он получает деньги. Деньги — подлинный представитель экономических стоимостей, добываемых духом.

Мы должны рассматривать вопрос чисто экономически. С религиозной и этической стороны деньги могут быть очень скверной вещью; в экономическом смысле деньги — это дух, действующий внутри экономического организма, и ни что другое. В экономическом процессе должны быть созданы деньги, чтобы дух вообще нашел свой дальнейший путь от исходного пункта, где он обращен только к природе. Если бы дух был обращен только к природе, он оставался бы в примитивном состоянии. Чтобы достижения духа могли снова вливаться в экономический процесс, дух должен реализовываться в качестве денег. Деньги — это реализованный дух. Однако снова появляясь нечто конкретное. Но деньги, прежде всего, — это абстрактное, о котором можно сказать: все равно, куплю ли я на пять франков что-то из одежды или схожу подстричься — ведь не достаточно сделать единственную стрижку — я полагаю, для денег это безразлично. Однако в то время, когда деньги возвращаются к личности человека, к человеческому духу, они сразу становятся чем-то таким, что начинает снова действовать экономически в своей особой конкретности. Это значит: дух экономически активен в деньгах.

Но тут появляются совершенно особые отношения. Тот, кто сначала приобрел деньги, становится займодавцем, кредитором. Другой имеет только духовную способность и, получая деньги, становится должником. Теперь здесь возникают отношения между двумя людьми. Такие же отношения могут возникнуть и в том случае, если займодавцами являются несколько человек, передающих свои излишки тому, кто, благодаря своему духу, способствует еще более высокому синтезу; но он остается должником. Он работает на почве, целиком и полностью освободившейся от природной основы, ибо то, что он получает от любых капиталистов, само по себе ему ничего не дает и ничего не значит; он ведь должен это через некоторое время опять вернуть, оно не принадлежит ему. С одной стороны, экономически он работает, собственно, только как должник, а с другой стороны, несет ответственность за духовное творчество. И одним из видов наиболее здоровых отношений — мы должны это особенно учитывать при рассмотрении социального вопроса — являются именно такие, при которых духовно активный человек работает для общества благодаря тому, что дает ему деньги именно общество, ибо таковым является для него общество. Какую роль в этом играет собственность, владение и так далее — мы еще увидим. Здесь речь идет только о том, чтобы проследить экономический процесс. Совершенно безразлично, будете вы воспринимать займодавца как собственника или нет, а должника — так, как это делает юриспруденция, или не так. Для нас сейчас важно, как протекает экономический процесс.

Итак, мы, наконец, видим ту часть экономического процесса, в которой работают только на основе того, что духовно достигнуто, эмансипировалось. Но это достижение духа возникло из организации труда. Однако мы теперь находимся на втором этапе. Если бы вы на этом втором этапе, где духовно активный работник является должником, захотели бы сказать, что получаемый им заемный капитал есть «кристаллизованный труд», то высказали бы экономически чудовищную нелепость, ибо для экономического процесса не имеет

никакого значения, как во вник данный заемный капитал, но имеет значение только *то*, как творит дух какого-то человека, у которого теперь есть деньги, каким способом он может плодотворно перевести их в экономический процесс. Тот первый труд, благодаря которому возник капитал, не имеет больше никакой экономической стоимости; экономическую стоимость имеет теперь только то, что совершит человек как дух, чтобы реализовать деньги. Представьте себе, что в капитал вложено много труда, но приходит дурак и тратит все впустую; а в другом случае разумный человек с такими же деньгами начинает экономически плодотворный процесс.

Таким образом, на втором этапе, где мы имеем дело с кредитом и должником, надо сказать: мы имеем дело с капиталом, полностью утерявшим связь с конкретным трудом.

В чем же состоит экономическое значение этого капитала, из которого исчез труд? Его экономическое значение состоит исключительно в том, что появляется возможность, во-первых, этот заемный капитал собрать, и, во-вторых, его духовно реализовать. В этом и состоит экономическое значение данного капитала.

Отсюда реально возникают отношения между должником и его работодателем. Должник находится в середине экономического процесса, который он сам и начинает. Мы имеем дело, с одной стороны, с тем, что дается должнику, а с другой стороны, с тем, что исходит от должника как от духовно производящего. И мы можем сказать: в этом случае то, что на одной стороне является ссудным капиталом, просто переходит во второй этап, становясь заемным капиталом.

Здесь у вас нет ничего, кроме циркуляции капитала; но в деятельности социального организма эта циркуляция капитала подобна циркуляции крови в человеческом или животном организме, которая протекает через голову и используется для ее деятельности.

Что же происходит, когда мы имеем дело с появлением работодателей и должников? Происходит нечто сходное с тем, что выступает в области физического в виде разных уровней жидкости в сообщающихся сосудах. Если в одном из них уровень воды выше, то она, благодаря разнице уровней, перетекает вниз. Такой же простой является социальная разница уровней между первым положением капитала и вторым, между положением работодателя, который не знает, с чего начать, и положением должника, который может капитал реализовать. Здесь тоже действует разница уровней.

Но нам надо подумать о деятельном начале при этой разнице уровней. А деятельным является даже не то, что как дух выражает себя в происходящем, но то, что при данной разнице уровней обуславливает различные способности людей. Если некий глупец обладает капиталом, то в здоровом экономическом процессе глупец оказывается наверху, а умный — внизу. Из-за этого возникает разница уровней. Капитал плывет вниз, к умному. И, благодаря разнице уровней между человеческими способностями, капитал, собственно, приходит в движение. Даже не сама деятельность человека, а человеческие качества людей, связанных друг с другом в социальном организме, обуславливают социальную разницу уровней, и только тогда экономический процесс движется дальше.

Если вы теперь конкретно рассмотрите этот экономический процесс то скажете себе: мы начали с природы, которая еще ничего не стоит. Она ничего не стоит потому, что воробей, удовлетворивший на воле свои потребности, ничего за это не платит. Следовательно, природа как таковая еще не имеет никакой экономической стоимости. Это отличает воробьиное хозяйство от хозяйства человеческого. Экономическая стоимость начинается с того, что человеческий труд связывает себя с природой. Дальше развитие экономического процесса происходит так, что труд разделяется, делится. Здесь присутствует то, что мы назовем сначала в самом общем виде трудом, приложенным к природе. Чтобы постепенно раскрылся полный экономический смысл данного вопроса, я хочу обозначить как Pm то, что здесь выступает в качестве природы, охваченной человеческим трудом. Что такое в экономическом смысле «природа, охваченная человеческим трудом»? Это, как мы видели, есть стоимость, стоимость в экономике. Я хочу, следовательно, назвать природу, охваченную трудом и ставшую стоимостью: Pm^c . Это — одно.

Теперь приходит разделение труда. Но что оно означает в этом смысле? В этом смысле разделение труда означает разделение трудовых процессов, которые применялись прежде к природе, а потом получили дальнейшую жизнь. Не правда ли, если бы я с самого начала целиком складывал печку, я выполнял бы самые разные трудовые процессы; разделив их, я освобождаю эти процессы от связи между собой. Я разделяю. И если Pm^c означает продукт природы, измененный трудом и ставший стоимостью, то, с разделением этого труда, Pm^c разделяется на части и появляются Pm^{c1} , Pm^{c2} , Pm^{c3} и так далее.

Если теперь осуществляется действительно реальный процесс, то как должно быть выражено вступление в него разделения труда? — Делением, дробью. Надо каким-то образом делить возникающее в реальности, когда стоимость, которую я здесь записал, подвергается воздействию разделения труда. Вопрос теперь только в том, на что же это делить? Каков делитель? И что делит этот процесс? Тут мы должны увидеть как раз другую сторону. Не правда ли, в чистой математике надо только понять то, что дано в числах; но если счетные процессы происходят в самой действительности, тогда надо разыскать то, что в самом деле делит, это надо разыскать. На другой стороне мы нашли труд, охваченный духом. Следовательно, мы можем труд, охваченный духом и превращенный на другой стороне в стоимость, Td^c , записать под дробной чертой. Но мы ведь уже достигли некоторого понимания труда, охваченного духом: если он должен действовать дальше в экономическом процессе, то есть если Pm^c разделяется, и он должен действовать дальше, то мы же видели, что, собственно, выступает здесь вслед за Td^c — трудом, организованным благодаря духу и превращенным в стоимость:

Выступают деньги. Но деньги теперь выступают не так, как сначала, в своей полной абстрактности, я сказал бы, в качестве некоей субстанции, к которой прилагается дух; они становятся очень индивидуализированными, очень особенными, когда охватываются духом и используются им для того или другого. Действуя так, дух как

таковой определяет стоимость денег. Здесь деньги начинают приобретать определенную, конкретную стоимость. Ибо теперь в экономическом процессе в качестве совершенно реальной стоимости обнаруживается, потрачены ли они каким-нибудь глупцом без пользы или же употреблены плодотворно. Итак, вы получаете в виде знаменателя нечто, имеющее отношение к деньгам. В виде числителя, естественно, я могу получить то, что имеет отношение к преобразованию природы. Но если вещество природы преобразовано трудом и находится в экономическом процессе, то это — товар, и он обозначен так в формуле над дробной чертой A организованный труд, то есть деньги, так и обозначен в формуле под дробной чертой:

Это значит, что теперь перед нами выступают новые стоимости — товарная и денежная стоимости. И в экономическом процессе, основанном на разделении труда, мы должны познать, что частное при делении существующего в экономическом организме товара на существующие в экономическом организме деньги представляет собой взаимодействие, в котором делитель — это деньги, рассматриваемые не как отчисления в кассу, а как то, что охватывается духом человека. И в этом взаимодействии, которое можно изобразить не в виде вычитания, а как раз в виде деления, — в этом взаимодействии заключается, собственно, здоровье экономического процесса. И чтобы постепенно понять здоровое состояние экономического процесса, нам надо знать, что действует в числителе и что — в знаменателе:

Мы должны все больше и больше осознавать, в чем состоит подлинная сущность товара, с одной стороны, и подлинная сущность средств обращения, денег, с другой стороны. Самые значительные экономические проблемы никак нельзя разрешить, если не подходить к предмету с помощью такого способа, если не представлять себе ясно, что происходящее в экономике всегда должно быть чем-то текучим. Когда товар только перевозят с одного места на другое, знаменатель несколько меняется и так далее. И я могу, собственно, всегда указывать лишь на то, как все изменчиво в экономическом процессе.

Весьма значительная разница между кошельком в моем кармане, в котором лежат пять франков, и кошельком кого-нибудь другого, в котором тоже лежат пять франков. Не безразлично, у кого в кармане находятся пять франков, все это, безусловно, должно учитываться в реальном экономическом процессе. Иначе вы получите только некоторые нагроможденные, как частокол, абстрактные понятия цены, стоимости, товара, производства, потребления и так далее, и вы не получите того, что ведет к действительному пониманию экономического процесса.

Бесконечно печально видеть в нашей современной действительности, что просто благодаря многовековой привычке человечества к резко очерченным понятиям, не пригодным для познания живого процесса, мы теперь не можем осуществить то, что ныне с необходимостью предстает перед нами как некое требование: привести наши понятия в движение для проникновения в экономический процесс. Именно это должно быть достигнуто — подвижность мышления, чтобы процесс как таковой можно было

внутренне осмыслить. Разумеется, естествоиспытатели тоже продумывают процессы, но они их рассматривают снаружи. Однако экономике так не помочь. Ведь следуя этим путем, вы должны были бы очень высоко подняться, как на воздушном шаре, и глядеть на экономический процесс снаружи так же, как химик рассматривает снаружи свои процессы. Экономические же процессы отличает то, что мы находимся внутри них. Следовательно, мы должны рассматривать их изнутри. Мы должны почувствовать себя в экономическом процессе как некое существо, которое, скажем, находится в реторте. В ней что-то нагревается, кипит. Химик не может быть таким существом в реторте; это существо, которое я хочу сравнить с нами, должно участвовать в нагревании, должно само кипеть. Химик этого сделать не может, для химика это — нечто внешнее. В естествознании мы находимся вне процессов. Химик не смог бы в них участвовать, если бы температура достигла 150°C. В экономических процессах мы всегда сами внутренне участвуем, и мы должны их знать изнутри. Возможно, математик скажет: ведь здесь записано теперь нечто в виде формулы. Непривычно, что математические формулы так строятся. Разумеется, потому что мы привыкли составлять формулы для процессов, рассматриваемых извне! Нам надо развить нашу зеркальность, чтобы получить числитель и знаменатель и постичь, что нечто должно быть делением и не может быть вычитанием. Мы должны попытаться мыслить внутри экономического процесса. Поэтому, естественно, я выбрал вчера грубоватый пример не для того, чтобы рассмотреть портного и торговца, как это делает естествоиспытатель; ибо таким путем мы не сможем прийти к тому, о чем здесь идет речь. Для мышления исследователя, наблюдающего реторту толкно снаружи, кажется жутким желание проникнуть внутрь. Мы же должны представить себе изнутри всю сумму процессов, развертывающихся между портным и всем тем, что происходит в экономике.

Я не выполнил бы того, о чем вы просили, если бы излагал вопрос иначе, чем я его излагаю. Из-за этого он сначала несколько труден.

ПЯТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 22 июля 1922 года

Если мы еще дальше продолжим рассмотрение ряда воспринятых нами вчера факторов экономического процесса, то нам открывается следующее. Мы увидели, что экономический процесс начинается благодаря обработке продуктов природы, что, следовательно, из необработанного природного продукта, еще не имеющего стоимости в экономическом процессе, возникает обработанный продукт природы. Затем мы увидели, что процесс идет дальше вследствие захватывания, некоторым образом, труда капиталом, который рассчитывает, организует труд, а потом труд, в свою очередь, исчезает внутри капитала, так что капитал должен работать для дальнейшего развития экономического процесса. Однако работа капитала больше не является трудом в прежнем смысле, сбережение капитала является чисто духовным элементом. И развитие происходит потому, что движущее, как это было описано вчера, в ходе экономического процесса реализует капитал.

Чтобы постепенно подняться к пониманию указанной вчера формулы, мне бы хотелось то, что я вам здесь разъяснял, представить схематично, до некоторой степени образно. Мы можем сказать: природа переходит в труд (рис. 3). Так что у нас есть это направление от природы к труду.

Природа переходит в труд. Труд продолжает свое развитие. Все фиктивные стоимости устремляются некоторым образом дальше. Труд исчезает в капитале. И мы имеем процесс, идущий вплоть до этого места (см. рис. 3). Вы легко можете представить себе его дальнейшее движение. Оно должно стать кругооборотом. Нельзя, чтобы капитал просто остановился. В таком случае мы имели бы дело не с органическим процессом, но с процессом, который умирал бы в капитале. Капитал должен снова исчезнуть в природе. Вы можете, собственно, наглядно проследить, как капитал исчезает в природе, но если вы хотите правильно понять это исчезновение капитала в природе, вам надо прибегнуть к помощи еще одного понятия.

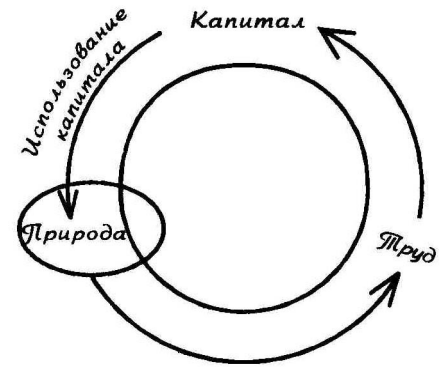

Рис. 3

Обдумайте же то, что я до сих пор представил вам из экономического процесса. Я говорил о переработке природы, об организации труда с помощью духа и о возникновении капитала как явления, отсутствующего организации труда с помощью духа. Потом я говорил о наличном капитале, который некоторым образом принимается организующим труд духом, о ставшем самостоятельным капитале, в котором исчезает труд, и дух работает как изобретающий в области социальных отношений. Конкретно технической стороны изобретений мы здесь не касаемся, она будет принята во внимание только в наших дальнейших обсуждениях.

Но все, что я вам здесь описал — сделайте только обзор, — все это характеризуется с одной точки зрения. И я должен был описать это именно с одной точки зрения. Ибо все это показано с точки зрения производства. О чем-либо другом помимо производства я до сих пор говорил, самое большее, в виде намека. Только когда речь шла о том, чтобы нам немного приблизиться к вопросу цены, я привлекал понятия, проистекающие из потребления; но вы еще, собственно, совсем не обращали внимания на потребление. Итак, я говорил до сих пор о производстве. Но экономический процесс заключается не в одном только производстве, но, кроме того, также и в потреблении.

Самое простое размышление покажет вам, что потребление является прямо противоположным полюсом производства. Внутри производства мы уже постарались найти возникающие при осуществлении экономического процесса стоимости; потребление же заключается в непрерывном устранении этих стоимостей, в непрерывном расходовании этих стоимостей, стало быть, в непрерывном их погашении. И действительно, непрерывное погашение стоимостей — это то, что в экономическом процессе играет противоположную роль. Именно поэтому мы имеем известное право говорить о том, что экономический процесс есть процесс органический, в который вступает

духовный элемент; ибо организм существует как раз благодаря тому, что он нечто образует, потом устраняет. В организме должно непрерывно происходить производство и потребление. То же — и в экономическом организме. Должно быть непрерывное производство и потребление.

Тем самым мы приходим к тому, чтобы увидеть в другом свете, с другой точки зрения то, что проявило себя в виде образующих стоимостей сил. До сих пор мы, собственно, показывали только то, как внутри производственного процесса возникают стоимости. Но теперь, каждый раз, когда стоимость приходит к погашению, меняется все движение, которое мы до сих пор видели. Мы наблюдали непрерывное движение: стоимости образуются приложением труда к природе; стоимости образуются приложением духа к труду, стоимости образуются приложением духа к капиталу. И все это — поступательное движение.

Таким образом, мы можем сказать: внутри экономического процесса мы рассмотрели движение, образующее стоимости. Но благодаря тому, что в этот экономический процесс вступает теперь также потребление, существует еще кое-что другое. Существует то развитие стоимостей, которое возникает между самим производством и потреблением. Стоимость, вступившая в сферу потребления, дальше не движется. Не происходит нарастания стоимости. Она дальше не движется, ибо ей кое-что противостоит. Ей противостоит как раз потребление, характеризующееся развитием потребностей. Здесь стоимость оказывается в совершенно ином положении, чем до сих пор это было представлено в нашем рассмотрении. До сих пор мы рассматривали стоимость в непрерывном движении. Теперь мы должны рассмотреть движение стоимости до определенного пункта, а потом принять во внимание, что она задерживается. Каждый раз, когда стоимость задерживается, не возникает дальнейшего движения, создается стоимость, но возникает образующее стоимости напряжение.

И это есть второй элемент экономического процесса. В нем мы имеем не только стоимостнообразующие движения, но и стоимостнообразующие напряжения. И стоимостнообразующие напряжения мы можем самым непосредственным образом наблюдать, когда потребитель просто противостоит производителю или торговцу, так что в следующий момент мы могли бы сказать, что прекращается образование стоимости, и она попадает в погашение. Здесь образуется напряжение, и это напряжение поддерживается в равновесии благодаря потребностям другой стороны. Здесь (см. рис. 3) процесс создания стоимостей останавливается: ему навстречу выступают потребности, потребление, и между производством и потреблением возникает напряжение, которое тоже является неизменным фактором образования стоимостей, но таким фактором, который надо сравнивать не с различающимся действием сил, а с действием сил, которые сдерживают, держат в равновесии. Тут вы имеете аналогию с существующими в физическом мире кинетическими силами и силами напряжения, кинетической энергией и энергией статики, когда возникает равновесие. Если в экономическом процессе упускают из

виду именно эти энергии напряжения, то приходят к самым странным воззрениям. Можно видеть, как, развивая воззрения об энергии статики, приходят к пониманию тех или иных экономических состояний и как в противном случае приходят к совершенно запутанным взглядам. Если вы в своих взглядах на экономику, например, односторонне придерживаетесь только представлений о движущихся энергиях, то вы не сможете понять, почему алмаз в английской короне имеет такую невероятную стоимость; иначе вам немедленно придется прибегнуть к помощи понятия экономической стоимости, образующейся путем напряжения. Точно так же вы найдете, что многие экономисты принимают во внимание редкость какого-либо продукта природы. Но редкость невозможно понять как фактор образования стоимости, если внутри экономического процесса рассматривать как стоимостнообразующее только движение, если не учиться постепенно понимать, как то тут, то там — главным образом через потребление, но также и через другие отношения — стоимость образуется путем напряжений, благодаря статическим ситуациям, благодаря состояниям равновесия.

Итак, теперь вы видите, что в экономическом процессе, который мы вполне можем рассматривать как процесс органический, куда постоянно вторгается дух, происходит также и погашение стоимостей. Оно там должно быть непрерывным — или вообще идет непрерывно. Следовательно, надо сказать: когда стоимости совершают путь от природы через труд к капиталу, одновременно происходит непрерывное погашение стоимостей. Если бы это погашение не могло происходить соответствующим образом, что бы тогда случилось? То, что случилось бы тогда, вы можете увидеть именно в этом месте (на рис. 3 обозначено "Природа").

Чтобы это действительно уяснить, обратимся к вопросу кредита, к проблеме кредита. Когда в том смысле, о котором я вчера говорил, мы ставим капитал на службу духу, то духовно деятельный производитель становится должником. Он становится должником или может стать таковым только потому, что получает кредит. Сюда вступает кредит (см. рис. 3), так называемый личный кредит. Человек имеет кредит. Кредит можно выразить в цифрах. Ссужаемое в виде капитала теми или иными людьми — это, некоторым образом, его личный кредит. Этот кредит, как вы знаете, связан с определенными последствиями, по крайней мере, если мы его рассматриваем в наших нынешних экономических условиях. В своей экономической деятельности он имеет дело с процентной ставкой.

Допустим, процентная ставка низкая. Я должен немного выплатить людям, ссудившим мне капитал, если, духовно созидая, я становлюсь в экономическом процессе должником, так как пользуюсь кредитом. Выплачивая небольшой процент, я могу производить свой товар дешевле; тем самым я могу воздействовать на экономический процесс в сторону удешевления. И мы можем сказать: когда процентная ставка уменьшается, кредит удешевляет продукцию. Так происходит всегда, если мы рассматриваем эти отношения до тех пор, пока капитал просто реализуется духом в экономическом процессе. При снижении процентной ставки тот, кто нуждается в кредите, может действовать

свободнее, может интенсивнее вступать в экономический процесс, то есть интенсивнее действовать для других. Удешевляя товары, он более плодотворно работает, в первую очередь, на потребителя.

Но представим себе теперь другое. Дается так называемый ипотечный кредит, кредит на землю. Когда дается ипотечный кредит на землю, то возникает существенно иное положение. Положим, процентная ставка — пять процентов. И тот, кто получает капитал на землю, должен платить пять процентов. Капитализируя это, вы получаете капитал, который соответствует земле, то есть то, что надо заплатить за землю. Теперь допустим, что процентная ставка снижается до четырех процентов, тогда на эту землю могут дать больший кредит. И мы увидим, что везде вследствие снижения процентной ставки земля становится не дешевле, а дороже. Ипотечный кредит удорожает, в то время как личный кредит удешевляет. Ипотечный кредит удорожает землю, тогда как личный кредит удешевляет товары. Это имеет очень большое значение в экономическом процессе; это означает, что когда капитал снова возвращается к природе и связывается с ней просто в форме ипотечного кредита, то есть когда капитал объединяется с землей, с природой, тогда экономический процесс все более и более приводит к удорожанию.

Следовательно, ход экономического процесса может быть правильным, только если капитал не сохраняется здесь, в природе (см. рис. 3), а исчезает в ней. Каким образом может он исчезать в природе? Пока вообще возможно, чтобы капитал соединялся с природой, то есть путем образования капитала природа в своем необработанном состоянии могла бы постоянно дорожать, до тех пор капитал не исчезает в природе; напротив, он задерживается в ней. И во всех странах, где существует ипотечное законодательство, при котором капитал может соединяться с природой, мы получаем застой капитала в природе, в земле. Вместо того, чтобы капитал здесь (см. рис. 3) потреблялся, исчезал, чтобы здесь возникало стоимостнообразующее напряжение, вместо этого возникает стоимостнообразующее движение, наносящее вред экономическому процессу. Устранить этот вред, оздоровить экономический процесс можно только в том случае, когда работающему на земле дают не ипотечный кредит под заклад земли, а личный кредит, то есть кредит для реализаций капитала посредством приложения его к земле. Если же землю связывают с капиталом, то капитал, достигая природы, застаивается в ней. Но если капитал соединяется с духовной работоспособностью того, кто управляет землей, кто посредством земли должен способствовать экономическому процессу, тогда капитал, достигая природы, не застаивается здесь, но проходит сквозь природу снова в труд и совершает кругооборот. Глубочайший застой в экономическом процессе возникает тогда, когда капитал просто связывается с природой, то есть когда в самом начале экономического процесса — примем это гипотетически — труд и капитал, соединившись с природой, развились дальше до такого состояния, что капитал завладел природой вместо того, чтобы раствориться в ней.

Теперь вы, конечно, можете очень веско возразить, сказав: ну вот, в

процессе этого движения возникает капитал. А если он, достигнув природы, станет настолько велик, что его невозможно будет перевести в труд? Если, скажем, не найдется новых методов добычи сырья? Ибо повсюду не природа объединяется с капиталом, но труд; следовательно, если мы, например, приходим сюда с капиталом и начинаем быстрее добывать сырье или открываем новые источники сырья и так далее, то мы можем капитал непосредственно переводить в труд. Но если капитала слишком много, то это ощущают, естественно, отдельные капиталовладельцы, которые ничего не могут сделать со своим капиталом. Исследуйте вопрос исторически, и окажется, что в самом деле появляется слишком много капитала, для которого есть только один выход — консервироваться в природе. Благодаря этому мы и наблюдаем, как образовывается так называемая стоимость, так называемое повышение стоимости земли в ходе экономического процесса.

Но рассматривая теперь в более широкой связи то, что совершенно неудовлетворительно изображается земельными реформами и из чего никогда нельзя понять суть дела, вы скажете: да, когда я связываю капитал с природой, стоимость природы, само собой повышается. Чем больше ипотеки вкладывается во что-то, тем дороже приходится за это платить. Стоимость земли постоянно увеличивается. Но является ли реальностью это повышение стоимости земли? Это — вовсе не реальность. Естественным образом земля не может получать большей стоимости, она может получить большую стоимость только в результате применения более рационального труда. Но тогда труд повышает стоимость, а считать, что земля как таковая — ведь если вы улучшаете землю, то этому должен предшествовать труд — что земля как таковая повышает стоимость, — это нелепость, полная нелепость. Земля, поскольку она является чистой природой, вообще не может иметь никакой стоимости. Вы же придаете ей стоимость, соединяя с ней капитал, и потому можно сказать: то, что в современных экономических условиях называют стоимостью земли, на самом деле есть ни что иное, как фиксированный в земле капитал; но фиксированный в земле капитал не представляет собой реальной стоимости, это — мнимая стоимость. И все дело в том, чтобы в ходе экономического процесса научиться, наконец, понимать, что такое стоимости реальные и что такое стоимости мнимые.

Если в вашем образе мыслей имеется какая-то ошибка, то сначала вы не замечаете действия этой ошибки, потому что ее связь со всеми нарушенными ею в организме процессами познается только духовной наукой, а от сегодняшней грубой науки ускользает. Люди не знают, например, о том, как в периферических органах из-за ошибок возникают нарушения пищеварения и так далее. Но в экономическом процессе ошибки как раз действительны, здесь призраки становятся реальностью и имеют последствия. И экономически нет существенной разницы, если я, скажем, где-то выпускаю деньги, которые с самого начала никак не связаны с реальностью, а являются просто умножением денежных знаков, или же придаю земле стоимость капитала. В обоих случаях я создаю мнимые стоимости. Благодаря такому умножению денежных знаков я повышаю цены количественно, но на самом деле совсем ничего

не совершаю в экономическом процессе. Я только перераспределяю. Отдельным людям это даже может ужасно навредить. Такой вред и приносит капитализация земли тем, кто деятельно связан с экономическим процессом.

Вы можете провести весьма интересные изыскания, если, например, сравните довоенное ипотечное законодательство в средневропейских странах, которое само обусловило взвинчивание любым способом цен на землю, с законодательством в Англии, где незначительное повышение стоимости земли могло происходить только определенным образом, и если проследите воздействия того и другого на экономический процесс. Эти вещи могут быть интересными темами диссертаций. Из количественного сопоставления действий английского ипотечного законодательства и германского ипотечного законодательства получилась бы весьма интересная тема.

Итак, всем этим можно наглядно показать, о чем, собственно, идет речь: фактически, природа здесь (см. рис. 3) не должна вести к консервации капитала, но он должен беспрепятственно действовать дальше, снова переходя в труд. Но если этого не происходит, я хочу еще раз сказать об этом, если невозможно реализовать капитал, то единственное, благодаря чему он будет находиться здесь в должном количестве, заключается в том, чтобы на указанном пути (см.рис.3) капитал расходовался и чтобы напоследок здесь осталось лишь столько, сколько требуется для обработки земли. Совершенно естественно, что на этом пути капитал расходуется, потребляется. Ведь было бы — представьте себе гипотетически! — чем-то ужасным, если бы на всем пути здесь ничего не потреблялось бы. Тогда пришлось бы продукты тащить за собой. Происходящее становится органическим благодаря тому, что нечто потребляется. Но точно таким же образом, как используется переработанная природа, как расходуются организованный капиталом труд, так же, фактически, должен на своем дальнейшем пути потребляться и капитал, потребляться надлежащим образом. Чего действительно надо добиваться, так это именно потребления капитала.

Этого можно достичь, только если весь экономический процесс от начала до конца, то есть до возвращения к природе, устроен правильным образом, так, что в нем существует что-то подобное саморегулированию в человеческом организме. А саморегулирование человеческого организм осуществляет для того, чтобы, по крайней мере, при нормальном функционировании в тех или иных местах не откладывались неиспользованные питательные вещества. И если неиспользованные питательные вещества откладываются тут или там, то организм заболевает; причем страдают и другие части организма. Представьте себе, например, что при неправильном обмене вещества откладываются в голове. Вещества не удаляются, они откладываются. Значит, процесс потребления плохо упорядочен. Тогда появляются мигрени. И повсюду в человеческом организме вы можете видеть, как неправильное усвоение или удаление веществ является причиной многих заболеваний. То же самое происходит в социальном организме при скоплении того, что должно быть использовано в каком-то определенном месте. Просто необходимо, чтобы здесь происходило

потребление капитала, чтобы он не мог объединяться с природой в нечто неживое, подобное какому-то окаменелому включению в экономический процесс. Капитализация земли как раз и представляет собой недопустимое включение в экономический процесс.

Мне бы хотелось особо отметить, что речь не идет о какой-либо агитации. Я описываю вещи так, как они складываются в естественном процессе. К этому надо подходить чисто научно; но нельзя заниматься наукой, исследующей поступки людей, не указав на то, какие могут возникнуть болезненные явления, как нельзя рассматривать и человеческий организм, не указав на возможные в нем болезненные явления. Капитал должен надлежащим образом использоваться, только не весь; необходимо, чтобы какая-то его часть переходила для дальнейшей обработки природы.

Поясню опять-таки с помощью образа, что должно перейти. Возьмем земледельца; экономически ему надо стремиться к тому, чтобы убрать урожай со своего поля, оставив себе семена для будущего года. Семена должны быть заготовлены впрок, сохранены. Этот образ можно вполне применить к данному процессу (см. рис. 3). Капитал должен потребляться в такой мере, чтобы оставалось еще нечто вроде посевных семян для воссоздания экономического процесса со стороны природы. Итак, оставаться может только то, что, например, обеспечивает более рациональную разработку источников сырья или улучшает землю при известных условиях, скажем, при изготовлении более качественного удобрения. Но тут нужно приложить труд. Следовательно, из капитала не должно потребляться то, что может дальше действовать в труде; и, напротив, необходимо использовать заранее то, что, если бы оно было еще здесь (см. рис. 3), могло бы связаться с природой неорганичным образом.

Теперь вы можете спросить: скажите, как так происходит, что в этом месте остается как раз та доля капитала, которая нужна в будущем, скажем, в качестве посевного материала? Скажите, как это происходит?

В экономической науке мы стоим не на почве логических рассуждений, а на внешней реальной почве. Здесь не может быть таких ответов, какие мы получаем, например, в чисто теоретической этике. Не правда ли, в теоретической этике преступника прекраснейшим образом призывают к порядку и делают все, что возможно. С точки зрения этики этого достаточно. Но в экономике все это должно совершаться, осуществляться. Речь надо вести о реальном. Когда говорят о процессе производства и показывают, как в нем создаются стоимости, то говорят о реальностях. Каждый знает, что в потреблении дело идет о реальностях. Итак, в экономике нужно говорить в соответствии с реальностью. Идеи — они в реальном мире ничего не производят. Правильная регуляция экономического процесса выражает себя в том, что в моей книге «Основные положения социального вопроса»* (В русском издании: "Сущность социального вопроса". Калуга, "Духовное познание", 1992.) я назвал действующими ассоциациями.

Если хозяйственной жизни дается самостоятельность, а участвующие в ней люди, то есть производители, торговцы, потребители, надлежащим образом объединяются в ассоциации, то эти

люди будут иметь возможность во всем экономическом процессе сдерживать чрезмерное образование капитала и стимулировать его там, где оно недостаточно.

Для этого требуется, естественно, правильное наблюдение за экономическим процессом. Оно необходимо, если какой-либо вид товара где-то становится, скажем, слишком дешевым или слишком дорогим, это надо уметь наблюдать надлежащим образом. Удешевление или удорожание, конечно, еще ничего не значат; только если на основе опыта ассоциаций и их совместного обсуждения говорят, что пять денежных единиц за какое-то количество соли будет слишком дорого или слишком дешево, только тогда, когда действительно можно сказать, что цена слишком высока или слишком низка, только тогда смогут принять необходимые меры.

Если цена какого-либо товара, какого-либо блага падает настолько, что те люди, которые его производят, не могут получить достаточного вознаграждения за свою слишком дешевую продукцию, то возникает необходимость уменьшить количество работников, производящих этот товар, то есть направить их в другие сферы занятости. Если же товар становится слишком дорогим, то работников направляют сюда, в сферу производства этого товара. Ассоциации должны заниматься предоставлением соответствующей работы людям внутри отдельных отраслей экономики. Надо уяснить себе, что действительное повышение цены на какой-либо вид товара указывает на необходимость увеличения количества людей, занятых производством этого товара, а падение цены, слишком сильное падение цены — на необходимость мероприятий по переводу работников в другие сферы деятельности. Мы можем говорить о ценах только в связи с распределением людей по отраслям данного социального организма.

Какие взгляды встречаются теперь, когда повсеместно люди предпочитают работать с понятиями, а не с реальностями, — это можно увидеть на примере некоторых людей, теоретизирующих о денежных излишках. Для них все совсем просто: если цены, скажем, где-то слишком высоки, то есть приходится платить слишком много денег за какой-либо товар, то надо постараться уменьшить количество денег, тогда товары подешевеют, и наоборот. Но поразмыслив основательно, вы найдете, что для реального экономического процесса это совершенно идентично тому, как если бы вы с помощью хитрого приспособления заставили столбик термометра подниматься, когда становится слишком холодно. Этим вы затрагиваете только симптомы. Меняя стоимость денег, вы не создаете ничего реального.

Реальное создают, если регулируют труд, то есть количество работающих людей, ибо цены зависят именно от числа работников, занятых в какой-то отдельной области. А приводить что-то в порядок с помощью государства означает худший вид тирании. Надо стремиться к тому, чтобы регулирование осуществлялось свободными ассоциациями, возникающими внутри социальных зон, где каждый действует осмысленно, находясь ли в ассоциации, имея ли там своего представителя, располагая ли сведениями о том, что там происходит, или сам зная, что должно произойти.

Разумеется, с этим связано еще и другое: надо позаботиться о том,

чтобы работник не был ограничен в течение всей своей жизни только одним каким-то ремеслом, но мог также заниматься и другими вещами. Подумайте о том, что станет необходимым, особенно необходимым в том случае, если в этом месте (см.рис.3) образуется избыток капитала. Тогда можно использовать капитал, которого слишком много, для обучения работников, для перевода их в другие отрасли. Итак, вы видите, когда подходят к делу разумно, экономический процесс регулируется, саморегулируется, — и это важно, существенно. Но никакого саморегулирования не получится, если просто говорить о том, что станет лучше благодаря тем или иным мерам, инфляции или изданию каких-то распоряжений. От этого лучше не станет, положение улучшится только благодаря тому, что люди смогут наблюдать все части процесса и делать непосредственные выводы.

Сегодня я бы хотел на этом закончить; и вы видите: имея в виду трехчленное деление социального организма, не занимаются агитацией, а говорят миру то, что вытекает из реального рассмотрения экономического процесса.

ШЕСТОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 29 июля 1922 года.

Вы, вероятно, знаете, что в книге «Основные положения социального вопроса» я пытался в виде формулы определить, как можно прийти к представлению о правильной цене в экономическом процессе. Разумеется, такой формулой дается прежде всего нечто абстрактное, не больше. Но освоить с ее помощью, по крайней мере бегло, всю экономику как раз и является нашей задачей в ходе этих докладов, которые, я думаю, сложатся все же в некую целостность, хотя времени крайне мало.

Итак, в «Основных положениях социального вопроса» я дал в виде формулы следующее: правильная цена существует в том случае, когда человек в виде эквивалента за изготовленную им продукцию получает столько, сколько ему нужно для удовлетворения его потребностей, всей суммы потребностей, включая, разумеется, и потребности зависящих от него людей, до тех пор, пока он снова не изготовит столько же продукции. Как ни абстрактна эта формула, все же она исчерпывающа. Ведь при составлении формул речь идет именно о том, чтобы они действительно включали в себя все конкретные частные случаи. И я полагаю, что в экономике эта формула действительно столь же исчерпывающа, как, скажем, теорема Пифагора исчерпывающа для всех прямоугольных треугольников. Дело в следующем: подобно тому, как эта теорема подходит для разных величин сторон, так и наша формула приемлема для бесконечно многого. Понять же, как именно образом охватывается в этой формуле весь экономический процесс, — это как раз задача экономической науки.

Мне бы хотелось сегодня исходить из самого существенного в этой формуле. Я указываю в ней не на то, что было в прошлом, но на то, что, собственно, только еще будет. Я говорю определенно: эквивалент за изготовленную продукцию должен удовлетворять потребности на будущее до тех пор, пока производитель снова не изготовит такую же продукцию. Это — самое существенное в формуле. Если нужен

эквивалент за уже изготовленный продукт, и этот эквивалент должен как-то соответствовать существующему экономическому процессу, то может произойти так, что полученный данным производителем эквивалент окажется достаточным для удовлетворения его потребностей, скажем, только на пять шестых времени, за которое он изготовит новую партию продукции, ибо экономические процессы меняются как раз от прошлого к будущему. И тот, кто полагает возможным строить какие-то расчеты только исходя из прошлого, неизбежно приходит в экономике к неверному, ибо экономическая деятельность, собственно, заключается в том, чтобы осуществлять будущие процессы в соответствии с тем, что им предшествовало. Но если используют прошлые процессы для того, чтобы осуществить нечто в будущем, то стоимости, смотря по обстоятельствам, должны будут довольно значительно измениться; они меняются непрерывно. Следовательно, в этой формуле самое существенное, как было сказано, заключается в следующем: если кто-то продает пару сапог, то время, за которое он их изготовил, не является экономически определяющим фактором, но таковым является время, за которое он изготовит следующую пару сапог. В этом суть нашей формулы, и нам надо теперь понять это в более широком смысле в самом экономическом процессе.

Вчера мы провели перед нашими душами кругооборот (см. рис.3): природа—труд—капитал, используемый духом. Вместо капитала я мог бы написать здесь с таким же успехом — дух. И мы проследили экономический процесс прежде всего в этом направлении — против часовой стрелки — и нашли, что здесь, где природа, не должно быть никакого застоя; тут уместно только то, что, подобно семенному фонду, необходимо для продолжения экономического процесса, вследствие чего не возникает экономического застоя из-за фиксации капитала в земельной ренте. Я вам уже сказал, что, в сущности, доход от земли при продаже, а стало быть, оценивание земли противоречит в экономическом процессе интересам производителей товарной продукции. Тот, кто с помощью капитала хочет производить товарную продукцию, заинтересован в том, чтобы процентная ставка была низкой; ему надо тогда выплачивать меньший процент, и благодаря этому он может более свободно действовать с тем, что он получает как ссудный капитал. Но тот, кто владеет землей — я так подробно говорю об этом, потому что эти вещи имеют значение в нашей экономике — землевладелец, заинтересованный в повышении стоимости земли, достигнет этого как раз тогда, когда процентная ставка низка. Если он должен платить низкий процент, то стоимость его земли растет, она все более дорожает, в то время как производитель товарной продукции, выплачивая низкую ставку, получает возможность удешевить свою продукцию. Таким образом, продукция, для которой процесс изготовления имеет первенствующее значение, при низкой процентной ставке дешевет. А земля, которая приносит доход без того, чтобы ее кто-то сперва изготовил, при низкой процентной ставке дорожает. Вы можете все это просто вычислить. Это экономический факт.

Но тогда дело заключается в том, что было бы, собственно говоря, необходимо формировать процентную ставку двояким образом: надо бы иметь наивозможно низкую процентную ставку для труда, для

производства товарной продукции, и наивозможно высокую процентную ставку для земли. Это непосредственно вытекает из сказанного. Нужно иметь наивозможно высокую процентную ставку для земли. На самом деле осуществить это сразу нелегко. Небольшое, вполне возможное повышение процентной ставки от ссудного капитала под заклад земли не особенно помогло бы делу, а значительное увеличение процентной ставки — скажем, ставки, которая удерживала бы стоимость земли на постоянном уровне, ставки в сто процентов — это практически чрезвычайно трудно осуществить сразу. Стопроцентная ставка под заклад земли могла бы тотчас улучшить положение, но это, как сказано, практически неосуществимо. Однако при таких обстоятельствах дело состоит в том, чтобы ясно и точно видеть экономический процесс; а тогда станет понятно, что только ассоциации способны оздоровить экономический процесс, так как именно правильное отношение за экономическим процессом приводит к тому, что его можно также и правильно регулировать.

В отношении экономического процесса, как я указал на это еще вчера, мы говорили о производстве и потреблении. Мы и должны теперь их рассмотреть. Эта противоположность играла большую роль, особенно — в часто возникавших в новое время экономических дискуссиях, переходивших затем в агитацию. В частности, много спорили о том, является ли вообще духовный труд, духовный труд как таковой, созидающим стоимости в области экономики.

Человек умственного труда — это, несомненно, потребитель. Мы спорили о том, является ли он также производителем в том смысле, в котором на это принято смотреть в экономике; крайние марксисты неизменно приводили в пример злосчастного индийского бухгалтера, который должен заниматься бухгалтерскими книгами для своей общины, не участвуя ни в полевых, ни в каких-либо иных производительных работах, но только регистрируя эти производительные работы, — и они отказывали ему в способности что-либо производить. Они утверждали, что он содержится исключительно за счет прибавочной стоимости, вырабатываемой производителями. Мы неизменно встречаемся с этим славным бухгалтером, как в гимназиях в упражнениях по формальной логике — с Каем, который всегда должен доказывать, что люди смертны; вы ведь помните: все люди смертны, Кай — человек, следовательно, Кай смертен! Кай, который неизменно должен доказывать смертность человека, стал благодаря этому бессмертным персонажем логики. То же и с индийским бухгалтером, которого содержат только за счет прибавочной стоимости производителей; таков он в марксистской литературе, где мы находим его, так сказать, в рафинированном виде.

Этот вопрос чрезвычайно богат, я бы сказал, всякого рода ловушками, в которых запутываются, желая разрешить его с экономической точки зрения; вопрос таков: в какой мере является — и является ли вообще — духовная деятельность, духовная работа экономически продуктивной? И, видите ли, здесь как раз очень важно различие между прошлым и будущим. Если вы будете учитывать только прошлое и ориентироваться с помощью статистики только на прошлое, то сможете доказать, что духовный труд по отношению к прошлому и ко

всему, составляющему лишь непосредственное продолжение прошлого, что духовный труд, собственно, по отношению к прошлому непродуктивен. Ограничиваясь областью материального, приходится считать экономически продуктивной только чисто материальную работу с ее продолжением от прошлого к будущему. Совсем иначе получается, если вы обращаете внимание на будущее, а хозяйствоваться как раз и означает — вратываться из прошлого в будущее. Тогда подумайте о таком простом примере: скажем, какой-то ремесленник что-либо изготавливает в деревне, и он заболевает. При некоторых условиях он, например, обратившись к неопытному врачу, пролежит в постели три недели и за это время не сможет ничего изготовить. Он значительно нарушит экономический процесс, так как в течение трех недель изготавливаемая им обувь не будет поступать на рынок — на рынок в широком смысле слова. Но, предположим, он придет к очень умелому врачу, который вылечит его через неделю, так что он вернется к работе; и тогда вы можете самым серьезным образом ответить на вопрос, кто же изготавливал обувь в течение этих четырнадцати дней. Сапожник или врач? По-существу, обувь изготавливал врач. И это совершенно ясно: как только вы из какого-то определенного пункта взглянете внимательно на будущее, вы уже не сможете больше сказать, что духовное непродуктивно в будущем. По отношению к прошлому духовное, то есть люди, которые работают в духовной области, — только потребители; но по отношению к будущему они в высшей степени производительны, то есть являются производителями. Они — производители в том смысле, что преобразуют весь процесс производства, делают его совершенно другим в экономическом смысле. Посмотрите, например, как строят теперь туннели: их нельзя построить без применения дифференциального исчисления, до сих пор Лейбниц с помощью такого своеобразного труда участвует в постройке всех туннелей, и напряжение духовной силы является здесь решающим для установления цены. Так что невозможно ответить на эти вопросы, если в экономике рассматривать прошлое так же, как и будущее. Ибо жизнь не идет назад в прошлое и не продолжает прошлое, жизнь идет в будущее.

Поэтому далеко от реальности то экономическое рассмотрение, которое не считается с тем, что совершается духовным трудом, если мы хотим его так называть, то есть, в сущности говоря, мышлением. Однако действительно нелегко постичь правильным образом, что же такое этот духовный труд, ибо этот духовный труд, духовная работа отличается совершенно определенными особенностями, экономическое значение которых сначала чрезвычайно трудно уяснить. Ведь духовная работа начинается уже с того, что сам труд организуется, направляется организующим мышлением. Эта духовная работа становится все более и более самостоятельной. И когда вы осмысливаете духовную работу того, кто руководит каким-нибудь предприятием в сфере материального производства, то постигаете, что он, несомненно, использует большой запас духовных сил, но работает с тем, что экономический процесс доставляет ему из прошлого. Однако нельзя не заметить, хотя бы исходя из чисто практических

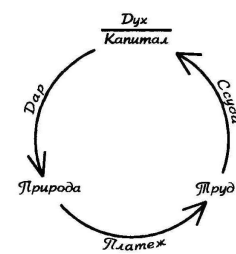

Рис. 4

интересов, что внутри духовной деятельности — я хочу здесь так назвать работу, труд — осуществляются также и полностью свободные действия. Когда впе~~р~~вые открывают дифференциальное исчисление или когда пишут ка~~р~~тину, то осуществляется полностью свободная духовная деятельность. По меньшей мере, можно говорить о св~~о~~бодной деятельности, так как то, что берется из прошлого, краски и тому подобное, по сравнению с тем, что ос~~у~~ществляется, имеет не большее знач~~е~~ние, чем, например, закупка сырья для материального производства.

Мы приходим в область полн~~о~~стью свободной духовной жизни (рис. 4) и встречаем в ней прежде всего обучение и воспитание. Люди, занятые обучением и воспитанием, нах~~о~~дятся, собственно, внутри полностью свободной духовной жизни.

В чисто материальном ходе экономического процесса эти раб~~о~~тники духовного труда являются по отношению к прошлому потреб~~и~~телями, чистыми абсолютными потребителями. Вы можете теперь ск~~л~~зать: ведь они что-то производят, и за то, что они, например, худо~~ж~~ники, производят, им даже что-то платят. Итак, внешне разыгрывае~~т~~ся тот же экономический процесс, как если бы я изготовил стол и его продал, и все же это — существенно другое, если мы будем иметь в виду не куплю и продажу, совершаемую отдельным человеком, но на~~п~~рем мыслить экономически и направим наше внимание на хозяйстве~~н~~ный организм в целом, а это и необходимо теперь, при столь далеко продвинувшемся разделении труда.

Кроме того, внутри социального организма имеются еще чистые потребители другого рода. Это молодые люди, дети и старики. Первые являются чистыми потребителями до определенного возраста, а люди, вышедшие на пенсию, — после определенного возраста.

Надо только совсем немного поразмыслить, чтобы сказать: если бы в экономическом процессе не было чистых потребителей, которые не принадлежат к производителям, то совершенно отсутствовало бы движение вперед, так как если бы все были производителями, то все, что производится, не могло бы потребляться, а экономический пр~~о~~цесс должен развиваться дальше, по крайней мере, это необходимо для жизни людей. А жизнь людей надо воспринимать как целое, она — не только одна экономика. Так что успешное продвижение экон~~о~~мического процесса возможно только при наличии в нем чистых п~~о~~требителей.

Обязательное наличие в экономическом процессе чистых потр~~е~~бителей я должен теперь осветить совсем с другой стороны.

Этот круг (см. рис. 4) может быть очень поучительным, и мы можем наделить его самыми разными качествами, но всегда остается вопрос, как нам ввести отдельные экономические процессы, экон~~о~~мические факторы в этот круг, представляющий собой именно круг~~о~~вое движение экономического процесса. Один из факторов состоит в непосредственной купле и продаже на рынке, когда я сразу оплачиваю то, что получил. Дело даже не в том, что я плачу деньгами, при мен~~о~~вой торговле я могу заплатить, согласно желанию партнера, соотве~~т~~ствующим товаром; важно, что я так или иначе сразу расплачиваюсь, то есть вообще оплачиваю. И теперь в этом месте (см.

рис. 4) снова необходимо перейти от обычного, тривиального рассмотрения к экономическому. В экономике отдельные понятия постоянно переходят одно в другое, а целостное явление, целое получается из взаимодействия самых разных факторов. Вы можете сказать: допустим, что в силу каких-либо распоряжений никто не будет платить сразу, в таком случае не будет факта немедленной оплаты. Скажем, всегда платили бы только через месяц или через какой-либо иной срок. Да, такое может быть, но речь идет только о том, что образуют совершенно ложное понятие, если говорят: сегодня мне кто-то передаст костюм, а через месяц я его оплачу. Я плачу через месяц уже не за этот костюм, но за что-то другое: я плачу за то, что в условиях повышения или понижения цен становится чем-то другим, я плачу за нечто воображаемое, идеальное. Итак, принцип немедленной оплаты должен действовать непременно, и он действует уже при самой простой покупке. Что-либо становится на рынке товаром благодаря тому, что я это сразу оплачиваю. В основном, так происходит с теми товарами, которые являются обработанной природой. Тут я плачу, тут оплата играет значительную роль. Этот способ оплаты необходим, ибо я произвожу оплату тогда, когда открываю кошелек и отдаю деньги, и стоимость определяется в тот самый момент, когда я отдаю деньги или обмениваю свой товар на другой. Происходит оплата. Это первое, что должно осуществиться в экономическом процессе.

Второе — это то, к чему я уже обращался вчера, что играет роль, подобную немедленной оплате. Это кредит. Кредит, как было сказано, не касается оплаты как таковой, он является совершенно особым фактором, но он все же существует. Получая деньги в кредит, я могу привлечь свой дух к этому ссудному капиталу. Я становлюсь должником, но я становлюсь и производителем. Здесь кредит играет действительную экономическую роль. Надо, чтобы я, имея духовную способность делать то или иное, мог бы получить ссудный капитал, совершенно неважно откуда, но я должен его получить, надо ссудный капитал просто передать. Итак, кроме оплаты должен действовать кредит. И тем самым мы имеем внутри экономического процесса два очень важных фактора: оплату и кредит.

И теперь с помощью простой дедукции — здесь лишь подтверждается ее правильность — мы можем найти третье. Вы, вне всякого сомнения, определите, что это такое. Оплата, кредит, а третье — дарение. Оплата, кредит, дарение — вот практическая троица понятий, принадлежащих здоровой экономике. Дарение обычно не склонны причислять к экономическому процессу, но там где нет дарения, экономический процесс вообще не имеет возможности развиваться. Представьте же себе, что было бы с детьми, если бы мы ничего им не дарили! Мы постоянно дарим детям, и в самом экономическом процессе, если мы рассматриваем его в полном объеме, если мы рассматриваем его как непрерывно протекающий процесс, существует акт дарения. Так что переход стоимостей путем дарения совершенно неверно рассматривать как что-то неприсущее экономическому процессу. Поэт Гюму в «Основных положениях социального вопроса» вы найдете, к ужасу очень многих, разработку именно этой категории; там говорится, что определенные стоимости,

например, средства производства, переходят, по-существу, благодаря процессу, идентичному дарению, к тому, кто способен ими дальше управлять. Надо позаботиться заранее, чтобы акт дарения не происходил бестолково, но в экономическом смысле это будет дарение. И такие дарения совершенно необходимы.

Но представив теперь то, с чем вы все больше и больше будете считаться как с экономической необходимостью, в виде существующей в экономическом процессе троицы: оплата — кредит — дарение, вы должны будете сказать себе: да, эта троица должна быть внутри экономического процесса, иначе он вообще не сможет существовать, на каждом шагу приходя к абсурду.

Можно, конечно, еще некоторое время противодействовать этому, но экономические познания сегодня не так уж велики, и как раз те, кто хотят преподавать экономическую науку, должны, собственно, совершенно ясно понимать, что экономические познания сегодня не так уж велики, и что люди не склонны вступать в действительные экономические отношения. Последнее, хотелось бы сказать, вполне очевидно. Настолько очевидно, что вы, прочтя сегодня «Базельские вести», найдете там одно курьезное подтверждение того, что ни у правительства, ни у частных лиц нет в настоящее время склонности развивать экономическое мышление. Я ведь не думаю, что вещи, которые сегодня не очевидны, будут обсуждаться в «Базельских вестях»! Они уже совсем очевидны. И все же интересно, каким образом об этом говорится; статья интересна тем, что бросает яркий свет на абсолютное бессилие экономической науки; там сказано: теперь все должно измениться, правительства и частные лица должны, наконец, начать мыслить иначе. Но на этом статья кончается. Как они должны мыслить по-другому, об этом, конечно, ничего нельзя узнать в «Базельских вестях». А это, естественно, было бы очень интересно.

Разумеется, можно вмешиваться в экономический процесс и, нарушая его, приводить в этой троице одно с другим в неправильные взаимоотношения. Сейчас многие люди весьма восторгаются тем, что, например, наследства, которые тоже являются дарениями, нужно облагать высоким налогом. Да, но эта мера не имеет никакого экономического значения, ибо стоимость наследства, собственно, не уменьшается, если, скажем, его общую стоимость C делят на две части, C_1 и C_2 , и отдают C_2 кому-то другому, оставляя наследнику только C_1 ; в таком случае они оба распоряжаются использованием этой общей стоимости C . И все дело в том, будет ли получивший C_2 хозяйствовать так же успешно, как и тот, кто мог бы получить C_1 и C_2 вместе. Не правда ли, каждый может по своему вкусу решать следующее: поведет ли лучше хозяйство какой-нибудь толковый наследник, если будет распоряжаться наследством целиком, или тот, кто получит только часть всего наследства, при этом другая часть достанется государству, и, таким образом, они будут вместе распоряжаться общей стоимостью.

Эти вещи самым решительным образом уводят нас от чисто экономического мышления, ибо это есть некий род сентиментального мышления, мышления на основе эмоций. Богатым наследникам завидуют. Пусть это можно обосновать, но если хотят мыслить

экономически, то нельзя говорить только о таких вещах. Важно продумывать все явления в экономическом смысле, и, прежде всего, считаться с тем, что еще должно произойти. Вы, конечно, можете представить себе социальный организм, заболевающий в результате неорганического взаимодействия между оплатой, кредитом и дарением, в то время как то или иное подавляют или усиливают. Так или иначе, но они все же взаимодействуют. Ибо если на одной стороне отменяют дарение, то этим его только передвигают. И ничего не дает решение вопроса, осуществлять ли такую передвижку, или она всегда уместна; надо прежде всего с экономической точки зрения решать вопрос, вступать ли во владение наследством одному индивидуальному наследнику или же вместе с государством. Что будет лучше, то или другое, — это является существенным.

Но тогда важен именно стоящий перед нами факт: свободная духовная жизнь возникает с известной необходимостью по причине вступления духа в хозяйственную жизнь. И свободная духовная жизнь, я уже говорил об этом, влечет за собой наличие в экономике чистых потребителей по отношению к прошлому. Но как обстоит дело с этой свободной духовной жизнью по отношению к будущему? Здесь она оказывается, хотя в некотором смысле окольным путем, но в высокой степени продуктивной. Если вы представите себе свободную духовную жизнь действительно свободной в социальном организме, так что способности людей могут развиваться в полной мере, то именно такая свободная духовная жизнь будет в состоянии оказывать чрезвычайно плодотворное влияние на полусвободную жизнь, на ту духовную жизнь, которая вкладывается в материальное творчество. И при таком рассмотрении проблема предстанет с экономической стороны.

Тот, кто может рассматривать жизнь непредвзято, скажет: всем не безразлично, искореняют ли где-либо всех тех, кто действует в свободной духовной жизни, может быть, просто лишая их участия в потреблении и признавая это право только за теми, кто участвует в процессе материального производства, или же в социальном организме могут существовать люди, занятые действительно свободным духовным трудом. Такие, люди обладают особым свойством высвобождать у других людей «сообразительность», духовность, делать более подвижным их мышление, благодаря чему они могут более успешно вступать в материальные процессы. Здесь речь идет о людях. Поэтому вам не следует опровергать это положение, указывая, например, на Италию и говоря: в Италии очень много свободной духовной жизни, однако экономические процессы, исходящие из духа, не получают от этого ничего особенного. Да, это — свободная духовная жизнь, но свободная духовная жизнь, которая происходит из прошлого. Это — памятники, музеи и так далее. Они не имеют значения. Решающим является то, что живет. А таковое исходит из свободной духовной жизни к другим духовным производителям. Это есть то, что воздействует на будущее как экономически продуктивный фактор. Итак, можно сказать: полная возможность оздоравливающим образом влиять на экономическую жизнь появляется тогда, когда люди свободного духовного труда получают свободное поле действий, когда освобождается область для их деятельности.

Теперь представьте себе, что в социальной общности имеет место здоровая жизнь ассоциаций. Главное в этой здоровой жизни ассоциаций состоит в организации такого процесса производства, чтобы в случае избытка работников в какой-либо отрасли их направляли бы в другие. Дело состоит в живом общении с людьми, в возможности осуществления всего социального порядка на основе понимания ассоциаций. И когда эти ассоциации начнут понемногу разбираться во влиянии свободной духовной жизни на экономический процесс, тогда они получат хороший способ регулировать экономический кругооборот, на это уже указывалось в моей книге «Основные положения социального вопроса»⁵. Они, эти ассоциации, увидят, что снижение свободной духовной деятельности означает недостаточность передачи путем дарения и, исходя из этого, познают связь. Они познают связь между недостатком дарения и дефицитом свободного духовного труда. Когда свободный духовный труд уменьшится, они заметят, что слишком мало было дарений. Они заметят, что свободный духовный труд приходит в упадок, когда слишком мало стоимостей перемещается путем дарения.

Имеется полная возможность поднять процентную ставку на природное владение прямо-таки до ста процентов, передавая как можно большее количество природной недвижимости лицам свободного духовного труда путем свободного дарения. Здесь вы имеете возможность привести земельный вопрос в непосредственную связь с тем, что больше всего воздействует на будущее, то есть, иными словами, капитал, который хотят применить и который поэтому имеет тенденцию отлагаться в ипотечном кредите, должен получить выход в свободные духовные учреждения. Так это выглядит практически. Пусть ассоциации позаботятся о том, чтобы деньги, имеющие тенденцию переходить в ипотеку, нашли путь в свободные духовные учреждения! И тогда вы получите связь между жизнью в ассоциациях и общей социальной жизнью. Вы видите, что стоит только попытаться проникнуть в реальности экономической жизни, как сама действительность раскроет, что можно сделать для осуществления того или иного. Я совсем не хочу агитировать за то, чтобы произошло то или иное, я указываю только на то, что есть на самом деле. Фактически законодательными мерами никогда нельзя достичь того, чтобы избыточный капитал не откладывался в природе; этого можно достичь, лишь отвлекая капитал с помощью ассоциаций в свободные духовные учреждения. Я говорю только следующее: если верно одно, верно и другое. — Наука дает сведения об условиях, при которых вещи связываются между собой.

СЕДЬМОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 30 июля 1922 года

Мы уяснили, что вся экономическая жизнь определяется такими внутренне присущими ей побудительными движущими факторами, как купля и, соответственно, продажа, кредит, дарение. Нам надо иметь ясное представление о том, что экономика не может существовать без взаимодействия кредита, дарения, купли. Итак, то, что в экономическом процессе создает стоимости, которые мы уже

обсуждали с одной из сторон, то, что приводит к ценообразованию, вытекает из этих трех факторов — из купли, дарения и кредита. Дело состоит в том, как действуют эти три фактора внутри ценообразования. Ибо только когда мы поймем, каким образом эти факторы действуют в ценообразовании, мы сможем подойти, в некотором роде, к формулированию проблемы цены.

А теперь мы перейдем к внимательному рассмотрению отдельных экономических проблем. Ведь в этом отношении наша экономика изобилует весьма расплывчатыми представлениями, расплывчатым главным образом потому, что, как я уже не раз объяснял, существует тенденция осмысливать движущееся как покоящееся.

Исходя из предпосылки, что в экономике дарение, купля и кредит находятся в движении, рассмотрим, я бы сказал, важнейшие неподвижные факторы нашей экономической науки. Рассмотрим то, о чем в настоящее время больше всего говорят и откуда, соответственно, берется большинство заблуждений в экономической науке. Речь идет о заработной плате — ее представляют обычно как цену за труд; если так называемым наемным работникам должны платить больше, то говорят, что труд стал дороже, если им должны платить меньше, то говорят, что труд стал дешевле; то есть фактически считается, что имеет место некий род купли-продажи между наемным работником, продающим свой труд, и тем, кто у него этот труд покупает. Но это фикция. На самом деле вовсе не происходит никакой купли-продажи. И с этими экономическими отношениями дело обстоит так сложно потому, что мы, собственно, повсюду имеем фальсифицированные, замаскированные отношения, не соответствующие их более глубокой сути. Об этом я также упоминал раньше.

Стоимость в экономике может возникать, это мы уже видели, только в процессе обмена изделий, товаров или вообще экономических благ. Никаким иным способом стоимость появиться не может. И легко понять: если стоимость может возникать только таким путем, и если она образуется так, как я это разъяснил вчера — причем должно быть принято во внимание, что производитель какого-либо изделия должен получить за него такое вознаграждение, с помощью которого он сможет удовлетворять свои потребности в течение времени, необходимого для повторного изготовления такого же изделия, — то при таких условиях изделия должны оцениваться обоюдно. В конце концов ведь нетрудно признать, что в экономическом процессе изделия взаимно оцениваются. Это только маскируется появлением денег между тем, что обменивается. Но деньги здесь не существенны. Они не представляли бы для нас ни малейшего интереса, если бы не способствовали обмену изделий, не облегчали и не удешевляли его. Деньги нам нужны только потому, что тот, кто доставляет какое-либо изделие на рынок под влиянием разделения труда, может не утруждать себя сразу тем, чтобы достать нужные ему предметы там, где они имеются в наличии; за проданный товар он получает деньги, чтобы затем снова надлежащим образом себя обеспечить. Таким образом, мы можем сказать: взаимное напряжение, возникающее при экономическом обороте между различными изделиями, определяет в действительности процесс

ценообразования.

Рассмотрим теперь с этой точки зрения так называемые условия оплаты труда, условия трудового договора. Труд мы не можем обменять ни на что, так как между трудом и чем бы то ни было еще невозможно никакое взаимное определение стоимостей. Мы можем вообразить, реализуя воображаемое в условиях оплаты труда, что мы платим за труд; в действительности мы этого не делаем. На самом деле происходит нечто совсем другое. В действительности происходит так, что при установлении отношений, вытекающих из трудового договора, или из условий оплаты труда, также обмениваются стоимостью; рабочий нечто непосредственно производит, поставляет какой-то продукт, и этот продукт, в сущности, покупает у него предприниматель. Предприниматель фактически оплачивает до последнего гроша изделия, поставляемые ему рабочим, — мы должны рассматривать вещи правильным образом, — он покупает эти изделия у рабочего. А затем, после того, как он их купил, перед ним встает задача повысить стоимость этих изделий, используя отношения в социальном организме и свой предпринимательский разум. На самом деле это и дает ему прибыль. Он получает эту прибыль потому, что, купив у своих рабочих товар, имеет возможность повысить его стоимость посредством — используем здесь пресловутый термин — конъюнктуры.

Таким образом, в условиях труда по договору мы имеем дело с настоящей куплей-продажей. Но мы не можем сказать, что непосредственно из трудовых отношений возникает прибавочная стоимость. Мы можем только сказать, что цена, уплачиваемая предпринимателем, не соответствует в данных обстоятельствах той цене, о которой я говорил вчера. В дальнейшем мы не раз встретимся в экономическом процессе с тем, что изделия взаимно определяются по своей стоимости, имеют свои истинные стоимости, но эти стоимости в обращении не оплачиваются. Они не оплачиваются в обращении. Что в обращении оплачиваются не все стоимости — это ведь можно очень легко понять. Подумаем только: если кто-либо, скажем, фабрикант, мелкий фабрикант, внезапно получает большое наследство, и вся история с фабрикой становится для него просто глупостью, он решает оставшийся у него товар распродать по невероятно дешевой цене. Товары из-за этого не теряют своей стоимости, но только платят за них не действительную цену. Цена в экономическом обращении фальсифицируется. Этот пример показывает нам, что повсюду в экономическом обращении цена может фальсифицироваться. И тем не менее истинная цена существует. Стоимость товаров, проданных фабрикантом, ничуть не меньше стоимости таких же товаров, изготавливаемых другими.

Теперь, после того, как мы сделали попытку уяснить себе, что в условиях оплаты труда мы имеем дело с фиктивной куплей-продажей, давайте спросим себя, с чем мы имеем дело в земельной ренте, в цене земли. Цена земли по своему первоначальному происхождению не вытекает из отношений, существующих в зрелой экономике. Сравняя как можно более радикально, достаточно будет указать, например, на то, что земля переходила в распоряжение людей путем захвата, применения силы. В основе этого лежит что-то присущее обмену.

Например, помогавший в завоевании может получить отдельные части земли. Итак, в исходной точке землевладения мы не имеем, собственно, ничего связанного с экономикой. Весь процесс не является собственно экономическим. Весь процесс, разворачивающийся здесь, мы можем обозначить только словом «власть» или «право». Посредством власти добывается право, право на землю. Следовательно, фактически область экономического одной стороной примыкает к области правовых и властных отношений.

Что же происходит под влиянием таких отношений? Под влиянием правовых и властных отношений постоянно случается так, что владелец, обладающий правом свободно распоряжаться землей, обещивает себя лучше, чем тот, кого он привлекает к работе и кто производит для него продукты своего труда. Я говорю сейчас не о труде, а о продуктах труда. Ибо рассматриваются именно продукты труда. Ведь владельцу земли должны отдавать больше, чем он дает другим, это является только продолжением отношений захвата и права. Что же представляет собой такое превышение полученного над отданным, которое фальсифицирует отношение цен, что это такое? Ни что иное, как принудительное дарение. Здесь перед вами выступают в полной мере отношения дарения, но выступают таким образом, что дарящий отдает это не добровольно, а по принуждению. Такое принудительное дарение и происходит по отношению к земле. Посредством принудительного дарения существенно превышает та цена, которую продукты земледелия должны были бы получить в ходе обмена.

Поэтому цена всего того, что может подчиниться таким правовым отношениям, включает в себе тенденции к превышению над правильной ценой. При этом лесоводы или охотники выигрывают по сравнению с фермерами. Фермеры должны платить за предоставляемую лесоводами продукцию цену, превышающую ту, которая оказалась бы в результате чисто экономического обмена между продуктами лесного и сельского хозяйства, по той простой причине, что лесное хозяйство именно посредством правового отношения может больше всего принести тому, кто устанавливает цену. В сельском хозяйстве должна производиться настоящая работа, тогда как в случае с лесным хозяйством мы находимся очень близко к беструдовой оценке того, к чему еще не прикладывался труд, то есть к оценке, которая следует целиком из отношений права и власти. Если же среди земледельцев живут ремесленники, то цены на продукты сельского хозяйства имеют тенденцию к превышению истинных цен, а цены на продукты ремесла — к занижению. Ремесленникам среди земледельцев жизнь обходится дороже, а земледельцам среди ремесленников, принимая во внимание их малое количество, относительно дешевле. Следовательно, мы имеем градацию этой тенденции к превышению или занижению цен по сравнению с истинными, и очередность такова: наибольшее превышение — в лесном хозяйстве, затем идет земледелие, потом — ремесло, а далее — полностью свободная деятельность. Так мы должны исследовать ценообразование внутри экономического процесса.

Но в экономическом процессе существует тенденция, особенная тенденция к образованию земельной ренты; до некоторой степени само

собой получается так, что по-необходимости продукты сельского хозяйства оплачиваются относительно дороже других. Эта тенденция существует там, где имеется разделение труда, а все наши разъяснения и относятся к социальному организму, в котором есть разделение труда. Эта тенденция обусловлена невозможностью осуществления в сельском хозяйстве того, о чем несколько дней тому назад — можно сказать, из-за непонимания, возникшего у большого числа уважаемых слушателей, — я должен был говорить дважды: тому, кто сам себя снабжает продуктами своего труда, они фактически обходятся дороже, он должен брать за них больше, должен, собственно, оценивать их для себя дороже, чем тот, кто приобретает свою продукцию в свободном обороте у других. По отношению к промышленности сказанное имеет известный смысл, если только вы, возможно, путем длительных размышлений, вполне освоитесь с этим смыслом. Но к сельскому и лесному хозяйству это неприменимо. Это как раз такой случай, когда, обращаясь к действительности, надо знать, что понятия всегда применимы только в какой-то определенной области, а в другой области изменяются. Так и бывает обычно в действительности. То, что целеполагание для головы, может быть пагубным, болезнетворным для желудка, и наоборот. И совершенно то же самое в экономическом организме. Если бы вообще могло быть так, чтобы земледелец не занимался самоснабжением, то для него имели бы силу правила, которые обыкновенно применимы к циркуляции товаров. Однако он не может не заниматься самоснабжением, ибо в экономическом процессе все сельское хозяйство, как часть социального организма, само собой складывается в некое единство, несмотря на наличие в нем отдельных владельцев. И земледелец при всех обстоятельствах должен из общей массы своей продукции удержать то, что ему нужно для самообеспечения, даже если он получает эти продукты от других. В действительности — это человек, производящий для себя, и поэтому он вынужден удорожать свою продукцию. И, как следствие, в этой части цены будут повышаться.

Это значит, что в экономическом процессе просто существует тенденция к образованию земельной ренты. Вопрос только в том, как в экономическом процессе сделать эту земельную ренту безвредной. Но необходимо знать, что тенденция к образованию земельной ренты существует. Вы можете ее отменить, но она в той или иной форме появится снова просто по причине, только что разъясненной мною.

По той же самой причине, по которой в экономическом процессе существует тенденция к образованию земельной ренты, с другой стороны, у предпринимателей существует тенденция к удешевлению капитала. Лучше всего можно понять эту тенденцию, если получить ясное представление о том, что капитал нельзя купить. Конечно, капиталом торгуют. Капитал покупают. Но всякая покупка капитала есть, в свою очередь, только некое замаскированное отношение. В действительности мы не продаем капитал, но лишь даем его в долг; также и тогда, когда казалось бы имеет место другое соотношение, вы всегда можете обнаружить заемный характер предпринимательского капитала. Я подчеркиваю — предпринимательского капитала, так как на земельную ренту это понятие не распространяется, это другой

случай; но оно вполне применимо к предпринимательскому капиталу по той простой причине, что существует постоянная, по сравнению с другими вещами, тенденция к снижению стоимости всего зависящего от человеческой воли, — то есть продуктов всякого рода ремесел и свободной духовной деятельности (см. рис. 4). Предпринимательский капитал целиком вложен в свободную деятельность. Он постоянно удешевляется, так что мы можем сказать: на этой стороне экономического кругооборота мы имеем во время установления земельной ренты тенденцию к снижению стоимости предпринимательского капитала, ко все большему и большему его удешевлению. Итак, на одной стороне, на стороне земельной ренты, стоимости удорожаются, а на стороне капитала они удешевляются. Капитал имеет тенденцию к постоянному понижению своей экономической стоимости, или собственной цены, земельная рента имеет тенденцию к постоянному повышению своей цены.

Есть еще другая причина, по которой вы можете судить о понижении стоимости предпринимательского капитала. Если вы уясните себе, что в сельском хозяйстве неизбежно самоснабжение, вследствие чего возникает повышенная оценка сельскохозяйственной продукции (см. рис. 4), то вы увидите, что в отношении предпринимательского капитала, где господствует принцип кредита, самоснабжение исключается. Человек не может производить капитал для самого себя. То, чем можно обеспечить самого себя, должно теперь учитываться в балансе совершенно так же, как и все, что получено от других, и тогда вы составите правильный баланс. Итак, если в этом месте (см. рис. 4) невозможно заниматься самоснабжением, то, естественно, здесь существует противоположная тенденция, тенденция к снижению цен.

Все дело как раз в распознавании этих соотношений экономического процесса, ибо отсюда видно, что установить правильные цены совсем не так просто. Установление цен постоянно нарушается из-за того, что на рынке появляются, с одной стороны, предметы, которые имеют слишком высокую цену, а с другой стороны, — предметы со слишком низкой ценой. Но так как цена образуется благодаря обмену, то и средние цены постоянно подвергаются этим влияниям. И в экономическом процессе вы вполне можете наблюдать: в той мере, в какой продукты сельского и лесного хозяйства дорожают, продукция свободной человеческой деятельности дешевеет. Из-за этого как раз и возникают те напряженные отношения, которые создают социальные волнения и недовольства. И в связи с ценообразованием встает важнейший вопрос: как нам устранить возникающее при ценообразовании напряжение между оценкой продуктов, возникающих из свободного человеческого воления, и тех товаров, в производстве которых соучаствует природа? Как нам подступить к этому напряжению? Как уравновесить одну тенденцию, к понижению, с другой тенденцией, к повышению?

С развитием разделения труда возникают все более и более дифференцированные виды продукции. Надо только вспомнить, какими простыми являются продукты, которые создаются, скажем, внутри какого-нибудь охотничьего племени, полностью живущего за счет

лесного хозяйства. Здесь, собственно, еще немного затруднений с ценнообразованием. Но когда к лесному хозяйству добавляется земледелие, начинаются трудности. Они связаны именно с дифференциацией. И чем дальше распространяется разделение труда, создающее все новые потребности, тем больше увеличивается дифференциация видов продукции, и в той же мере накапливаются затруднения с ценнообразованием, ибо чем больше отличаются друг от друга продукты, изделия, тем труднее дается их взаимная оценка — а она может быть только взаимной. Вы сделаете такой вывод, потому что взаимная оценка существует для мало различающихся между собой продуктов, скажем, пшеницы, ржи и других сельскохозяйственных продуктов. Просмотрите цены за большой промежуток времени, и вы найдете, что относительная оценка пшеницы, ржи и других видов зерна остается довольно стабильной. Повышается в цене пшеница — повышаются цены на другие виды зерновых, снижается цена пшеницы — снижаются цены и других видов зерновых. Так происходит потому, что между этими видами продукции нет большой разницы. С ростом дифференциации положение меняется: в силу тех или иных обстоятельств внутри социального организма цена какого-либо продукта, который обычно обменивают на другой продукт, может сильно подскочить, а цена другого — упасть. Представьте себе, какие сдвиги возникают благодаря этому в экономических отношениях. Вообще, все происходящее в экономике в значительно большей мере обусловлено взаимным повышением и понижением цен, чем какими бы то ни было другими причинами. Ведь все то, что вносят в экономику трудности жизни, основано на этих взаимных повышениях и понижениях цен. Если бы цены всей продукции повышались или понижались равномерно, это, по существу, очень мало затрагивало бы интересы людей. Их интересы оказываются затронутыми, когда продукты в разной мере повышаются или понижаются в цене. Это, можно сказать, именно трагическим образом обнаруживается в временных хозяйственных отношениях; из-за того, что цены разными способами то повышаются, то падают — а повышается и падает как раз стоимость самих денег, в которых, однако, хранится прежняя реальная стоимость, — из-за этого и создается такая полная мешанина в человеческом обществе.

Это приводит нас к необходимости еще и с другой стороны рассмотреть факторы, действующие в экономическом организме. Мы ишли из обычного в экономической науке перечисления этих факторов и видели, что простое перечисление — природа, капитал, труд — ничего, собственно, не дает. Дело в том, что если вы к прежде сказанному прибавите сказанное сегодня, то увидите, что оценка продуктов природы осуществляется не только с помощью чисто экономических отношений, но и благодаря правовым отношениям, а в оценку предпринимательского капитала вступает человеческая воля со всем тем, что она развивает, когда действует в общественной жизни. Представьте себе, что требуется, чтобы действительно собрать предпринимательский капитал для какой-либо цели. Здесь участвует свободная человеческая воля. Свободная человеческая воля участвует в кредитованиях. Возможно, не прямым образом. Естественно, тот, кто

хочет иметь сбережения, пожелает давать их взаймы; но захочет ли кто-то вообще копить деньги или нет — это уже выражение воли. Получается, что свободная воля человека играет уже существенную роль. И, учитывая все это, мы найдем другой способ разделения экономических факторов, кроме уже рассмотренных.

Я уже давал вам схематическое разделение и на нем показал: вот природа, но стоимость появляется только благодаря обработке природы, когда природа движется по направлению к труду (см.рис.4) Стоимость появляется также благодаря труду, когда он движется по направлению к капиталу, к духу. В результате возникает тенденция снова вернуться к природе. Это может быть предотвращено, если излишний капитал переводится не в землевладение, где он фиксируется, а в свободные духовные предприятия, где он полностью исчезает, кроме той его доли, которая продолжает существовать некоторым образом как семена, необходимые для дальнейшего осуществления экономического процесса.

Кроме этого движения слева направо (рис. 5), благодаря которому появляются обработанная трудом природа, организованный, или расчлененный труд и эмансипированный, фигурирующий только в духовных предприятиях, деятельный капитал, кроме этого движения имеется еще и другое движение. Это движение таково, что оно не ведет к наращиванию стоимостей, при котором предшествующее включается в последующее, но протекает в противоположном смысле. Первое движение осуществляется против часовой стрелки, второе — по часовой стрелке. В первом случае нечто возникает, когда предшествующее вторгается в последующее, во втором — когда то, что приходит сюда, перехватывает то, что уходит отсюда, как бы преобразует его. Сейчас вы поймете, что я имею в виду. Если вы принимаете во внимание, что капитал в экономическом процессе есть, собственно, реализованный дух, то я ведь могу вместо капитала написать также «дух», так что мы имеем: природа, труд и дух.

Если дух принимает обработанную трудом природу, если он не направляет ее в экономическом процессе дальше по тому же направлению, против часовой стрелки, а поглощает, то возникают средства производства. Средства производства есть нечто особое: они создаются в движении, противоположном тому, в котором появляется продукт природы, обрабатываемый трудом для потребления. Средства производства — это продукт природы, которым завладевает дух, продукт природы, нужный духу. Начиная с писчего пера, которое является для меня средством производства, и до сложнейших заводских машин — все эти средства производства являются, некоторым образом, природой, схваченной духом. Природа может быть обработана и послана в одном направлении — тогда она становится капиталом, или же она может быть послана в другом направлении — тогда она становится средством производства.

Но то, что образуется здесь с помощью средств производства, может таким же образом двигаться дальше и быть снова схвачено трудом.

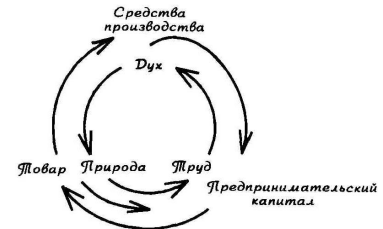

Рис. 5

Точно так же, как природа схватывается духом, может схватываться трудом то, что, например, в самом широком смысле, есть средства производства. А когда средства производства схватываются трудом, то в этой связи, в этом соединении средств производства с трудом, находится капитал. Они есть предпринимательский капитал. Так что существует движение, если мы исследуем этот процесс, которое приводит средства производства во взаимодействие с предпринимательским капиталом.

Далее в ходе этого движения то, что произведено с помощью средств производства и предпринимательского капитала, непрестанно воспринимается природой, но теперь уже другой частью природы, нежели в ходе процесса потребления; только теперь возникает в экономическом процессе то, что, собственно, является товаром. Товар включается уже в природный процесс. Если товар, например, съедается, то он полностью сливается с природой. Но и в других случаях товар потребляется, уничтожается. Короче говоря, товаром становится то, что снова возвращается в природу.

Так что вы теперь можете сказать: мы проследили движение, которое происходит во всем экономическом обороте и содержит три фактора: средства производства, предпринимательский капитал, товар. Здесь (см. рис. 5), в этом месте, различение будет чрезвычайно затруднено, ибо в том, что движется туда-сюда при купле-продаже, будет чрезвычайно трудно распознать, к какому направлению оно принадлежит, есть ли это товар или нечто такое, что нельзя назвать товаром в настоящем смысле слова. Почему же благо становится товаром? Для точности мне следовало бы при движении в этом направлении, против часовой стрелки, писать здесь «благо», а при движении в обратном направлении — «товар». Ибо благо становится товаром только в руках торговца, купца, который предлагает его другим, а не использует сам.

Итак, сегодня моя задача заключалась, главным образом, в том, чтобы мы усвоили понятия, указывающие на истинные отношения в экономическом процессе, которые на деле постоянно искажаются и вносят в экономический процесс нарушения. Постоянно выравнять такие отклонения — это, собственно, главнейшая задача экономики. Люди много говорят о необходимости устранения вредных явлений в экономике, причем не без задней мысли: вот тогда будет все хорошо, тогда будет прямо-таки рай на земле. Но это все равно, как если бы сказали: сейчас я так наемся, что больше уже никогда не захочу есть. Это невозможно, потому что в организме должны непрерывно осуществляться восходящие и нисходящие процессы. Эти восходящие и нисходящие процессы должны быть в экономике; должна быть, с одной стороны, тенденция к искажению цен через образование ренты и, с другой стороны, — тенденция к снижению цен в связи с предпринимательским капиталом. Обе эти тенденции действуют постоянно, их надо осознать для получения таких цен, которые, по возможности, сводили бы все неправильности к минимуму.

Для этого необходимо находиться внутри экономического процесса и осознавать его, некоторым образом, в момент возникновения через непосредственное человеческое восприятие. Для отдельного человека

это невозможно, также это невозможно для слишком обширной общественной организации, например для государства; это возможно только для ассоциаций, вырастающих из самой хозяйственной жизни и способных поэтому действовать непосредственно и живо для этой хозяйственной жизни. Даже когда мы рассматриваем экономический процесс с чисто технической стороны, мы должны признать, что в самом экономическом процессе должны образоваться учреждения, объединяющие людей таким образом, чтобы они в форме ассоциаций непосредственно находились в живом экономическом процессе и могли наблюдать, какие имеются тенденции и как можно на них влиять.

ВОСЬМОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 31 июля 1992 года.

Сегодня мы должны будем заняться корректировкой некоторых существующих понятий, которые просто мешают тому, кто хочет провести надлежащее, соответствующее действительности рассмотрение и затем, на основе такого рассмотрения, включаться в ход экономической жизни. Ведь экономическая наука, неспособная плодотворно действовать на практическую жизнь, собственно говоря, ничего не стоит. И понятия, полученные такой чисто созерцательной экономической наукой, неизбежно приводят к известной несостоятельности.

Поскольку мы уже признали, что в экономическом исследовании важнейшим является вопрос цены, речь пойдет о том, чтобы рассмотреть теперь цену в указанном мною смысле: чтобы она, собственно, показывала нам, смотря по тому, повышается ли она, понижается, остается стабильной или, согласно с какими-то обстоятельствами, слишком высока или низка для определенных товаров, — чтобы она показывала нам, все ли в порядке в экономическом организме. Ибо именно это должно быть задачей ассоциаций: по показаниям барометра цен определять, что надо сделать в той или иной области экономической жизни.

Вы ведь теперь знаете, что согласно мнению, господствующему во многих кругах, ничего нельзя сделать по отношению к ценам, и они складываются сами собой под воздействием так называемых предложения и спроса. Правда, под давлением не столько экономических фактов, сколько социальных чаяний, все более и более распространяющихся в настоящее время, поколеблено воззрение, которое утверждали многие, а не только Адам Смит, что цены в хозяйственной жизни сами собой регулируются под влиянием предложения и спроса. Проговорили утверждали, что если предложение чрезмерно, то оно должно привести к тому, что его уменьшат и не сохранят на том же уровне. И вместе с тем само собой осуществится регулирование цены. Также и при слишком большом или при слишком малом спросе должно происходить регулирование производства во избежание излишка или недостатка продукции. А в связи с этим полагают, что под влиянием предложения и спроса цена на рынке до некоторой степени автоматически приближается к определенному стабильному уровню.

Теперь речь пойдет о том, попадают ли с такими воззрениями только

в теоретическую область, в систему понятий, или же с ними вступают в действительность. Несомненно, что с этими воззрениями нечего делать в действительности, ибо вплотную подойдя к понятиям предложения и спроса, вы тотчас увидите, что их вообще невозможно устанавливать только в экономическом смысле. Вы можете определить их в смысле внешнего наблюдения экономики. Вы можете сформировать людей на рынок и велеть им наблюдать, как действуют предложение и спрос; но, спрашивается, глубоко ли они проникнут в ход экономического процесса, наблюдая с такими понятиями, будут ли они чем-то обладать. И вы ничем в действительности не обладаете с такими понятиями, потому что повсюду упустите из вида то, что стоит за теми процессами, к которым вы хотите подойти с этими понятиями. На рынке вы видите существующие предложение и так называемый спрос, но этим не охватывается то, что стоит позади предложения, и то, что предшествует спросу. Именно там идут подлинные экономические процессы, которые на рынке только сгущаются. И в этом лучше всего убеждает крайняя негибкость этих понятий.

Если мы хотим сформировать правильные понятия, то эти понятия могут и должны быть подвижными по отношению к жизни. Нам надо иметь такие понятия, которые изменились бы некоторым образом при их переносе из одной области действительности в другую; но нельзя, чтобы они сами собой улетучивались. А понятие предложения, равно как и понятие спроса, само собой улетучивается. Допустим, где-то есть некое предложение; оно существует в том случае, когда кто-либо приносит товар на рынок и предлагает его за известную цену. Это — предложение, так скажет каждый. Я же утверждаю: нет, это спрос. — Если кто-либо приносит на рынок товар и хочет его продать, то для него это — спрос в отношении денег. Дело в том, что, пока нет более глубокой экономической связи, то нет никакой разницы, имею ли я предложение товара и спрос на деньги или прихожу со спросом в обычном смысле. Когда я хочу развивать такой спрос, то мне необходимо предложение денег.

Итак, предложение товара есть спрос на деньги, а предложение денег есть спрос на товар. Это экономические реальности. Экономический процесс, поскольку он является обменом или торговлей, вообще не может происходить без того, чтобы как при купле, так и при продаже имели место предложение и спрос; ибо то, что покупатель имеет как предложение в виде денег, должно быть сперва развито в экономическом процессе за его спиной, или позади спроса; таким же образом это должно быть развито в отношении предлагаемого товара.

Следовательно, мы не имеем реальных понятий, если думаем, что цена образуется в результате взаимоотношений того, что мы обычно называем предложением и спросом:

$$C=f(P,C)$$

Цена образуется совсем иначе, чем это определяется здесь, когда рассмотрение проводится таким образом; дело в том, что цена образуется также и под влиянием того, может ли носитель спроса предложить деньги, или он в силу тех или иных условий экономического процесса в какое-то время по отношению к какому-то

продукту не может этого сделать. В экономическом процессе дело состоит не только в наличии определенного количества предлагаемых товаров, но и в наличии некоторого количества людей, которые могут предложить деньги как раз на этот товар. Это показывает вам, что невозможно говорить о некоем взаимодействии предложения и спроса вообще.

И все же, если отказываются от понятий, которые могут быть верно сформулированы, и обращаются к факторам рынка или даже к факторам нерыночного обмена товаров и денег, то опять-таки остается несомненным, что цена образуется между предложением и спросом, с двух сторон. Это действительно так; это так в согласии с фактами.

Все три фактора — предложение, спрос, цена — первичны. Дело обстоит не так, как мы записываем: цена = функция от предложения и спроса, — то есть мы принимаем, если выразить это математически, P и S за переменные величины, а C , цену, — за величину, получаемую из этих двух переменных. Но мы должны рассматривать P и S , предложение и спрос, и C , цену, равным образом, как независимые друг от друга. Вы видите, мы приходим к некоей формуле, и мы должны приблизиться к определенной величине x . Мы не должны думать, что имеем дело только с независимыми переменными P и S , а также с ценой, как функцией от этих двух переменных, но мы имеем дело с тремя независимыми друг от друга переменными, взаимодействующими между собой и в этом взаимодействии образующими нечто новое. Цена находится здесь между спросом и предложением. Но она расположена весьма своеобразно:

$$x=f(P\ S\ C)$$

Любое конкретное рассмотрение мы должны начинать каждый раз под другим углом зрения. Если где-то на рынке мы видим, что предложение и спрос именно в данной области находятся в той связи, в которой их видел Адам Смит, то это приблизительно, но все же не совсем, верно для товарооборота с точки зрения торговца. Но это совершенно неверно с точки зрения потребителя и с точки зрения производителя. Для точки зрения потребителя важно нечто совсем другое. Точка зрения потребителя определяется тем, что он имеет. И между тем, что он имеет, и тем, что он дает, развиваются отношения, подобные тем, которые образуются у торговца между предложением и спросом; у потребителя имеет место взаимодействие цены и спроса. Он спрашивает меньше, если цена слишком высока для его кошелька, и он спрашивает больше, если цена достаточно низка и ему «по карману». Как потребитель, он учитывает вообще только цену и спрос.

Таким образом, можно сказать: в случае с потребителем мы больше обращаем внимание на взаимодействие цены и спроса. В случае с торговцем мы должны больше смотреть на взаимодействие предложения и спроса. И в случае с производителем мы должны обращать внимание на взаимодействие предложения и цены; производитель управляет предложением в согласии с ценами, существующими во всем экономическом обороте в целом. Так что первое уравнение мы можем назвать уравнением торговца:

$$C=f(P\ S)$$

Адам Смит относит его к экономике в целом, но для экономики в

целом оно неверно. Мы можем составить уравнение, где предложение, P , рассматривается как функция от цены и спроса, а спрос, C , можно рассматривать как функцию от предложения и цены. И тогда мы имеем в этом уравнении (стоимость есть функция от предложения и цены) уравнение производителя:

$$C=f(P, C)$$

В третьем уравнении (предложение есть функция от цены и спроса) мы имеем уравнение потребителя:

$$P=f(C, C)$$

Эти уравнения мы сделали качественно различными еще и потому, что у потребителя P есть предложение денег, у производителя оно является предложением товара, а в случае с торговцем мы имеем дело с чем-то таким, что, собственно, находится между деньгами и товаром.

Во всяком случае, вы видите, насколько сложнее, чем обычно, должно быть рассмотрение хода экономического процесса. Именно потому, что так торопятся, я бы сказал, перехватить понятия, мы и не имеем сейчас, по-существу, настоящей экономической науки. Но теперь речь идет о том, чтобы подойти к реальности, к действительности, и мы должны спросить себя: что же, собственно, живет в ходе экономического процесса, что же внутри него живет?

Мы можем сказать: то, что я добываю для удовлетворения моих потребностей, переходит в мое распоряжение, — о владении и собственности я буду говорить после, теперь же я хочу выразиться как можно менее категорично, но в соответствии с существом дела, — нечто переходит в мое распоряжение в условиях, в которых мы сейчас живем. Я даю деньги или то, что я произвел за деньги. Как правило, так и происходит. Но исчерпывается ли этим, собственно, вся действительность по отношению к ходу экономического процесса? Ведь я бы мог также и иным способом, помимо обмена денег на товар или товара на деньги, добыть нужные мне деньги и вещи. Допустим, я их краду. Я краду — и тогда я тоже что-то добываю. И если бы я мог заняться воровством в больших масштабах, как этим иногда раньше десятилетиями занимались разбойничьи атаманы, то пришлось бы создавать совсем другую экономическую науку, чем та, которая должна была быть создана в условиях нашей этики. Этот пример с кражей мог бы показаться очень гротескным, поскольку я говорю: да, я краду. Но что же, собственно, означает кража? Кража означает: отнять нечто у того, кто не в состоянии этому воспротивиться, не считая нужным взять эту вещь за плату, за вознаграждение. Сравните теперь это ставшее неблагородным понятие кражи с тем, что в Германии обозначают иностранным словом «реквизировать». При определенных обстоятельствах реквизируют, отнимают нечто у людей и не платят за это. В экономическом процессе также случается, что у людей что-то отнимают, и они не получают никакой платы. Это обстоятельства, на которые надо только указать, иначе люди подумают, что это — агитация. Но я хочу заниматься здесь только наукой, а не агитацией. Предположим теперь, что где-то на небольшой территории я устроил бы некий социальный порядок, и отменил бы деньги, организовав все дело силой оружия; людей, у которых что-то есть, убивают, а их имущество забирают себе. Что же может этому воспрепятствовать?

Возможно, эти люди стали бы защищаться, и тогда они должны иметь средства защиты, или же я счел бы все дело невыгодным. Если территория небольшая, я могу посчитать это невыгодным для себя.

Здесь в экономический процесс должно вмешаться что-то другое. Я не могу просто так отнять что-то у другого. Почему? Потому что для этого моими согражданами должно быть известным образом признано, что я имею право это сделать. Но никак не может быть признано правомерным то, что получено путем убийства окружающих сограждан. Что же здесь действует? Здесь действует право. И вы не можете рассматривать экономический процесс, если в нем не участвует право. Невозможно экономически мыслить, экономически действовать без участия в экономике права. И если вы от товарообмена обратитесь к торговле, ведущейся с помощью денег, то непосредственно увидите, что в экономике действует право. Ибо каким же образом вообще возможно, что я за пару обуви не должен отдавать, например, шляпу, но могу дать, скажем, 20 марок, так что у меня оказывается пара обуви, а у другого 20 марок; как же это возможно без того, чтобы эти 20 марок, даже сделанные из золота, никем не были бы признаны в качестве стоимости, за которую снова что-то получают? Если бы деньги в надлежащей форме не вливались в экономический процесс, в нем скапливалось бы так много всего, что никогда нельзя было бы что-то получить. Следовательно, в тот момент, когда в экономическое обращение вступают деньги, мы совершенно ясно видим появление правового фактора. Чрезвычайно важно иметь это в виду, дело в том, что здесь вы видите, что рассматривать социальный организм как целое можно фактически лишь тогда, когда мы постепенно переводим чисто экономическое свершение в такое, которое находится под влиянием права.

Итак, положим, я получил от сапожника пару обуви, а ему дал 20 марок. Этот сапожник, продав мне свое изделие, мог бы начать размышлять, что ведь сапожники не всегда были просто сапожниками — Ганс Сакс, Якоб Беме — и, получив свои 20 марок, мог подумать о том, чтобы употребить их не на изготовление пары новых сапог, а на нечто совсем иное. Он мог бы сделать что-то такое, во что внесет свою изобретательность, и тогда эти 20 марок имели бы для него совсем другую стоимость, чем стоимость пары обуви. Когда мы обратили товар в деньги или, собственно, в право, то это право может быть удержано — на 20 марок я куплю нечто равноценное стоимости пары обуви или же, пользуясь своей изобретательностью, с помощью этих денег принесу что-то совсем новое в экономический процесс. Здесь вступают в дело человеческие способности, те человеческие способности, которые свободно произрастают среди людей и которые точно также включаются в то, что я приобрел с помощью денег как право, как и сами деньги воплощаются вовне, в товаре, уже в смысле осуществления права. Но тем самым в то, что мы до сих пор рассматривали как единый целостный процесс, говоря о природе, об обработанной природе, о труде, расчлененном благодаря духу, — в этот целостный процесс мы вводим право и способности людей.

Таким образом, внутри самого экономического процесса мы нашли некое разделение, трехчленное разделение. И все дело в том, что

правильным образом осмыслить это трехчленное разделение.

Однако теперь при рассмотрении экономики, как раз в связи с фактами, которые мы только что охарактеризовали, мы видим, что в ней существуют в действительности невозможные вещи. Речь идет о том, что к праву можно прийти также путем захвата, то есть, имея власть, взять право. Не всегда приходят к праву просто благодаря обмену, но также и благодаря тому, что имеют возможность, власть взять себе это право. Но тогда в праве заключено нечто такое, что никак не может быть сопоставимо с товаром. Между товаром и правом нет никакой точки соприкосновения. Однако в нашем экономическом процессе товары или их денежная стоимость постоянно обмениваются на права. Именно, когда мы платим за землю, даже только за аренду земли, какова она на сегодняшний день, мы вместе с тем оплачиваем права или товарами, или деньгами, полученными в обмен на товары, так что в любом случае за стоимость права мы отдаем стоимость товара. И если мы нанимаем школьного учителя и даем ему определенную плату, то мы оплачиваем его духовные способности, смотря по обстоятельствам, товарной стоимостью, стоимостью товара или соответствующей денежной стоимостью. Так что в экономическом процессе постоянно происходит обмен между правами и товарами, между способностями и товарами, а также между способностями и правами.

Вещи, не сопоставимые между собой, в экономическом процессе обмениваются. Только представьте себе, что кто-то покупает изобретение и получает патент; это означает, прежде всего, то, что чисто духовная ценность оплачивается товарной стоимостью. Но здесь нет ничего такого, что могло бы фигурировать в качестве элемента сращения. Здесь мы как раз касаемся момента, в который правовая жизнь впервые вступает в экономический процесс. И особенно сложным становится дело, когда мы вводим понятие труда.

Как я уже говорил, наемный рабочий в действительности получает совсем не то, что обычно понимают как заработную плату. Он полностью продает предпринимателю результаты своего труда, получая за них плату, а предприниматель, прежде всего в силу конъюнктуры, дает тому, что он купил у рабочего, правильную стоимость, более высокую стоимость. С экономической точки зрения прибыль не возникает в качестве прибавочной стоимости в результате труда. Оставаясь только на экономических позициях, нельзя прийти к такому суждению, к нему можно прийти, самое большее, через моральное суждение. Прибыль получается потому, что работник находится в более неблагоприятном социальном положении, и продаваемые им продукты его труда в том месте, где он их продает, имеют меньшую стоимость, чем та стоимость, по которой их дальше продает предприниматель, находящийся в другом положении. Тот, кто просто лучше знает обстановку, может продать дороже. Это верно как для отношений между рабочим и предпринимателем, так и для того, кто идет на рынок и покупает какой-либо товар за какую-то цену. Он должен его там купить. Почему? По той простой причине, что его обстоятельства не позволяют ему, скажем, купить эти товары где-нибудь в ином месте. Другой может где-то купить их намного дешевле. Нет никакой разницы в этих двух ситуациях. На самом деле то, что

происходит между предпринимателем и наемным рабочим, с точки зрения экономики носит рыночный характер.

Фактически безразлично, сознаю ли я, что это так, или считаю, что оплачиваю рабочему его труд. Вы, может быть, сочтете это различие чисто теоретическим. Но дайте возможность одному из этих взглядов или сразу двум, дайте им возможность, тому и другому, стать реальностью, и тогда вы увидите, как при том или ином взгляде меняются реальные экономические отношения; дело в том, что происходит между людьми также является результатом их взглядов. Взгляды людей меняют то, что происходит, по мере того, как они сами становятся другими. Сегодня пролетариат строит всю свою агитацию на том, что труд должен оплачиваться надлежащим образом. Но труд никогда не оплачивается, а всегда оплачиваются только результаты труда. Эта идея, если ее правильно понять, нашла бы свое выражение и в реальности цен. Нельзя сказать: все равно — назовем ли мы нечто ценой товара или заработной платой. Но в тот момент, когда говорят о заработной плате, думают, что платят действительно за труд. И тогда приходят ко всем тем другим вторичным понятиям, которые труд как таковой объединяют с другими экономическими ценообразующими процессами, и социальные волнения возникают в фальшивом виде. Социальные волнения правомерны постольку, поскольку исходят из ощущений, из чувств. Чувства и ощущения, некоторым образом, всегда правомерны, но, имея правильных понятий, нельзя исправить то, что должно быть исправлено. И фатальность социальной жизни состоит в том, что правомерно возникающие разногласия исправляются с помощью ложных понятий. Такие ложные понятия развивают до самых мельчайших частных, а затем вносят в общее экономическое воззрение, вызывая разрушительные последствия.

Возьмем очень простой пример. Один господин, я беру этот пример из жизни, сказал мне как-то: «Я очень люблю посылать друзьям открытки с изображениями, и отправляю их очень много». Я ответил: «Я совсем не люблю посылать такие открытки, — это было еще в те времена, когда я не был так занят, как теперь, — по экономическим соображениям». — «Почему?» — спросил он. Я сказал: «Я невольно думаю о каждой почтовой открытке, как почтальон будет бежать, пожимаясь с ней, может быть, на четвертый этаж. Короче, я вызываю этим некое смещение экономического процесса. Здесь дело не в труде почтальона, а в том, что трудно различить результат труда почтальона и сам труд. Ведь результат труда должен быть оценен. Если я посылаю друзьям множество открыток, я внеэкономическим способом увеличиваю работу, которую должны выполнять почтальоны». — Он сказал: «Так не мыслят с точки зрения экономики. Ибо когда установят, что почтальону нужно работать лишь столько-то и столько-то, то при увеличении количества людей, пишущих так много открыток, будут приняты на службу много новых почтальонов, и много почтальонов получают заработок. Так что я, собственно, — сказал он, — являюсь благодетелем людей, которых наймут на работу». Я мог только возразить: «Да, но разве вы также произведете все то, что съедят эти принятые на работу люди? Ведь вы не увеличиваете средства потребления, вы только производите передвижку. Оттого, что будет

нанято больше почтальонов, средств потребления не станет больше».

Вот это и вызывает в отдельных случаях самые грубейшие заблуждения. Ибо если где-нибудь собрание таких господ будет представлять собой муниципальный совет — может также случиться, что такие господа станут даже министрами, тогда будет совет министров, — то они могут сказать: здесь столько-то и столько-то безработных, поэтому учредим новое строительство или что-нибудь в этом роде — и люди заняты. Да, на пять ближайших шагов проблема решена, но все же ничего нового не произведено. У всех рабочих в совокупности не стало больше еды, чем ее было раньше. Если чашка весов опускается, то другая должна подняться. Следовательно, если я распорядился о чем-либо, основываясь не на взаимосвязанном экономическом процессе, а только на отдельных мероприятиях, то на другой стороне возникнет экономическое бедствие. Если бы умели правильно наблюдать, могли бы вычислить: когда я провожу социальную реформу для обеспечения заработком людей, не имеющих средств к существованию, просто предлагая построить какие-то новые объекты, то я этим делаю дороже для другой части населения те или иные виды продукции. Поэтому в области экономики особенно очевидно, что невозможно мыслить близоруко, но все должно мыслиться во взаимосвязи. Так и надо себе сказать: все дело именно в том, чтобы вещи мыслились во взаимной связи.

Нелегко осмысливать явления экономического процесса в их взаимосвязях, потому что экономический процесс представляет собой нечто совсем иное, чем какая-либо научная система. Научная система во всей своей полноте может быть представлена в отдельном человеке — пусть схематично, но она может быть представлена в отдельном человеке, — но экономический процесс не может свершаться в отдельном человеке во всей полноте: он может быть адекватно отражен только при взаимодействии суждений из самых разных областей жизни.

По отношению к тому, что я вам сейчас сообщил, нет вообще другой возможности, чем путем ассоциаций прийти к практическому суждению, не к теоретическому суждению, но к практическому суждению. Иными словами: имея эти три уравнения, тот, кто хорошо знаком с условиями торговли и всегда держит в голове первое уравнение, будет действовать под влиянием этого уравнения и будет знать, на что же влияет это первое уравнение. Также и потребитель, который с пониманием относится к процессу потребления, будет знать все, на что влияет второе уравнение. А производитель будет знать все, на что влияет третье уравнение. Однако вы скажете: люди все же не так глупы, чтобы не быть в состоянии мыслить за пределами своего кругозора; тот, кто является только потребителем или только торговцем, все-таки может мыслить за пределами своего кругозора — мы ведь не те, кто судит лишь со своей колокольни, не те, кто держится узкополитических интересов. Так и должно быть, так как речь идет о мировоззрении. Но чтобы знать нечто существенное о том, что происходит, скажем, в торговле, нет другого пути, кроме как находиться и действовать внутри торговли. Другого пути нет. Нет никаких теорий об этом. Теории могут быть интересными. Однако речь идет не о том,

чтобы вы знали, как вообще торговать, но о том, чтобы вы знали, как расходятся торговцы, например, в Базеле и его окрестностях. А зная это, вы еще не знаете, как происходит товарооборот в Лугано. Итак, дело не в каких-либо общих знаниях, а в конкретных знаниях в определенной области. И таким же образом, составив себе авторитетное суждение о том, по каким более высоким или более низким ценам возможно производство кос или других сельскохозяйственных орудий, вы еще далеко не будете в состоянии знать, по каким ценам можно производить болты и тому подобное.

Решения нужно принимать, исходя из непосредственной и конкретной хозяйственной жизни. А это не может происходить иначе, как через образование ассоциаций в определенных областях. Размеры этих областей, как мы видели, задаются самим экономическим процессом, а в ассоциациях должны быть равным образом из различнейших отраслей представлены все три элемента экономической жизни: производство, потребление и циркуляция товаров.

Крайне печально, сказал бы я, что в наше время такие, по существу, простые и целесообразные вещи не находят никакого понимания. Ибо как только найдется действительное понимание, дело может быть сделано — даже не послезавтра, а уже завтра. Ведь речь идет совсем не о том, чтобы провести радикальные преобразования, а о том, чтобы искать в каждом определенном случае возможность объединения в ассоциации. Для этого требуется лишь проявить волю и понимание того, что нужно. На самом деле положение, что экономическое мышление должно соответствовать моральному мышлению и, я бы хотел сказать, религиозному мышлению, некоторыми людьми воспринимается весьма болезненно. Мне совершенно непонятно, как те, кто официально озабочен религиозными потребностями в мире, могут проходить мимо такого взгляда на экономику. Несомненно, что именно в новое время мы уже не справляемся с нашими экономическими отношениями. Факты ускользают из-под власти людей. Поэтому прежде всего перед нами стоит вопрос: каким образом этим можно овладеть? Люди должны этим овладеть, люди, объединенные в ассоциации.

Я бы не хотел свести вполне серьезное рассмотрение к шутке, но должен сказать: наша экономическая наука развивалась таким образом, что она не приняла в свои воззрения то, что свершилось с переходом от менового хозяйства к денежному хозяйству и к хозяйству, требующему от людей определенных способностей. В своих основных понятиях она все еще держится менового хозяйства и все еще рассматривает деньги, как если бы они были только заменителями для обмена. Люди этого не признают, но это несомненно присутствует в существующих ныне теориях. Прежде в экономических системах, которые, может быть, нам теперь совсем не нравятся, люди обменивались, затем появились деньги, и — как я сказал, мне бы хотелось обойтись без шутки, но тут действует гений языка, — на основе обмена появилась перегласовка, так что все стало смутным, и мы сегодня обманываемся в самых разных экономических процессах. Обмен стал обманом. Не в смысле намеренной лжи, а в смысле

неотчетливого понимания целостных процессов. И мы должны теперь снова проследить, как протекают в своей внутренней сути экономические процессы.

ДЕВЯТЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 1 августа 1922 года

Формулы, которые я вчера пытался представить, конечно, не являются математическими, но все же они — формулы, как и те, о которых я уже говорил раньше и которые, собственно, должны проверяться жизнью. Более того, их надо воспринимать таким образом, что они действительно живут внутри самой экономики.

Сегодня я буду говорить вам о том, как эти вещи, к пониманию которых можно постепенно подойти, живут в области экономики. Рассматривая экономический процесс в целом, мы видим, что все, происходящее в нем, должно иметь определенную стоимость; но, с другой стороны, нам надо ясно представить себе, что иногда та или иная стоимость может непосредственно и не проявляться в процессах экономического организма.

Я хочу пояснить вам это на одном примере, который приведет нас к некоторым дальнейшим экономическим понятиям. Такие, в известной степени скрытые, экономические связи очень хорошо описал еще Унру⁶ в своих трудах по экономике. Здесь я приведу только то, что сам потом проверил и о чем могу сказать, что это хорошо соответствует наблюдаемым фактам, хотя Унру и является мыслителем, опирающимся на государственную экономику, который, потому что мыслит, собственно, не экономически, а политически, не знает, как поставить вещи в надлежащую взаимосвязь.

На то, как сложны события, разыгрывающиеся в экономическом процессе, может обратить наше внимание, например, цена на рожь в некоторых местностях Средней Европы. Крупные земледельцы нередко заявляют: цены на рожь таковы, что на ней ничего не заработаешь, напротив, на ржи мы теряем. Что, собственно, это значит? Это означает, прежде всего, что эти люди не могут продать в настоящее время рожь по такой цене, которая хотя бы примерно соответствовала цене, складывающейся, как правило, из цены сырья, производственных затрат и некоторой прибыли. Если так понимать цены на рожь, то легко обнаружить, что они не соответствуют производственным затратам и прибыли. Они значительно ниже. И если, составляя баланс сельскохозяйственного предприятия, мы включим в него стоимость ржи по рыночным ценам, то это отрицательно повлияет на балансовый итог. Можно, следуя фактам, сказать, и это верно, что рожь продается ниже настоящей цены, так можно было бы сказать. В действительности это, собственно, не бывает. Невозможно, чтобы так происходило в действительности. Однако внешне кажется, что так часто случается. На самом деле здесь происходит следующее. Рожь дает не только зерно, но и солому. В хозяйствах, продающих зерно ниже его стоимости, солома продается лишь в очень малых количествах. Она употребляется в собственном хозяйстве, главным образом, на корм для скота. И тогда в балансе потери от продажи ржи уравниваются полученным от животных навозным удобрением. А навоз для сельского хозяйства —

лучшее удобрение. Оно чрезвычайно богато бактериями. И это удобрение хозяйство получает, собственно, даром, по отношению к балансу это — дар. Так что таким путем можно фактически правил^{но} уравновесить баланс.

Вы увидите, что здесь есть нечто, необходимое нам для введения одного экономического понятия, чрезвычайно важного, но очень мало учитываемого в экономической литературе. Понятие, которое я хотел бы здесь установить, является понятием внутренней экономики в эк^{оно}мике общей. Так, если в хозяйстве продукты обмениваются внутри самого хозяйства, то есть не продаются на сторону и не покупаются со стороны, но циркулируют внутри самого хозяйства, то я бы хотел об^{оз}начить это как внутр^ихозяйственную экономику по сравнению с о^бщ^ехозяйственной. В условиях такой внутр^ихозяйственной экономики появляется возможность продавать продукцию ниже экономически обоснованной, рыночной цены. Естественно, что благодаря этому ц^енообразование в той или иной области экономики превращается в чрезвычайно сложную последовательность фактов.

Теперь, исходя из этих, уже замеченных, как было сказано, нек^{от}орыми экономистами связей, мы можем перейти к другому ряду фак^тов, которых я уже касался с определенной точки зрения; теперь нам надо взглянуть на них с другой точки зрения. Несколько дней тому назад я говорил вам о некоторых экономических связях, которые с^овершенно упускают из виду. Представим себе, сказал я, что некий с^апожник заболел, и его лечит неопытный врач; сапожник болеет три недели и не может изготавливать никакой обуви, следовательно, пр^одукция, которую он изготовил бы в течение этих трех недель, изъята из экономического оборота. Если же другой, искусный врач, сказал я вам, вылечит его за неделю, и он на две недели раньше вернется к своей работе, то возникнет вопрос: кто же с экономической точки зрения изготавливал в это время обувь? С экономической точки зрения несомненно, что в этот момент экономического процесса обувь изг^отавливал врач. Это не вызывает сомнений.

Однако здесь имеется еще нечто иное: ведь спрашивается, пол^учил ли врач за это плату. Допустим, врач не получил за это плату. Тогда вы могли бы провести такое вычисление: вы могли бы посч^итать по рыночной цене, сколько стоит изготовленная врачом обувь, и вы могли бы, расширив немного рамки баланса, учесть в нем расходы на обучение врача, и тут бы вы увидели, что расходы на его обучение, вероятно, не будут очень отличаться от стоимости всех ботинок, кот^орые он изготовил, всех оленей, которых он подстрелил, — известно, конечно, что не все врачи обладают способностью только за неделю, а не за три, вылечить больного. Но, во всяком случае, если нам нужно составить общий баланс, то наши экономические расчеты будут н^еправильны, если мы составим его так, что, наряду со стоимостью с^апожников, которые изготовил врач, оленей, которых он подстрелил, выч^лив охотника, зерна, собранного им, и так далее, не учтем в этом с^ал^анце расходы на его обучение. Экономический процесс, конечно, еще более сложен, и оплата оказывается также чрезвычайно сложной.

Итак, вы можете увидеть, что нельзя с уверенностью сказать, имея в

виду какую-либо работу, из чего, собственно, складываются расчеты в экономическом процессе. Иногда приходится идти очень далеко, чтобы обнаружить, откуда что выплачивается. Кто ищет в экономическом процессе одной только простоты, тот никогда не придет к экономическим воззрениям, сколько-нибудь совпадающим с действительностью. Он не придет к тому, о чем я сказал: это, собственно, находится позади формул цены, спроса, предложения и так далее. К этому он не придет. Однако к этому нужно прийти. Но вследствие этого особенно трудно будет оценивать экономический процесс, так как из-за того, что, скажем, расход и доход в нем далеко отстоят друг от друга, нелегко подойти к пониманию, что же оплачивается, покупается, дается займы и даруется в полном экономическом процессе. Представим себе теперь, что осуществилось то, о чем я говорил несколько дней назад: созданный тем или иным путем капитал, во избежание застоя в земельной ренте, вкладывается в духовную культуру — это может происходить, например, при учреждении стипендий и фондов. Здесь вы имеете дарение. И теперь, следовательно, вы можете на одной странице вашей громадной, но охватывающей истинную экономику, бухгалтерской книги видеть статью, в которой записана изобретенная врачом в течение двух недель обувь, а на другой странице должны искать ее в рубрике дарений, если этот врач, например, имел стипендию или пользовался поддержкой какого-либо фонда.

Короче, исходя из этого, вы можете поставить важный вопрос: какие капиталовложения являются самыми продуктивными в экономическом процессе, наиболее продуктивными, и если вы проследите дальше экономические связи, подобные тем, которые я только что представил, если вы особенно проследите за тем, как имеющийся в распоряжении капитал вкладывается в стипендии, в фонды, в другие культурные блага духовного порядка, оплодотворяющие, в свою очередь, все предпринимательство, все духовно создаваемое, то вы найдете, что именно дарение является самым плодотворным, и что к истинно здоровому экономическому процессу можно прийти, только если, во-первых, люди имеют возможность что-то дарить и, во-вторых, они имеют добрую волю разумно дарить то, что они имеют для дарения. Так что здесь мы приближаемся к чему-то такому, что своеобразным способом включается в экономику.

Примечательно, что это не выясняется из понятий и дается только обширным опытом, чем больше вы этому следуете, тем больше ваш опыт подтверждает вам это; я даже рекомендую вам побольше ориентировать темы ваших диссертаций именно на этот вопрос: что происходит в результате дарения в экономическом процессе, и тогда вы увидите, что дарение — продуктивнейший в экономическом процессе вид капитала. Менее продуктивным в экономическом процессе является ссудный капитал, а самым непродуктивным — тот, который непосредственно участвует в купле и продаже. То, что держится на займе, что входит в экономический процесс как ссудный, заемный, капитал, — это, можно сказать, имеет среднюю продуктивность. А то, что приходит через дарение, отличается наибольшей продуктивностью уже по причине сбережения труда, то есть результатов труда, необходимого, чтобы

заработать даруемое здесь. Дарится имеющийся в распоряжении капитал, который происходит из экономического процесса и который повредил бы экономическому процессу, оказавшись замороженным в земле.

Таким образом, мы можем видеть, что экономический процесс вообще не объясним в каждый отдельный момент, но требует непрерывного учета того, что было, и того, что будет. Но учесть предыдущее и последующее совершенно невозможно, если это не содержится в суждениях людей, объединенных в ассоциации и имеющих необходимое понимание прошлого и будущего. Вы видите, что экономический процесс надо организовывать, исходя из понимания того, что находится внутри экономики. Это вытекает из всего сказанного. Трудно вообще взвесить во всей человеческой жизни, поскольку она материальна, долю участия отдельных факторов экономического процесса.

С известной точки зрения мы можем говорить о торговом, о ссудном и промышленном капитале в экономическом процессе. Оборотный капитал приблизительно исчерпывается этим разделением на торговый, ссудный и промышленный капиталы. Самыми разными способами три вида капитала — торговый, ссудный и промышленный — размещены в экономическом процессе. И поскольку всюду в экономическом процессе встречается внутренняя экономика, которую мы сегодня обсудили на одном примере, то в настоящее время действительно чрезвычайно трудно сказать, имея в виду развертывающийся внутри обширного целого экономический процесс, каково участие ссудного, промышленного и торгового капиталов, если выразить это количественно, в экономических достижениях. Но постепенно все же можно прийти к устойчивым понятиям, если рассмотреть эти вещи в более широком масштабе.

Посмотрим, прежде всего, на народное хозяйство в целом, то есть на экономику государств — так следует сказать в соответствии с современной экономической жизнью. Возьмем, например, Францию. Я беру ее только как пример. Возьмем Францию. По связям Франции с мировым хозяйством, особенно до войны, а также по ее действиям во время войны можно наблюдать, каким образом во всем экономическом процессе работает ссудный капитал. Франция, собственно, всегда имела склонность к использованию, к обращению ссудного капитала как такового. Вам ведь известно, как в конце концов все то, что оказывало давление в политической области, обнаруживая вред от сражения экономической и правовой, то есть политической, жизни, вылилось у Франции в кредитование России и Турции. В Россию и Турцию Франция экспортировала очень крупные капиталы. Даже в Германию, хотя Франция никогда особенно хорошо не относилась к Германии, экспортировался французский ссудный капитал, например, в начале строительства Багдадской железной дороги, когда Англия отошла от этого. Во Франции нашлись люди, например, Сименс⁷ и Гвиннер⁸, возглавлявшие тогда предпринимательство, которые дали кредиты. Следовательно, Франция была преимущественно страной ссудного капитала, и можно видеть, как этот ссудный капитал втягивался в общий экономический процесс.

Я вовсе не хочу выступать теперь ни за, ни против, но хочу изложить объективно. Факты внешней истории могут показать, каковы, собственно, интересы ссудного капитала. Если мы обратим взгляд, скажем, на частные хозяйства, то всюду без исключения обнаружим, что человек, занимающийся частным хозяйством, миролюбив, ведь он при всех обстоятельствах знает, что когда он предоставляет ссудный капитал, а война рвет экономические связи, то условия платежей приходят в полный беспорядок. С этим считаются все экономисты, зная, что кредиторы — миролюбивый народ. По этой же причине, вероятно, всегда говорят о том, что Франция невиновна в развязывании войны. Желая найти простые доказательства того, что во Франции не хотели войны, надо только сослаться на интересы мелких вкладчиков, не на интересы тех, кто довел Францию до войны. Всегда во Франции на заднем плане были люди, совсем не желавшие войны. Как раз этот исторический факт в широком масштабе показывает нам то, что им место и в малом: кредитор, то есть человек, который обладает ссудным капиталом, который может предоставить ссудный капитал, хотел бы видеть хозяйство защищенным от нарушений, вызываемых событиями как вне, так и внутри экономики и приводящих к особенно сильным потрясениям хозяйственной жизни. Тот, кто должен предоставить ссудный капитал, тем больше любит спокойный ход жизни, чем больше не хочет полагаться на свои собственные суждения, а придает значение тому, что ему говорят: поместить капитал выгодно там-то и там-то. В наше время, когда общественное мнение хотя и много о себе воображает, но, по-существу, мало что значит, предоставление ссудного капитала бывает связано с исключительным доверием к авторитету в экономической жизни и в жизни вообще. И это, в свою очередь, чрезвычайно сильно затуманивает суждения в области экономики. Деньги займы легко получают люди, в том или ином отношении заметные. Личный кредит охотно оказывается тому, кто так или иначе заметен. Вопрос решается сообразно с этим. И не правда ли, смотря по тому, культивируется этот авторитарный принцип или нет, могут, как мы видим, вступать в хозяйственную жизнь или люди, обладающие личными способностями, или же те, кто действует, исходя не из своих способностей, а какими-то другими способами — это ведь тоже должно быть, — например, давая те или иные указания в области коммерции. Если такие люди вмешиваются в хозяйственную жизнь, то все идет не так, как если бы в общественном мнении руководствовались исключительно признанием личных способностей людей. Здесь снова в хозяйственную жизнь вторгается что-то не вполне уловимое. В последнее время в некоторых кругах стали обычными слова, широко применяемые тогда, когда больше не удастся добиться правильных понятий, — поэтому я часто слышу в разных местах слова: «не поддающиеся учету факторы». Я бы хотел особенно подчеркнуть, что я и слегаю здесь этих слов, а хотел бы указать конкретно, как разветвляется прямолинейное в то, чему мы должны следовать кружными путями. Однако при этом вовсе не требуется, чтобы повсюду тотчас выступал порядком приевшийся в последнее время термин «не поддающиеся учету факторы». Итак, прежде всего, это был беглый взгляд на ссудный капитал.

Если мы перейдем к промышленному капиталу и захотим изучить его сущность, то, хотя его судьба малопривлекательна, мы сможем очень хорошо изучить его значение на примере промышленного подъема в Германии в последние десятилетия перед войной. Особенно хорошо потому, что в Германии в последние десятилетия перед войной действительно в большей степени, чем где бы то ни было в другой стране, под действием духа предпринимательства промышленный капитал непосредственно возник из преобразованного ссудного капитала. Я уже упоминал в самом первом докладе, что, например, в Англии торговый капитал преобразовывался в промышленный постепенно, так как там индустриализм, выросший на торговле, развивался медленнее, чем в Германии, где индустриализация протекала с необычайной быстротой. Так что если действительно хотят изучить индустриализм, я бы сказал, в чистом виде, — а он представлен в чистом виде не там, где торговый капитал преобразуется в промышленный, а там, где ссудный капитал преобразуется в промышленный, — то его лучше всего изучать именно по экономике Германии.

Промышленный капитал поставлен как бы между двумя буферами. Один буфер — сырье, другой — рынки. Промышленный капитал должен заниматься поисками источников сырья и обеспечением рынками сбыта. В Германской экономике это не так легко изучить. На примере германского индустриализма скорее можно чисто экономически изучать, как промышленный капитал, я бы хотел сказать, работает внутри самого себя; но, поскольку возникновение индустриализма во всех странах в XIX и начале XX столетия является значительным явлением экономической жизни, вы можете повсюду изучать это положение между двумя буферами. Надо лишь отыскивать правильные факты экономической жизни. Тогда вы убедитесь — а, как сказано, в столь доступных для обозрения обстоятельствах нужно сохранять необходимое для понятий направление, ориентацию, — вы убедитесь, если рассмотрите небольшие экономические области, что вам придется изыскивать чрезвычайно трудные пути для определения понятий, для характеристики понятий. Вы облегчите себе эти пути, если взглянете на экономику в широких масштабах, если образуете себе представление о том, как усиленно понятия власти, иногда маскируемые под понятия права, совершенно особенным образом проводятся в жизнь, когда речь идет об освоении источников сырья. Мы можем изучить это в широких масштабах, скажем, на примере бурской войны, когда речь шла, главным образом, об освоении месторождений благородных металлов. Это была настоящая война за источники сырья. Она велась, разумеется, в замаскированном виде, но, по существу, это была настоящая война из-за сырья. Затем мы имеем пример того, как экономическая жизнь смешивается, распространяясь на политику, внедряясь в область политики, в область власти, — речь идет о военных действиях Бельгии против Конго из-за слоновой кости и каучука. Здесь вы можете видеть, как происходит в экономике овладение источниками сырья. Или вспомните, как Северная Америка присвоила себе испанские владения в Вест-Индии, поскольку искала там источники сырья для сахарной промышленности. Таким образом,

Поэтому мы можем видеть, что, с одной стороны, поиски сырья загоняют чистую экономику в область политики, побуждая к применению силы. Это одна сторона, я бы сказал, один буфер.

Иначе обстоит дело с рынками сбыта. Исторически легко доказать, что поиски рынков ведут в политику иным образом. Здесь, в соответствии с человеческой природой, развитие власти не проявляет себя таким образом. Характерный пример этого можно найти еще в XIX столетии, когда Англия в так называемой опиумной войне завоевала китайский опиумный рынок. Но даже тогда с войной не все прошло гладко, мирная политика, так сказать, замолвила словечко, когда эта история получила широкую огласку, и нашлись, в количестве сто сорок один, врачи, заявившие в качестве экспертов, что употребление опиума не вреднее употребления табака и чая. Так что и здесь участвовала политика, мирная политика, но от политики всегда трудно уберечься. Вы знаете тезис Клаузевица, что война есть продолжение политики другими средствами. Такие определения можно давать постоянно; с помощью определений этого рода можно, например, признать допустимым, что развод есть продолжение брака другими средствами. Да и многие явления жизни могут быть представлены, согласно этой логике, в том или ином свете, и люди будут этим восхищаться. Каждый увидит комичное, если вы скажете: развод есть продолжение брака другими средствами. Каждый увидит здесь глупость. Но если поэтому провозглашается, что война есть продолжение политики другими средствами, люди не замечают курьезности этой логики, а восхищаются. Если же такую логику начинают использовать в экономике, я говорю с точки зрения методологии, то с подобными определениями нельзя сделать ни шагу дальше. Рассматривая этот второй буфер, поиски рынков сбыта, мы должны, конечно, сказать: в поисках рынков значительно большую роль играет человеческий ум, находящийся между полюсами изворотливости, хитрости и мудрого руководства экономикой. Всеми тремя разновидностями умственной деятельности было очень много внесено в устраивание рынков сбыта в том виде, в котором их организовали крупные экономические области, которыми стали сами государства, когда политика связала себя с экономикой; при этом со стороны самих государств очень многое приведено в движение как с помощью мудрого руководства, так и с помощью хитрости, смысленности, изворотливости и так далее. Так что по отношению к небольшим хозяйственным районам можно составить себе ясное представление о связи отдельных промышленных предприятий и об их отношении к источникам сырья и рынкам сбыта, только если рассмотреть эти вещи и в широких масштабах.

Для изучения функций торгового капитала хорошо обратиться к Англии преимущественно того периода, когда она переживала большой экономической подъем благодаря торговле, когда торговый капитал непрерывно возрастал, и Англия, собственно, совершенно спокойно и постепенно вступала в новую промышленную эпоху. В то время, когда индустриализм все преобразовывал, Англия уже имела свой торговый капитал, так что торговый капитал в Англии можно изучать, имея в виду более раннюю эпоху. Маркс специально исследовал воздействие индустриализма на экономику Англии более

позднее время; но возвращаясь к более раннему периоду, к последним десятилетиям восемнадцатого столетия, предшествующим образцу современного индустриализма, совершенно особенным образом находят воздействие торгового капитала на экономические судьбы Англии. И здесь, конечно, существенным моментом является конкуренция, выступает ли она более или менее явно или скрыто как во всей экономике, поскольку экономика опирается главным образом на торговлю, так и в самой торговле. Разумеется, при соблюдении всякого рода норм порядочности конкуренция может быть вполне честной. Но она все-таки остается конкуренцией. Ибо то, на чем основывается продуктивность в торговле, то, благодаря чему торговый капитал может использоваться в экономическом процессе, действуя, например, в промышленном капитале, заключается в накоплении капитала, но такое накопление капитала без конкуренции немыслимо. Поэтому функцию торгового капитала особенно хорошо можно изучить, внимательно рассматривая функцию конкуренции в экономической жизни.

Со всем этим связаны и одновременно происходящие исторические преобразования. Несомненно, что приблизительно до первой трети XIX века, если рассматривать постепенно возникающее мировое хозяйство как целое, а перед войной оно было таковым в высокой степени, главенствующую роль в хозяйственной жизни играли экономические процессы торговли и промышленности.

Расцвет же, можно сказать, классическая эпоха развития ссудного капитала наступает, собственно, только в XIX веке, а именно около второй трети XIX века. И в историческом развитии можно отметить тогда появление тех учреждений, которые именно и служат предпосылке ссуд, — появление банковского дела. Так что классическая эпоха ссудного капитала и, вместе с тем, развитие банковского дела приходятся на последние две трети XIX века и первые десятилетия XX века. С ростом банковского дела все больше и больше предоставляется ссуд, которые вступают в экономический процесс, хотелось бы сказать, в качестве первого фактора. Но одновременно обнаруживается нечто совершенно особенное: именно благодаря предоставлению ссуд в большом масштабе, при расширении банковского дела человек, собственно, теряет власть над денежным обращением, так что постепенно процесс денежного обращения становится — я не могу найти другого выражения — обезличенным; таким образом, — я уже упоминал об этом в первом докладе — действительно настало время, когда действуют сами деньги, а человек находится то сверху, то внизу, увлеченный этим общим потоком денежного хозяйства. Таким становится человек, и даже в гораздо большей степени, чем ему это представляется; дело в том, что как раз в последних десятилетиях XIX века денежное обращение объективировалось, обезличилось. При этом я подхожу — а так как в экономике вся жизнь обсуждается непредвзятым образом, то должны даваться перспективы всей жизни, — при этом я подхожу к своеобразному явлению XIX века, особенно его конца, к явлению, проявившемуся сначала психологически, а затем начавшему играть большую роль в экономике. Будучи жизненным явлением, оно

раскрывается в жизненной связи с совершенно реальными силами, но дальше развивается под действием своего рода социальной инерции и уподобляется шару, который, получив толчок, продолжает катиться, в то время как первоначальный импульс больше не действует. До первой трети XIX века мы имели хозяйственные импульсы в системе предоставления ссуд. Но затем эти хозяйственные импульсы стали посредством банковского дела превращаться в импульсы чисто финансовые. При этом все в целом становится не только обезличенным, но даже оторванным от природы, все вовлекается в поток денежного обращения, который движется сам по себе. Денежное хозяйство без естественного и персонального субъекта — вот к чему движется с конца XIX века то, что первоначально полностью было принесено первоначально и естественным субъектом.

Своеобразно, что эта безсубъектная экономика, эта безсубъектная денежное обращение сопровождается другим явлением. Оно таково: государства на основе импульсов экономического порядка начинают сами действовать в экономической жизни; например, благодаря экономическим импульсам они занялись колонизаторской деятельностью. Завтра мы увидим, какое влияние оказывает на экономическую жизнь колонизация, наряду с этим должна быть рассмотрена также и деколонизация. Мы можем очень хорошо наблюдать, какое влияние имеет колонизация для Англии. В сущности, Англия никогда не оставляла колонизаторской деятельности, так что мы можем объективно говорить об империализме. Я имею в виду действия, связанные с экономическим содержанием. Но если вы рассмотрите, например, германскую колонизацию — для этого достаточно познакомиться однажды с балансовыми отчетами колоний, — то увидите, что германская колонизация была отягощена, прежде всего, негативным балансом. Лишь на совсем незначительных участках балансы оказывались благоприятными. Однако и в другие государства постепенно прокрывалась тенденция просто расширяться за счет колоний. Это явление было названо «безобъектным империализмом» таким человеком, как Гильфердинг⁹ в его книге «Финансовый капитал», вышедшей в Вене в 1910 году.

Итак, мы можем говорить об этих двух явлениях, как о чрезвычайно поучительных явлениях нового времени: с одной стороны, о безсубъектном в отношении природы и личности денежном обращении, а с другой стороны, о безобъектном империализме во всей экономике. Эти два явления так стоят в современности, как если бы они полностью были обусловлены одно другим. Можно сказать: то, из чего исходят, сначала носит чисто психологический характер, но в дальнейшем развитии становится экономическим фактором; дело в том, что при наличии непродуктивных колоний надо оплачивать убытки. Следовательно, такие вещи потом вторгаются в экономическую жизнь.

Все это мы и должны были обсудить сегодня.

ДЕСЯТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 2 августа 1922 года

Сегодня мы должны обсудить то, о чем вчера уже было кое-что сказано. Речь пойдет об отношениях между трудом в экономическом

смысле и тем, что лежит в основе, когда природу, обрабатывая, преобразуют в объект экономической стоимости. Затем, в ходе дальнейшего развития организованный или разделенный труд в некотором смысле улавливается капиталом, который эмансипируется и полностью переходит, можно сказать, в состояние свободной духовности. И вы можете сделать вывод, что в труде не заключено ничего от экономической стоимости в прямом смысле, это ведь мы уже разобрали, но в труде, пожалуй, есть то, что приводит экономическую стоимость в движение. Продукт природы как таковой вступает в экономический кругооборот благодаря тому, что подвергается обработке. Обработка, сообщая ему стоимость, является, собственно, причиной движения объекта экономической стоимости, но в известных пределах. Даже человеческий разум, действующий в капитале, осуществляет это движение. Прежде всего, мы имеем дело с движением, потому что как только мы вступаем в среду капитала, мы встречаемся с движением благодаря торговому капиталу, потом оно происходит благодаря кредитному капиталу, а затем — с помощью производственного, промышленного капитала.¹⁰

Когда мы говорим об этом движении, нам надо первым делом ясно представить себе, что должно существовать нечто такое, благодаря чему стоимости вводятся в экономический кругооборот. И чтобы с этим справиться, мы должны сегодня заняться одним, хочется сказать, несколько замысловатым экономическим вопросом. Его нельзя понять, если не пытаться то, что к нему относится, отыскивать в экономике путем опыта и до некоторой степени этим опытом проверять.

Рассмотрим, прежде всего, то, что можно назвать экономической выгодой. Проблема выгоды чрезвычайно трудна. Допустим, происходит какая-то покупка. А покупает у В. Мышление дилетанта предполагает обычно понятие выгоды только к продавцу. Продавец должен получить выгоду. Тогда мы, собственно, имеем лишь обмен между тем, что дает покупатель, и тем, что дает продавец. Но если вы точно продумаете этот вопрос, то никоим образом не сможете согласиться с тем, что при покупке, или же при обмене, выигрывает только продавец, ибо если бы в экономических отношениях выигрывал только продавец, то покупатель должен был бы всякий раз после такого обмена терпеть убыток. Покупатель всегда оказывался бы в убытке. Но надо сразу признать, что этого не может быть. Иначе при каждой покупке мы бы имели дело с обманом покупателя, а совершенно очевидно, что это не так. Мы ведь знаем, что тот, кто покупает, хочет, конечно, купить с выгодой для себя, а не быть обманутым. Безусловно. Следовательно, покупатель тоже может купить так, чтобы и он имел выгоду. Мы встречаемся здесь с удивительным явлением: двое обмениваются, и каждый, собственно, должен, по крайней мере при нормальной покупке и продаже, получить выгоду. Наблюдать это в хозяйственной жизни намного важнее, чем обычно думают.¹¹

Положим, я что-то продаю и получаю за это деньги; я должен выиграть в результате того, что отдал товар и получил деньги. Деньги мне нужнее, чем товар. А покупателю товар нужнее, чем деньги. При взаимном обмене получается, что обмениваемые предметы, как те, что уходят, так и те, что возвращаются, возрастают в стоимости.

Следовательно, то, что обменивается, в силу самого обмена получает большую стоимость, как для одной стороны, так и для другой. Как же это возможно?

Это возможно только благодаря тому, что если я что-то продаю и получаю за это деньги, то с ними могу достичь большего, чем тот, кто мне их дал; а тот, кто получает товар, должен достичь большего с товаром, чем это могу сделать я. Для этого надо, чтобы каждый из нас — продавец и покупатель — находились бы в экономически различных положениях. Возрастание стоимостей может осуществиться только с помощью того, что находится позади купли-продажи. Так, если я продаю, я должен занимать такое положение в экономическом обороте, что деньги имеют для меня большую стоимость, чем для другого; а для него, в силу его экономического положения, товар имеет большую стоимость, чем для меня.

Отсюда следует, что в экономике нельзя говорить только о купле или продаже вообще, но все дело в том, в какой экономической связи находятся покупатель и продавец. Итак, если мы точно рассматриваем вещи, то приходим от того, что разыгрывается непосредственно в каком-то месте, снова, как это уже не раз было, к экономическому крупному обороту в целом. Эта экономическая связь обнаруживается еще и по другому поводу.

Это можно заметить, если исходить, прежде всего, из меновой торговли. По-существу, как раз такое рассмотрение, какое я сейчас провел, может подсказать вам: меновая торговля полностью не устраивается из-за того, что в некое хозяйство вводятся деньги, просто здесь товар обменивается на деньги. Каждый получает свою выгоду, и вы увидите, что, благодаря этому, важным оказывается нечто совсем другое, чем если бы один имел товар, а другой — деньги. Самым важным является то, что каждый из них может сделать с полученным благодаря своему участию в хозяйственной жизни.

Чтобы точнее понять этот вопрос, обратимся к самой примитивной меновой торговле. И она осветит нам то, что находится в более сложной экономической связи. Положим, я покупаю горох. Теперь, раз я купил горох, я могу поступить с ним по-разному. Я могу его съесть. Итак, допустим, когда я занимаюсь меновой торговлей, я обмениваю горох на что-то такое, что я изготовил и что, следовательно, является товаром. Таким образом, я обмениваю горох. Я могу его съесть, но я могу также выменять очень много гороха, очень, очень много гороха могу выменять, так много, что не съем его даже с большой семьей, не в состоянии буду его съесть. Тогда я обращаюсь к тому, кто нуждается в этом горохе и обменивает его мне на то, в чем я нуждаюсь. Я даю ему горох и беру то, в чем я теперь нуждаюсь. Субстанционально горох остался тем же самым, но экономически это уже совсем не то же самое. Экономически он изменился, потому что я не сам использовал этот горох, но пустил его в оборот, создав для него в экономическом процессе лишь переходный этап. Что же теперь, благодаря такому процессу, значит для меня горох с экономической точки зрения? Видите ли, нужны только, скажем, определенные предпосылки и законное решение о том, что все следует обменивать на горох, — тогда следовало бы иметь достаточное количество гороха и законное положение, устанавливающее

возможность обмена всех товаров на горох, в этом случае горох представлял бы собой деньги. Итак, горох в нашем экономическом процессе стал деньгами, горох превратился в деньги в истинном смысле слова. Следовательно, нечто становится деньгами не из-за какого-то, скажем, отличия от других товаров, но благодаря тому, что товар превращается в деньги в определенном месте экономического процесса; все деньги претерпели это превращение. Все деньги когда-то были товаром.

Из этого мы снова можем установить, что в экономическом процессе мы приходим к человеку, мы ничего иного не можем сделать, как только включить человека в экономический процесс. Человек и без того уже включен в экономический процесс как потребитель. В этом качестве он уже с самого начала находится в нем. Но как только человек в своей экономической деятельности выходит за пределы сферы потребления, он, благодаря своей новой экономической связи, вступает в совершенно иные отношения, чем когда он действует как обычный потребитель. Все эти вещи должны учитываться, если хотят работать над тем, чтобы образовать экономическое суждение. И для образования экономических суждений нужно то, что я назвал ассоциациями. В этих ассоциациях должны состоять люди, которые в соответствии с рассматриваемыми нами точками зрения образуют свои суждения на основе практики.

Итак, речь идет о том, чтобы мы, имея внутри экономического процесса обработанную каким-то образом природу или расчлененный труд, исследовали бы, что же приводит эти экономические элементы в движение, в кругооборот. Вчера, по другому поводу, было обращено внимание на то, что в экономическое мышление следует ввести понятие труда, работы, действующей в экономическом процессе, подобно тому, как, например, физик вводит понятие работы в свое физическое мышление. Тут надо сказать: да, физик вводит в свое физическое мышление работу посредством формулы, в которой есть масса и скорость. Но, не правда ли, масса есть нечто, определяемое с помощью весов. Итак, мы имеем возможность определять массу на весах. Не имея такой возможности определять массу взвешиванием, мы не имели бы ничего из того, что тут движется в процессе физической работы. У нас должен возникнуть вопрос: существует ли также и в экономическом процессе нечто подобное, когда работа придает вещам стоимость, а позже вещи получают стоимость благодаря духовному воздействию? Есть ли в экономическом процессе нечто, сравнимое, некоторым образом, с весом какого-то тела, если говорят о теле в физическом смысле? Когда я просто изображаю в виде схемы ход отдельного экономического процесса, то оказывается, что здесь должно быть что-то, приводящее все в целом в движение, что-то, теснящее экономические элементы отсюда (рис. 6) сюда.

Рис. 6

Положение было бы еще определенной, если бы целое передвигалось отсюда сюда не только путем давления, но если бы, сверх этого, с другой стороны имело бы место всасывающее воздействие, чтобы,

следовательно, целое, благодаря существующей в экономическом процессе силе, устремлялось дальше. В этом экономическом процессе должно находиться нечто такое, что движет дальше.

Итак, что же устремляет вперед? Я ранее указал вам на некие силы, которые постоянно возникают и у покупателя, и у продавца; в экономическом процессе, где один имеет какое-то дело с другим, — не в моральном, а в чисто экономическом смысле, — у каждого обр^азуются польза и выгода. Так что нет ни одной точки в экономическом процессе, где нельзя было бы говорить о пользе и выгоде. И эта выгода — она не есть нечто абстрактное, с ней связано, и должно быть связано, непосредственное экономическое желание. Продавец это или покупатель — его хозяйственные устремления связываются с этой пользой и выгодой. И это отношение к выгоде, собственно, порождает весь экономический процесс, является в нем силой. Это есть то, что с физической точки зрения представляет собой масса в процессе работы.

Подумайте, что этим, собственно, выявлено нечто чрезвычайно весомое, действительно весомое. Не правда ли, эта весомость сильнее всего выступает в связи с чисто материальной продукцией, продукцией, которая требуется желудку. Желудок заявляет, что покупателю, скажем, овощи нужнее, чем деньги, в тот момент, когда покупатель совершает обмен. Здесь в самом человеке мы имеем тот мотор, который им движет. Но также и в других случаях, как и в тех, где представлены лишь материальные блага, действует этот мотор. Подумайте толчка, ведь это настроение выгадывания, пользы для себя имеет место и тогда, когда я продаю товар и получаю деньги: я знаю, что благодаря моим способностям и с помощью этих денег я могу сделать больше, чем с помощью имеющегося у меня товара. Здесь я уже выступаю с моими духовными свойствами.

Перенесите-ка это теперь на всю сумму ссудного капитала, заключенного в некоем экономическом образовании, и вы сможете очень скоро увидеть, что те, которые желают что-либо предпринять или исполнить и нуждаются для этого в ссудном капитале, имеют в этой своей потребности ссудного капитала совершенно тот же двигатель, который находится и в стремлении к выгоде. Только ссудный капитал, собственно, действует как что-то всасывающее, тогда как выгоду я рассматриваю наподобие толчка; он действует всасывающе, однако в том же направлении, куда обращена и выгода. Так эти действующие в экономическом процессе давление и всасывание представлены выгодой и ссудным капиталом.

Благодаря этому мы получаем представление о том, что, поскольку экономический процесс существует только в движении, и через движение в экономическом процессе возникает все, что может через это движение возникнуть, то всюду в этот экономический процесс мы должны включать человека, должны ставить человека. Для объективной экономики это может быть несколько неудобным, поскольку человек есть в своем роде неизмеримая величина, поскольку он переменчив, поскольку его приходится учитывать различными способами; но он существует, и с ним надо по-разному считаться.

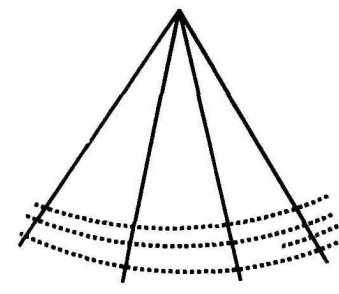
Теперь мы уже видим, что при наличии ссудного капитала в

экономическом процессе действует некий род всасывания. Вы знаете, что было время, когда ненормальным считалось взимание процентов за выданную ссуду. Моральным считалось давать только безпроцентную ссуду. Тогда предоставление ссуды не давало никакой выгоды. В самом деле, первоначально ссуда не исходила, собственно, из выгоды, которую теперь имеют благодаря ей, не исходила из процента. В прежних, более примитивных, чем сегодняшние, условиях предоставление ссуды вытекало из предпосылки, что если я кому-то что-то даю займы, и он может сделать с этим что-то такое, что я сам сделать не могу — скажем, он находится в нужде и может выйти из нее, если я в состоянии буду сколько-то дать ему займы, — то он не будет платить высокий процент, но в случае если я сам буду в чем-то нуждаться, он со своей стороны мне тоже поможет. Повсюду в истории вы видите, оглядываясь назад, что предпосылкой для предоставления ссуды является возврат получившими займы своего долга по мере необходимости.

Эта предпосылка действует и в более сложных социальных отношениях. Например, кто-то получает ссуду в кредитном учреждении и приводит с собой для этого двух поручителей. Они должны поручиться за него, чтобы кредитное учреждение всегда имело своеобразный опыт; для этой услуги принцип взаимности играет чрезвычайно важную роль. Ибо если А обращается в кредитное учреждение и приводит с собой В и С в качестве поручителей, то кредиторы, регистрируя их имена как поручителей, рассчитывают на то, что потом придет В и приведет с собой А и С, а когда В заплатит долг, придет С и приведет А и В как своих поручителей. И в определенных кругах это считается чем-то само собой разумеющимся. Так что некоторые экономисты считают, что такую закономерность можно утверждать с тем же правом, с каким устанавливают что-либо с помощью математических формул. Теперь, конечно, эти вещи надо понимать как известную долю соли, ибо всегда надо считаться с необходимостью приправы к каше. И то, с чем здесь считаются, также является составной частью в движении экономического процесса. Итак, можно сказать: первоначально вознаграждением за предоставление ссуды является одна толковая предпосылка, что получивший ссуду возвратит ее или, если не возвратит, хотя бы поможет получить ссуду тому, кто помог ему. Когда речь идет о предоставлении ссуды, то принцип взаимности в отношениях между людьми особенно ярко выступает в экономическом процессе.

Если это так, то что же такое тогда процент? Процент, и некоторыми экономистами это уже было замечено, есть то, что я получаю, если отказываюсь от принципа взаимности, если даю ссуду и договариваюсь, что моему должнику не надо будет впредь давать мне ссуду; тогда, если я отказываюсь от этой взаимности, он платит мне процент. Процент — это плата за то, что действует между людьми, это вознаграждение за то, что разыгрывается в экономическом процессе как принцип взаимности.

Здесь мы встречаем нечто такое, чему нужно найти правильное место во всем экономическом процессе. При

этом мы, конечно, должны всегда учитывать, что в наше время есть смысл рассматривать только такие экономические процессы, которые полностью протекают под знаком разделения труда, ибо, по существу, только с такими процессами мы и имеем дело. В условиях разделения труда люди в гораздо большей степени зависят друг от друга, чем когда каждый из них не только сам для себя выращивает капусту, но и сам для себя изготавливает сапоги и шапки. С разделением труда развивается все большая зависимость от принципа взаимности. Таким образом, мы видим в разделении труда процесс, который расходится на ряд отдельных потоков (рис. 7).

В ходе экономического процесса, однако, происходит так, что все эти потоки стремятся снова соединиться, только другим способом, путем соответствующего обмена, осуществляемого в сложном экономическом процессе с помощью денег. Следовательно, разделение труда на известной степени развития вызывает необходимость взаимности, то есть того же самого принципа человеческих отношений, который мы обнаружили при предоставлении ссуды. Там, где широко развито предоставление ссуды, мы имеем этот принцип взаимности, который может быть заменен выплатой процентов. Тогда мы имеем в проценте реализованный принцип взаимности. Только здесь он приобретает, принимая абстрактную форму денег. Но силы принципа взаимности — метаморфизированные, несколько видоизмененные — это и есть процент. То, что мы совершенно ясно видим при выплате процентов, происходит повсюду в экономическом процессе.

С этим связана серьезная трудность, возникающая при образности представлений из области экономики; дело в том, что такие экономические представления можно сформировать не иначе, как путем образного восприятия. Понятиями совсем невозможно охватить экономический процесс, вы должны охватить его в образах. Сегодня весь ученый мир испытывает крайнюю неприязнь к тому, что где-то возникает требование перейти от чистой абстрактности понятий к конкретности. Но мы никогда не сможем основать подлинную экономическую науку, если не перейдем к образным представлениям, если не сможем образно и в подробностях представлять отдельные экономические процессы, представлять их так, чтобы в самом образе мы имели нечто динамическое и знали в деталях, как действует некий экономический процесс, если он сформирован так или так.

Вы правильно поймете, что здесь, собственно, имеется в виду, если скажете себе, что в, конце концов, в экономическом процессе, хотя и на более примитивных ступенях его развития, есть люди, совершенно не способные мыслить в том смысле, в каком это делали или, по крайней мере, должны были бы делать вы на ваших занятиях. Эти люди могут быть порой превосходными хозяевами, могут превосходно понимать, нужно ли еще купить где-то то или другое или не нужно, выгодно или невыгодно где-то что-то купить. При известных обстоятельствах крестьянин, который не имеет ни малейшего представления о понятиях экономической науки и который, достигнув определенного возраста и посмотрев тут и там по соседству условия рынка, совершенно точно знает — он может, конечно, и ошибаться, но ведь

ошибки возможны и тогда, когда придерживаются хозяйственной логики, речь идет только о том, чтобы ошибки не преобладали, — он будет знать в образной форме, не прибегая к понятиям, что это значит для него, когда он отдает какую-то сумму денег за лошадь или плуг. Этот образ, который у него возникает — определенная сумма денег и плуг, — вызывает в нем непосредственное ощущение: может ли он отдать так много денег или нет. Он знает это из непосредственно ощущаемого опыта. Даже при сложном экономическом процессе такой нажитой опыт нельзя исключать. Но это и есть образное представление.

Абстрактные понятия были бы плодотворными, если бы можно было сказать: вот товар, вот деньги, и мы обмениваем товар на деньги, а деньги — на товар; было бы просто, если бы можно было так сказать, но я ведь уже прежде показал вам: даже горох может стать деньгами. И вовсе не верно, что мы имеем дело с чем-то реальным в экономическом процессе, когда вработываемся в него понятиями. Мы имеем это, если вработываемся в него созерцанием. Так, если мы имеем одно наглядное представление, что горох с рыночного прилавка отправляется только в рот людей, то получаем один определенный образ. Если мы имеем другое наглядное представление, что горох используется в качестве денег, то получаем другой образ.

С помощью образов, полученных на основе непосредственного созерцания, и надо вработываться в экономику. Но это значит, иными словами, что если мы хотим правильно вести хозяйство, то должны согласиться подходить к фактам производства, торговли и потребления путем образных представлений. Мы должны принять участие в этом реальном процессе, и тогда мы получим приблизительные представления, только приблизительные, однако такие приблизительные представления все же могут нам как-то пригодиться, если нам самим придется участвовать в хозяйственной жизни. И прежде всего, они нам пригодятся в тех случаях, когда то, в чем мы сами не имеем опыта и на основе чего мы не создали воспринимаемых образов, когда все это будет корректироваться другими людьми, объединенными с нами в ассоциациях. Единственная возможность состоит в том, чтобы строить экономические суждения не с помощью теории, а в исполненной жизни ассоциации, где реально действующими будут воспринимаемые суждения людей, и где на основе ассоциации, исходя из непосредственного опыта, станет возможным устанавливать стоимость вещи.

Как бы это странно не звучало, но не сказано, что можно теоретически определить, из чего складывается стоимость продукта, но говорится, что продукт экономическими путями вступает в экономический кругооборот, и его стоимость в каждом отдельном случае должна обсуждаться ассоциациями.

На чем же основана уверенность, что могут быть образованы такие суждения, которые, если они правильным образом появляются в экономическом процессе, действительно дадут то, что нужно, — на чем это основано? Вы лучше всего сможете это уяснить путем анализа с человеческим или животным организмом. Человеческий или животный организм перерабатывает поступающие в него питательные вещества.

Обращая ваше внимание на то, что известно науке в этой области, я могу сказать: человек принимает пищу, пропитывает ее птиалином, пепсином, пропускает через желудок, через кишечник. То, что необходимо — все равно, мясная или растительная пища, — то, что туда попадает, должно быть, прежде всего, умерщвлено, парализовано. Жизнь должна уйти из того, что содержится в кишечнике. Тогда содержимое кишечника всасывается, проходит через лимфатические железы и в нас самих снова возвращается к жизни, следовательно, то, что затем из лимфатических желез через лимфатические сосуды переходит в кровь, — это вновь оживотворенные, а до этого отмершие, продукты природы животного или растительного рода. Если бы вы захотели теоретически определить, какое количество вещества должна принять в себя железа для его оживотворения, вам бы это не удалось, ибо у одного человека лимфатическая железа берет больше, а у другого меньше. И кроме того, у одного и того же человека для лимфатической железы, расположенной в одном месте, требуется больше, а для лимфатической железы, расположенной в другом месте, — меньше. Пищеварение — чрезвычайно сложный процесс. Никакая человеческая наука не могла бы последовать за этой мудростью лимфатических желез, которые так хорошо делят работу. Здесь мы как раз имеем дело не с произвольными, но с реально действующими суждениями. Действительно, между нашим кишечником и кровеносными сосудами развертывается столько разумного, что в человеческой науке еще долго не будет чего-либо сравнимого с ним.

Точно так же возможно, что самостоятельно действующее из себя разумное скажется в экономическом процессе, приводя его в здоровое состояние. А это достижимо не иначе, как при условии, что, объединившись, люди действительно шаг за шагом постигнут в образах экономический процесс и, благодаря объединению в ассоциации, взаимно друг друга дополняют, поправят, так что в экономическом процессе сможет происходить правильный кругооборот.

Итак, речь, естественно, идет о том, что для такого рода вещей необходимо иметь соответствующий образ мыслей, но одного образа мыслей еще недостаточно. Вы можете, пожалуй, основать ассоциации, очень хорошо разбирающиеся в экономике; но если в этих ассоциациях чего-то не будет, то не многому может помочь это понимание. В таких ассоциациях должно появиться то, что будет присуще именно им, если только такие ассоциации вообще признают за необходимые; в этих ассоциациях должен возникнуть дух общности, нечто осмысление всего хода экономического процесса в целом. Ведь отдельная личность, непосредственно потребляющая все ею покупаемое, может удовлетворять лишь свое эгоистическое чувство. Она, собственно, и работала бы очень плохо, если бы не удовлетворяла свое эгоистическое чувство. Ведь не бывает, чтобы человек, отдельно стоящий в экономическом процессе, если ему предложат костюм, скажем, за 40 франков, сказал: это мне не подходит, я дам тебе 60 франков. Так не бывает. Этого человек в ходе экономического процесса сделать не может. И напротив, как только в экономический процесс входит ассоциированная сущность, тотчас непосредственный личный интерес отступает, возникает деятельный взгляд на весь экономический

процесс; интересы других людей начинают учитывать в хозяйственных суждениях. Народнохозяйственное суждение не может появиться без того, чтобы мы не поднимались от народнохозяйственных процессов к человеческой взаимности и к тому, что будет развиваться дальше на основе этой взаимности от человека к человеку, то есть к действующему в ассоциациях объективному духу общности, — духу общности, который исходит не из ханжеской морали, а из познания необходимости экономического процесса.

Я хотел бы, чтобы на это обратили внимание при таких размышлениях, как, например, в книге «Основные положения социального вопроса». Сегодня нет недостатка в тех, кто всюду ходит и говорит: наша экономика станет хорошей, необычайно хорошей, если вы, люди, станете хорошими. Вы, люди, должны стать хорошими! Представьте-ка себе такого Ферстера¹² и ему подобных, всюду бывающих и проповедующих, что если только люди станут бескорыстными, если они последуют категорическому императиву самоотверженности, то и экономика станет хорошей! Но подобные суждения, собственно, стоят не больше, чем такое: если бы теща имела четыре колеса и дышло, она была бы омнибусом. Ибо здесь, фактически, предпосылка и вывод связаны никак не лучше, только это выражено несколько радикальней.

Главное в «Основных положениях социального вопроса» — это не морализирование, которое может играть большую роль в другой области, но то, что на основе самой экономики показано, что самоотверженность должна находиться внутри кругооборота экономических элементов. И это видно из следующих примеров. Так, если кто-то получает ссудный капитал в кредит и на эти средства, благодаря им, может создать предприятие, создать некое учреждение, может с помощью этого учреждения заниматься производственной деятельностью, то он делает это до тех пор, пока его собственные способности связаны с данным учреждением. Впоследствии то, что здесь действовало, переходит путем акта дарения, совершаемого не лично от человека к человеку, а в ходе экономического процесса, на самой разумной основе к тому, кто обладает нужными для этой деятельности способностями. Следует только поразмышлять, как, благодаря трехчленному делению социального организма, именно здравый смысл может входить в этот акт дарения. Здесь хозяйственное соприкасается с тем, что в самом широком смысле есть социальное в человеке, с тем, что можно осмысливать по отношению к социальному организму в целом.

Вы можете представить себе это также и с другой стороны. Я показал вам, как при простом обмене, устанавливается ли он в самом общем виде или в нем все большую роль играют деньги, экономика непосредственно вступает в область права. А в тот момент, когда в экономику должен вступить здравый смысл, речь пойдет о том, чтобы дать возможность влиться в экономику сути свободной духовной жизни. Для этого три члена социального организма и должны как раз находиться в правильном соответствии, чтобы правильным образом действовать друг на друга. Это имеет в виду трехчленное деление, но не расщепление трех членов! Расщепление, собственно, всегда налично;

речь идет только о том, как можно свести вместе эти три члена, чтобы они действовали в социальном организме с такой же внутренней разумностью, как, скажем, действуют система нервов и органов чувств, система сердца и легких и система обмена веществ в человеческом природном организме. В этом все дело. Об этом мы еще будем говорить завтра.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 3 августа 1922 года

Вы, вероятно, знаете, что по мнению многих экономистов мировая война не могла длиться столько, сколько она на самом деле длилась; основываясь на своем знании экономических связей, эти экономисты заявляли, что экономическая жизнь, какова она есть, не допускает, чтобы мировая война такого масштаба длилась больше нескольких месяцев. Действительность, как вы знаете, со всей силой опровергла данное утверждение. И если сегодня продумать это надлежащим образом, то из такого факта следовало бы вывести необходимость пересмотра существующей экономической науки. Когда бы вы, однако, приложили усилия к тому, чтобы исследовать причины, на основании которых по крайней мере некоторые экономисты пришли к этому своему утверждению, то вы не смогли бы сделать вывод, что все они были идиотами. Они не были таковы. Напротив, вы бы увидели, что основания совсем не плохи, и из этих оснований исходит убеждающая сила. Тем не менее действительность их опровергла. Фактически оказалось, что война смогла продлиться дольше, чем это следовало из соображений экономики. Очевидно, экономическая наука не охватывает действительности, действительность была не такой, какой ее мыслила экономическая наука.

Такое положение вещей можно понять, только уяснив себе воэволюцию экономической жизни на Земле. Дело в том, что развитие экономической жизни состоит из ряда последовательных стадий, которые, кроме того, еще продолжают пребывать одна рядом с другой. Точно так же можно сказать: современные низшие органические формы имеют определенное сходство с первыми живыми существами в эволюции нашей Земли, в несколько измененном виде они продолжают существовать и теперь наряду с полностью развитыми формами; также и явления экономической жизни, характерные для более примитивных состояний, существуют сегодня наряду с явлениями, относящимися к более высоким ступеням развития. Только здесь вступает еще нечто весьма своеобразное. Если, скажем, в животном царстве более примитивные формы живут пространственно рядом с более развитыми, то в экономике более примитивные процессы постоянно вторгаются в более развитые. Мы можем это как-то сравнить лишь с теми случаями, когда, скажем, бактерии внедряются в более совершенные организмы. Но в экономике это еще бесконечно сложнее; тем не менее, имея перед глазами, я бы сказал, ее определенную структуру, можно получить, исходя из этого, важные положения для той области, куда мы хотим, как я уже не раз говорил, поднять все наше рассмотрение.

Экономика в своих примитивных формах представляет собой частное земельное хозяйство определенной величины. Эта величина

относительна, но нам должно быть ясно одно: если это частное земельное хозяйство является замкнутым, оно содержит в себе также и другие члены социального организма, оно имеет собственное управление, в некоторых случаях — собственное войско, свою систему обороны и полицию, а также собственную духовную жизнь. Таким частным хозяйством, разросшимся до гигантских размеров, но сохранившим, по-существу, характер примитивного частного земельного хозяйства, было так называемое королевство Меровингов. Королевство Меровингов являлось государством, только если рассматривать это понятие с чисто внешней стороны, но, конечно, оно не было государством. Это было, собственно, крупное поместье, лишь охватившее очень большую территорию. И в целом социальная структура королевства Меровингов была такова, что до некоторой степени в основе ее лежала хозяйственная жизнь, аппарат управления строился в соответствии со взглядами на тогдашнее право, которое он и должен был осуществлять, и имелась исключительно свободная для тех времен духовная жизнь. Ибо значительная несвобода духовной жизни появилась лишь в новую эпоху цивилизации под влиянием либерализма. Только с приходом либерализма духовная жизнь становилась все менее и менее свободной и достигла высшей точки несвободы в Советской республике, в России, при осуществлении всеобщего государственного счастья. Там продаются только книги, одобренные советским правительством. Папа, по крайней мере, запрещает книги, но советское правительство в России не регулирует запретов, они осуществляются сами собой, потому что там вообще не могут появляться никакие книги, кроме разрешенных правительством.

Если мы проследим дальше это развитие, то увидим, как частнохозяйственная деятельность постепенно переходит в национальную экономику, которая затем, в определенную эпоху, в начале новой истории, становится государственной экономикой. Совершается нечто весьма характерное, поскольку частное хозяйство, частнохозяйственная инициатива постепенно переходит к административным учреждениям и поскольку государственное дело становится народнохозяйственным. И мы видим, как экономическое переходит в государственную жизнь, как поглощается государственной жизнью духовная жизнь, и тогда появляется новый хозяйственный и духовный государственный организм, который становится все более и более мощным, и из этого ясно, что для продолжения экономической жизни он должен, в свою очередь, претерпеть известное разделение.

Но сейчас нас интересует, прежде всего, не это трехчленное деление, а объединение частных хозяйств, как это обычно бывает, в более крупные комплексы, возникновение из частных хозяйств некоего более обширного комплекса — национального хозяйства, которое устанавливает новую социальную структуру, где, однако, еще сохраняются в качестве примитивных включений частнохозяйственные элементы. Что же происходит здесь в собственно экономическом смысле? Происходит обмен между отдельными частными хозяйствами, обмен, регулируемый самыми разными способами. Но это регулирование парит, подобно облаку, над целым. Обмен, то есть торговля между отдельными частными хозяйствами,

вступает, по-существу, благодаря этому объединению частных хозяйств, в фазу национального хозяйства. Как мы увидели вчера, в процессе экономического обмена каждый имеет или, по крайней мере, может иметь выгоду, поэтому и отдельные хозяйства выигрывают, объединяя свои усилия для обмена, который имеет существенное значение для получения выгоды. Таким образом, мы видим, что для отдельных хозяйств это объединение выгодно просто потому, что между ними происходит обмен. Можно в соответствии с балансом подсчитать, насколько одно частное хозяйство выигрывает от экономической связи с другим частным хозяйством. И это имеет значение для дальнейшего экономического развития.

Новое экономическое учение с самыми разными его направлениями создавалось в то время, когда из частных хозяйств складывались народно-хозяйственные организмы. И если хотят понять, например, экономические взгляды *Рикардо*¹³, *Адама Смита*, то надо исходить из того, что все развиваемые ими мысли об экономике, основывались на этом взаимодействии частных хозяйств. У Адама Смита вы повсюду можете видеть, что он мыслит и делает свои выводы на основе наблюдения частных хозяйств. А уже появилась другая картина — объединение в национальную экономику. Но они рассуждали таким образом, что изрядная доля их мышления оставалась связанной с частным хозяйством; рассматривая национальную экономику аналогично частному хозяйству, эти экономисты усматривали причину процветания национального хозяйства в том, что оно вступало в отношения обмена, взаимодействия с другими национальными хозяйствами и из этого извлекало выгоду. Система меркантилизма, например, состояла именно в обосновании образующихся из этого выгод.

Однако уже при объединении отдельных частных хозяйств в крупное национальное хозяйство возникает своего рода руководство, даже просто благодаря наличию в таком комплексе наиболее сильного частного хозяйства. Этот факт, который неизбежно появился при переходе от частных хозяйств к национальной экономике, был скрыт, замаскирован, не был полностью выявлен, потому что руководство перешло к государственному образованию. В противном случае руководящим стало бы наиболее сильное частное хозяйство. Так что отдельные частные хозяйства постепенно, можно сказать, перетекали, перекатывались в государственную экономику.

Но когда затем, в ходе нового времени, обмен, взаимодействие между отдельными национальными хозяйствами, то есть международные отношения, становились все более и более обширными, возникло руководство, и это руководство, как нечто само собой разумеющееся, перешло к Англии, экономика которой в силу ее экономических успехов оказалась доминирующей. С другой точки зрения я уже обращал ваше внимание на то, что в Англии происходило непрерывное развитие от торговли к индустрии. А теперь также надо сказать, что Англия, приобретая колонии, стала страной, задающей тон в области валюты. Ее колонии, как это обычно бывает с частными хозяйствами, соединились в некий более крупный экономический комплекс. Благодаря этому, прежде всего, проявились те внутренние

вып[01Д]ы, которые всегда возникают при обмене, и, вместе с тем, — то мо[01Н]ое руководство экономикой, которое тогда стало возможным в силу доминирующего положения Англии в мировом хозяйстве при нал[01Н]ии развитых международных отношений. Страной, задающей тон в области валюты, Англия стала потому, что только благодаря ей зол[01Т]ая валюта принудительным образом была введена во всем мире, ибо, как можно легко подсчитать, страна, не имеющая золотой валюты, терпит убыток по сравнению со страной, богатой золотой валютой и вводящей ее в обращение в торговле с другими странами. Таким обр[01З]ом, мы можем сказать: в результате мировых соотношений Англия стала ведущей экономической силой.

Собственно говоря, пока дело обстояло так, можно было разр[01Б]атьвать экономические понятия, несколько измененные и усовершенствованные, но происходящие по прямой линии от идей Юма¹⁴, Адама Смита, Рикардо, а затем развитые, только в сильно искаженном виде, Карлом Марксом. Дело в том, что все это можно понять, если в идеях этих авторов увидеть картину хозяйственной жизни, которая сложилась под доминирующим влиянием экономического господства Англии.

Начиная с последней трети XIX столетия, произошел переход мировой торговли в мировое хозяйство, и это — исключительно ва[01Н]ый факт, этот переход от мировой торговли к мировому хозяйству. Если пользоваться определениями, то они, естественно, не точны, по[01Т]ому что события имеют обыкновение переходить друг в друга пост[01Е]нно. Но мы должны сказать: при мировом обороте мировая экон[01М]ика заключается в том, что отдельные национальные хозяйства в[01Д]ут между собой обмен. Такой оборот усиливает обмен, способствует обмену, и благодаря этому существенно меняются цены, вся структ[01Р]а национальной экономики. Но по отношению ко всему остальному ведение хозяйства осуществляется в рамках отдельных областей. М[01Р]овое хозяйство образуется тогда, когда отдельные хозяйства не тол[01К]о обмениваются своими продуктами, но начинают совместно хозяй[01С]товать, например когда полуфабрикаты из одной страны движутся в другую для дальнейшей обработки. Тут мы имеем радикальный пр[01М]ер совместного хозяйствования. Когда речь идет только о сырье, вс[01Е]да будет поддерживаться, согласно балансу, чистый процесс обмена. Это еще нельзя назвать совместным хозяйствованием. Но когда де[01С]гвительно все факторы человеческой жизни, поскольку они затраг[01В]аются экономикой, то есть все производство, весь обмен, все потре[01Б]ление, обеспечиваются всем миром, не только производство или п[01Т]ребление, но и все вместе обеспечивается всем миром, то образуется мировое хозяйство. Тогда, однако, в связи с образованием мирового хозяйства отпадают существовавшие ранее выгоды национальных х[01З]яйств.

Обратимся еще раз назад. Когда частные хозяйства объединя[01С]я в национальные хозяйства, они выигрывают в целом, и каждое в отдельности получает выгоду. Что же еще побуждает их к объедин[01Н]ию? Ведь не всегда побуждение к объединению является вполне ос[01Н]анным. Бывает так, что объединение вызывается не экономическим расчетом, так как в большинстве случаев чувство

свободы развито чрезвычайно сильно. Для частных хозяев дело вовсе не в том, чтобы воспользоваться возникающими выгодами. Экономически эти выгоды действительно налицо, но вопрос здесь все же сложнее. Ведь для отдельного хозяйства характерно свойство, присущее всякому организму: с течением времени его жизненные силы ослабевают. Этот всеобщий мировой закон действителен и для хозяйственной жизни. Хозяйственная жизнь, не испытывающая никаких улучшений, деградирует. И объединение происходило, в основном, не потому, что частные хозяйства, находящиеся на определенном уровне развития, хотели этот уровень еще больше повысить, а для того, чтобы уберечься от падения. Так что можно сказать: выгода объединения появляется в самом факте объединения. Причем в разных видах объединений она возникает по-разному. Так что надо сказать: потери внутренней значимости единичных хозяйств неизменно возмещаются, обычно с избытком, вследствие слияния частных хозяйств в национальные хозяйства. То, что национальные хозяйства постепенно теряют свою внутреннюю значимость, обильно возмещается благодаря мировому обороту и переходу к мировому хозяйству. Но если мировое хозяйство сложилось, то с кем же оно может обмениваться? А мы действительно видим, что вся хозяйственная жизнь на Земле постепенно вступает в фазу мирового хозяйства. Это происходит, когда прекращается возможность получить какие-либо дальнейшие выгоды через объединения.

Те люди, которые утверждали, что мировая война не может продолжаться так долго, как она фактически длилась, мыслили с точки зрения национальной экономики, а не с точки зрения мирового хозяйства. Если бы мировая экономика была экономикой национального типа, их выводы были бы верны. Но так как фактически мировая война с самого начала имела тенденцию все больше и больше расширяться, она могла длиться столько лет. Если внутри мирового хозяйства мы будем продолжать мыслить с точки зрения национальной экономики, то мировое хозяйство в определенный момент должно потерпеть крах. Если бы продолжали мыслить с точки зрения национальной экономики, катастрофа была бы неизбежной, даже если этому крушению не способствовали бы с помощью всяких темных сил.

Так в экономическую жизнь вплетаются новые условия, явно устаревшие, но, конечно, менее явно доступные исчислению. А это означает для вас, что в настоящее время невозможно прямолинейно развивать прежние экономические понятия, что мы стоим перед необходимостью сказать: нам нужно теперь такое экономическое учение, которое ориентируется непосредственно на современность и признает, что все экономические категории, образованные примерно в течение последнего столетия, сегодня уже непригодны. Мы действительно, и это надо теперь заявить, нуждаемся в экономической науке, способной развивать мышление с точки зрения мирового хозяйства. И здесь вы встречаетесь с одной из величайших исторических проблем.

Когда теперь руководящие деятели собираются в Версале, в Генуе, в Гааге, наука вооружает их мышлением пока только в рамках национальной экономики. И до появления мышления,

соответству[е]му уровню мирового хозяйства, нельзя сделать ничего другого, кр[оме] того, что неизбежно ведет к упадку. Можете ли вы отрицать, что они и дальше продолжают разрывать экономику на части, продолж[ают] воздвигать барьеры, которые замедляют необходимый переход к полному мировому хозяйству? Отсюда тенденция самого последнего времени — по-возможности расколоть мир также и в отношении эк[он]омики, проводя этот раскол под маской политических и наци[она]льных интересов. Но переход к мировой экономике, к мировой эк[он]омической науке необходим, иначе на Земле создастся экономически невозможное положение вещей. Оно будет существовать, если одна часть будет добывать себе экономические выгоды за счет другой, и[с]пользуя разницу валют. Здесь вы действительно как раз на путях эк[он]омики интенсивным образом вглядываетесь в то, что, собственно, происходит непосредственно в нашей современности.

Дело состоит в том, чтобы мы, представляя себе образ мирового хозяйства, уяснили, что в отношении своих границ мировое хозяйств[о] находится в ином положении, чем любая экономическая область, граничащая с какой-либо другой областью. Мировое хозяйство в н[астоящее] время уже в известной мере существует, так что и экон[омическая] наука должна в известной мере следовать этому. Область мир[ового] хозяйства, по-существу, не граничит ни с чем, и это приводит к необходимости еще точнее рассмотреть определенные экономич[еские] процессы, обнаруживаемые независимо от границ внутри замкн[утой] экономической области. Кардинальная проблема, которую надо сегодня решать, — это проблема замкнутой экономической области гигантских размеров. Ибо самый незначительный вопрос, например вопрос о цене утреннего кофе, зависит от экономической жизни всего земного шара. А если этого еще нет, значит, развитие имеет относ[ительные] успехи. Но оно идет в этом направлении, и наше мышление должно за ним следовать.

Изучая экономические отношения в замкнутой экономической области, мы должны ясно представлять себе, что внутри этой экон[омической] области при взаимодействии производства, потребления и обращения — собственно, во всем кругообороте — участвуют товары, потребляемые сразу, а также товары временного и длительного пользования и деньги. Имеются существенные различия в экономических формах, к которым относятся определенные вещи; например, взгля[нем] на продовольственную сферу — это недолговечные продукты, одежда используется дольше, а, скажем, обстановка комнаты, дома — еще дольше. Так что в отношении экономических результатов потр[ебления] мы получаем важные временные различия. Предметами эк[он]омической жизни длительного пользования были бы, например, уже упомянутый по другому поводу камень из английской или какой-либо иной короны или «Сикстинская Мадонна» и так далее. В этих предм[етах], в известном смысле, можно видеть блага длительного пользования, особенно таких найдется немало среди произведений искусства. Однако в социальном организме, в котором действует разделение тру[да], и поэтому имеется развитый товароборот, для всякого вида пр[одукции] должен существовать эквивалент. Должна существовать де[шевая] стоимость — цена. Но даже при самом простом

обозрении экономической области вы можете увидеть, что этот эквивалент между товарной стоимостью и денежной стоимостью колеблется, меняется. Один продукт здесь стоит столько-то, а в другом месте — больше или меньше. Продукт, обработанный определенным образом, может стоить больше, чем обработанный иначе. Но, во всяком случае, можно заключить, что во всей экономической жизни, за исключением некоторых особо долговечных предметов, мы имеем дело с благами переходящими, которые спустя некоторое время обесцениваются и перестают существовать.

Деньги хотя и полностью эквивалентны другим экономическим элементам, но ведут себя в экономической жизни удивительным образом: они не изнашиваются. Вы радикальным образом можете себе это представить, подумав о следующем: у меня есть, скажем, картофель, купленный за 500 франков, и я должен позаботиться о его использовании, должен что-то сделать, чтобы его использовать. А через некоторое время этого картофеля вообще больше нет, он исчез в потреблении, его больше не существует. Если деньги являются эквивалентом товаров, полученных в процессе трудовой деятельности, то деньги тоже должны были бы изнашиваться. Деньги должны были бы изнашиваться точно так же, как изнашиваются все другие товары. Если же в экономике таких изнашивающихся денег нет, это означает, что при известных условиях мы создаем для денег некое преимущество по сравнению с теми товарами, которые изнашиваются. Это чрезвычайно важно. И это окажется действительно важным, только если рассмотрим так: вот у меня какое-то количество картофеля, сколько же усилий потребуется мне приложить, чтобы через 15 лет это количество удвоилось? — а теперь подумайте, как мало потребуется усилий от человека, от отдельной личности, чтобы имеющаяся у него сумма в 500 франков через 15 лет удвоилась! Он может ничего не делать, всю свою рабочую силу полностью изъять из социального организма и пользоваться трудом других — достаточно давать деньги в займы и заставлять трудиться других. Сам он тем временем не озабочен проблемой потребления: деньги в этом не нуждаются, они не изнашиваются.

Этим в социальную жизнь вносится много такого, что воспринимается, скажем, как социальная несправедливость. Эти передвижки и перераспределения, не в отношении собственности, об этом я совсем не хочу говорить, а в трудовых отношениях и в отношениях, связанных вообще с человеческой деятельностью, вызывают, по существу, огромные изменения в экономических условиях социального целого. И можно задать вопрос: эти передвижки, эти перераспределения, возникающие здесь, в какой связи они находятся с другими явлениями, в которых их можно как-то лучше постичь? Есть еще что-то неопределенное, когда я таким, можно сказать, эмпирическим образом описываю вам различия между деньгами и реальностями, существующими в экономическом организме. Как теперь можно это охватить во всех подробностях в образной форме?

Чтобы охватить это в образной форме, надо представить себе, что основополагающим фактором для всей экономики замкнутой области является потребление всеми людьми, находящимися внутри этой

области. Это есть первая предпосылка — потребление всеми людьми данной области.

Есть еще нечто другое, имеющее определенное основополагающее значение. Это основополагающее значение было, например, совсем неправильно понято физиократами. Но все же это другое, то есть земля, имеет основополагающее значение, если даже и получилось так, что стоимость земли непрерывно понижается. Она как раз потому должна понижаться, что земля имеет основополагающее значение. Физиократы ошибались, они жили в то время, когда, так же как и теперь, земля имела значение совокупного капитала. Под влиянием этого факта они и мыслили, и исследовали экономические связи, причем исследовали весьма убедительно — из всех экономистов они были наиболее рационально мыслящими, — и они со своей точки зрения приходили к такому выводу: экономическая ценность, присущая какой-либо экономической области, заложена, собственно, в культуре земледелия, если под культурой земледелия понимать производство всех тех благ, которые служат для пропитания человечества. Остановившись на проблеме пропитания, мы действительно должны видеть в земле основу, более или менее крепкую основу того, что составляет внутреннюю ценность экономической области. Ибо подумайте только, что те, кто обрабатывает землю, то есть применяет свой труд непосредственно к продуктам природы, служащим затем для пропитания человечества, что эти работники, занятые производством питания, вместе с собой кормят и всех других; эти другие от них зависят, они кормятся вместе с ними. Разумеется, эти другие могут добывать какие-то средства и дорого свое питание оплачивать. Но, по существу, мы можем очень легко охватить весь вопрос. Представим себе: вот имеется определенное число A едоков. В это число A входят все сельскохозяйственные работники, работники промышленности, финансисты, торговцы, работники умственного труда, вплоть до самых свободных духовных профессий, — все, кто нуждается в питании. И имеются те, B , кто предлагает это питание. Они действительно своим трудом доставляют ту часть потребления, которая непосредственно служит целям пропитания людей. Если A возрастает до A_1 , а B остается прежним, то надо произвести дополнительное деление, надо просто разделить то, что производят B , на большее число частей. И если B не могут сами у себя найти средства для увеличения своей продукции, то должны прийти люди и повысить культуру земледелия.

Таким образом, нельзя внутри хозяйственной области произвольно увеличить, например, количество лиц умственного труда, не увеличивая, с другой стороны, количество тех, кто преимущественно занят производством продуктов питания. Или же надо найти способы повысить культуру земледелия. А эти способы могут быть найдены работниками умственного труда. Для этого работники умственного труда, которые живут в эпоху, требующую повышения культуры земледелия, должны быть более искусны в своем деле, чем жившие раньше, должны по своим способностям превосходить их. Следовательно, в этом отношении увеличение объема сельскохозяйственного труда равноценно повышению уровня наших знаний о способах обработки продуктов природы. Это может

осуществляться самыми разными путями. Разумным образом организовав разведение птиц, можно при известных условиях улучшить ведение лесного хозяйства. Можно привести разнообразнейшие примеры, но сейчас мы занимаемся нашей темой только в принципе.

Ясно, что эти отношения возникают тогда, когда мыслят экономически. В страну с низким уровнем познаний могут приезжать из другой страны люди, обладающие более обширными познаниями. Тогда они могут содействовать дальнейшему повышению культуры земледелия. Или же, в случае перехода людей в места, не связанные с производством продуктов питания, могут быть призваны нужные работники из другой местности. Все эти события разыгрываются в экономике областей, граничащих одна с другой, а также и не имеющих определенных границ.

Размышляя о таких фактах, можно поставить вопрос: что делать, если А потребляют больше, чем В в состоянии произвести? То, что можно сказать об этом с точки зрения национальной экономики, становится непригодным, когда складывается мировое хозяйство, когда, в известном смысле, создаются условия, характерные для мирового хозяйства. И нам надо просто составить себе представление о том, чем же должна отличаться экономика замкнутой области?

Это можно сначала изучить эмпирически, если взять небольшое хозяйство, в котором экспорт и импорт почти полностью отсутствуют, — подобные примеры встречаются. Здесь можно эмпирически изучить, какие имеются соотношения в замкнутом хозяйстве. Для замкнутого хозяйства они таковы. Основа хозяйства — земля. То, что дает земля, подвергается воздействию труда, обработке и получает, благодаря этому, стоимость. Затем труд организуется. Здесь мы вступаем уже в ту область человеческой деятельности, которая больше не связана с производством продуктов питания, она продукты питания потребляет, а не производит. И особенно работники духовного труда являются, преимущественно, потребителями, но не производителями продуктов питания. Таким образом, в замкнутой экономической области мы должны в отношении питания различать сферу производства, имеющую сильную тенденцию застывать именно в качестве части производственной сферы, и сферу потребления. Разумеется, все это очень относительно и имеет постепенные переходы.

Если вы теперь подумаете о жизни людей в целом в условиях такой замкнутой хозяйственной области, то увидите в точности то же самое, что я с вами обсуждал несколько дней тому назад: чтобы капитал не застаивался, не скапливался в том месте — разумеется, это относится ко всей экономике в целом, — где в капиталообразовании духовная жизнь развивается наиболее интенсивно, — чтобы этого не было, полученные наработанные излишки капитала не должны уходить в землю, ведь там они надолго задержались бы; надо позаботиться, чтобы таких излишков не было, чтобы не было отложений капитала в землю. А это значит, что такие отложения должны заранее предотвращаться путем дарения образующихся накоплений организациям духовного порядка, за исключением той доли, которую я назвал семенным материалом. Да, здесь понятие дарения выступает перед нами во всей своей необходимости. Здесь должно существовать

это дарение.

Если вы изучите замкнутые хозяйственные области, возникшие в истории, то увидите, что в них повсюду осуществлялись эти дарения. В основном, это дарения, необходимые для поддержания духовной жизни, — в экономическом смысле дарения необходимы именно для поддержания духовной жизни. Примеры многообразны: от древнейшего, когда *Карл Лысый* одаривает своего придворного философа, *Скота Эригену*, которого при известных условиях можно рассматривать даже как совсем излишнюю мебель, до пфеннигов Святого *Петра*, когда католики всего мира по крохам собирают деньги на содержание церкви. Повсюду, где хозяйство представляет собой замкнутую экономическую область, какой бы гигантской она не была, мы имеем превращение наработанного капитала в капитал в форме дарения для поддержки духовных учреждений.

Иными словами: надо бы подумать о том, как в условиях замкнутой экономической области — это относится и к мировому хозяйству — все, что обычно накапливается в земельной ренте, могло бы, в экономическом смысле, направляться в духовные учреждения и никуда больше. Все это должно исчезать в духовных учреждениях, действовать как дарение. Мы нуждаемся в такой современной экономической науке, которая отыскала бы правильный ответ на вопрос, как мы должны в экономическом смысле покупать и продавать, чтобы то, что создается в стоимости продуктов питания, в чисто материальной сфере, исчезало бы в сфере духовной жизни. Это большой вопрос. Я формулирую его еще раз: какой вид платежа в экономическом обороте следует установить, чтобы то, что создается путем переработки природы при производстве продуктов питания для человечества, исчезало в духовных учреждениях? Это большой экономический вопрос, к ответу на него мы перейдем завтра.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДОКЛАД *Дорнах, 4 августа 1922 года*

Вчера я сформулировал очень важный вопрос, возникающий в связи с тем фактом, что национальная экономика все больше и больше обнаруживает стремление перейти к мировому хозяйству. Но именно благодаря этому вопросы ценообразования приобретают существование иное значение, чем они имели раньше в хозяйственной жизни. И нам надо еще кое-что рассмотреть, прежде чем мы составим себе представление о факторах, определяющих, собственно говоря, цену, ибо то, что в конце концов появляется на рынке или вообще в товарообороте как цена — я хотел бы сказать, как проявленная цена, — имеет гораздо меньшее экономическое значение, чем то, что находится в основе ценообразования, что приводит в итоге к образованию цены и лежит в основе колебаний цен.

То, что предшествует ценообразованию как со стороны покупателя, так и со стороны продавца, заключено в социальных отношениях, от которых зависит, в каком вообще положении находится покупатель, какую стоимость должен он приписать определенной денежной сумме — стоимость не только в субъективном смысле. С экономической точки зрения субъективное учитывается лишь настолько, насколько

правильно оно обосновано в объективных процессах, насколько правильно оно основано на объективных процессах. Но в объективной связи прежде всего принимается во внимание стоимость денег. Ибо в настоящее время хозяйственный вопрос нельзя рассматривать совершенно обособленно от вопроса социального. Только учитывая их взаимодействие, можно прийти к имеющему силу суждению. И сразу надо заметить, что недовольство, социальное недовольство, вызывающее социальные волнения, связано прежде всего с тем, что представляет собой ценообразование и что себя в ценообразовании, в конце концов, изживает. Я указывал вам: в основе заработной платы, то есть того вида ценообразования, который внутри современной экономики находит свое выражение в уровне заработной платы, лежит, собственно, купля и продажа; из этого понятно, что все, ведущее к борьбе за заработную плату, основано, по существу, на социальных отношениях между рабочим и предпринимателем. Итогом этих отношений является тот вид ценообразования, который формирует заработную плату. И мы, прежде всего, должны знать, каким образом действует то, что уже сегодня играет большую роль как в купле и продаже, так и в заработной плате и во всех остальных явлениях экономики, в какой мере внутри экономического процесса деньги как таковые влияют на образование цены? Мы должны различать то, что, в конце концов, обнаруживает себя в виде денежной цены, и то, что, собственно, означает стоимость денег в руках того или иного лица, — как в руках продавца, так и в руках покупателя. Потому сегодня мы немного займемся исследованием денег.

В экономических рассматриваниях вы всюду найдете множество прекрасных представлений о сущности денег. Так, в экономических сочинениях говорится о свойствах, которыми должны обладать деньги, чтобы они вообще могли служить в качестве денег. На приведенные там свойства мы все же взглянем немного критически, чтобы увидеть, как из разнообразных представлений, которыми пользуется современная экономическая наука, выработать нечто от них отличное. Там говорится, что, во-первых, деньги должны иметь некую всеми признаваемую стоимость. Тогда спрашивается, кто же в этом случае осуществляет признание, правильное признание. Ибо высказываем, что деньги должны иметь общепризнанную стоимость, еще ничего не сказано, а только указано, что они должны иметь некое свойство; этим не сказано, каким образом они могут приобрести это свойство. Второе свойство денег еще удивительней. Говорится, например, что денежные знаки должны иметь малый объем и в силу своей редкости при малом объеме обладать высокой стоимостью. Такое свойство делает деньги лучшим средством, особенно подходящим для того, чтобы облегчить их хранение и тем самым образовать соответствующий стимул к обогащению, — это понимал уже Ликург, когда ввел более объемные деньги как средство против неправомерных обогащений. Ибо если бы монета в 20 марок была величиной со стол, ее было бы труднее хранить. Не так удобно было бы становиться богатым, как сегодня, это больше бросалось бы в глаза и тому подобное. Здесь речь идет, однако, только о самых внешних признаках. Говорится также, что деньги должны делиться на любые части. Все это я нашел в одном справочнике по

национальной экономике. Но это можно осуществить не иначе, как путем какого-то признания, являющегося и здесь предельным условием. Так что все весьма туманно. Далее говорится, что деньги должны быть такими, чтобы их было легко сохранять. Именно это свойство, хорошая сохранность денег, выступит перед нами во всем своем значении в дальнейшем ходе нашего сегодняшнего размышления.

Нам должно быть ясно не только то, что продукт природы, собственно, только тогда получает экономическую стоимость, когда, будучи обработан трудом, он вступает в экономический кругооборот; не только то, что труд получает экономическую стоимость через те или иные виды и способы его организации, его расчленения, а капитал получает стоимость благодаря тому, что охватывается разумом человека и вносится в экономический кругооборот. Но мы должны уяснить себе, что и деньги как таковые получают стоимость в процессе экономического кругооборота. Нам надо обдумать, как изменяются деньги в ходе обращения. Предпосылки для этого уже имеются в том, о чем я вам говорил.

Среди видов денег мы имеем дело прежде всего с обычными покупательными деньгами, то есть с теми деньгами, которыми мы пользуемся, чтобы купить что-то для нашего потребления. Затем мы имеем дело с ссудными деньгами — о них мы тоже уже говорили. И по отношению к ним можно задать вопрос: тождественны ли ссудные деньги по своему экономическому значению покупательным деньгам? Если же мы рассматриваем покупательные деньги, мы должны будем спросить себя: как возникают покупательные деньги среди других элементов, участвующих в купле и продаже? Они возникают, когда пользующийся деньгами отдает их не только по причине прямого обмена, но в качестве средства, способствующего обмену. Как я уже сказал на днях, деньгами может служить все, что участвует в обмене, способствуя ему. Я сказал вам, что с этой точки зрения и горошины могли бы быть деньгами. Если я приобретаю гороха больше, чем могу сам съесть, и использую его для приобретения других нужных мне предметов, то просто в силу этой посреднической функции любой предмет потребления может превратиться в деньги. Очень остроумно говорит по этому поводу Шпенглер¹⁵: хотя он и рассматривает все факты, пользуясь непригодным для этого направлением мыслей, но у него встречаются некоторые совершенно правильные замечания. Он говорит, что в известную эпоху римской истории деньгами в экономическом смысле становились люди, а именно, рабы. Пока я сам, как это делал древний римлянин, пользуюсь рабами, то есть приобретаю столько рабов для себя, сколько могу использовать в своем хозяйстве, рабы, естественно, являются средством производства. Но с того момента, когда раба сдают внаем, — если, как это было в известную эпоху римского господства, имеют такое количество рабов, что могут отдавать их внаем, пользуясь ими для приобретения всяких нужных вещей, — раб превращается в деньги. Таким образом, в ту эпоху, можно сказать, люди становились деньгами. Это совершенно верно замечено Шпенглером. И из этого мы можем усмотреть происхождение покупательных денег: они образуются из всего, что вообще пригодно

для обмена. Ну, конечно, лишь, чтобы употребляемое в качестве денег было наиболее приспособлено к этому, чтобы оно, скажем, не переливалось всеми отскоками между возможностью быть съеденным и возможностью быть переданным дальше, как это было бы с горохом, из-за чего и цены в процессе обращения существенно колебались бы; деньгами должно быть — для этого требуется определенное, хотя бы и молчаливое соглашение между всеми, кто ими пользуется, — нечто такое, что вообще непригодно ни для какого иного употребления, кроме посредничества при обмене. Это существенное свойство денег: их употребляют только в качестве посредника при обмене, но не для еды.

Вы видите, таким образом, что покупательные деньги весьма существенно отличаются от ссудных денег, ибо стоимость покупательных денег, их ценность, то есть их значение, нельзя обосновать не чем иным, как тем, сколько вы получите за эти деньги. И время здесь, в сущности, ничего не меняет, потому что покупаем ли мы фунт мяса сегодня или спустя некоторое время, мы должны оценивать фунт мяса по его потребительской стоимости. Деньги могут, пожалуй, получить другую стоимость по отношению к фунту мяса, но для человека, который ест это мясо, фунт мяса за это время не получит, собственно говоря, иной стоимости. Важно только, чтобы данный фунт мяса был съеден в течение определенного срока, так как его стоимость ограничена определенным временем, оно портится. Это тоже относится к явлениям экономического порядка, что все вещи, являющиеся подлинными предметами потребления, портятся.

Когда мы употребляем деньги в качестве эквивалента при прямом обмене, то по отношению к портящимся предметам они оказываются недобросовестным конкурентом, действительно недобросовестным конкурентом, потому что деньги в обычных условиях как будто не портятся, подчеркиваю, как будто не портятся. Да, в этом случае мы видим, что в экономику вносится нечто нездоровое, когда в ней допускаются иные отношения, нежели те, которые разыгрываются в действительности. С одной стороны, мы имеем дело с таким положением вещей, что при всех условиях деньги сохраняют свою номинальную стоимость вне всякой связи с социальным местом, какое они занимают, — деньги имеют свою номинальную стоимость, и эта номинальная стоимость, кажется, остается неизменной. Но на самом деле это не так. Все другие вещи действуют честно. Мясо начинает пахнуть в то время, когда по своим качествам оно как раз и должно начать пахнуть; с деньгами этого не происходит, в каком бы качестве они не выступали. Открыто это с деньгами не происходит. И тем не менее мы должны сказать: если какой-то товар в силу тех или иных обстоятельств через определенное время дорожает или дешевеет, то сам по себе, благодаря своим качествам, нужным для человеческой жизни, он должен сохранить ту же стоимость — он должен сохранить ее в силу конъюнктуры, поскольку каждый предмет должен быть потреблен в надлежащие сроки и заменен новым. Но деньги так не поступают; деньги как таковые, как средство обмена в чистом виде, являются недобросовестным конкурентом, ибо они ничем не обнаруживают, что они, в сущности, тоже подвергаются изменениям.

Если сегодня я должен купить фунт мяса за некую сумму денег, а через две недели фунт такого же мяса я должен купить за другую сумму, то эта разница, если в другой раз я выкладываю, например, больше денег, объясняется причиной, обусловленной не фунтом мяса, а деньгами. Причина только в деньгах. Поскольку же деньги при этом сохраняют свою номинальную стоимость, они лгут; суть в том, что их действительная стоимость снижается. Если в обмен за фунт мяса я должен отдать денег больше, значит, деньги стали дешевле. Это ведь само собой понятно. Таким образом, через денежное обращение я вношу в экономический процесс нечто такое, чего там с точки зрения экономики нет. Экономически дело обстоит совершенно по-другому. Экономически дело обстоит так, что стоимость самих денег подвергается изменениям благодаря экономическому процессу.

Теперь нам надо выяснить, в каких случаях деньги претерпевают изменения. Помимо обычных покупательных денег у нас есть ссудные деньги, которые получает кто-либо, чтобы вложить их в какое-нибудь предприятие. Для него они не покупательные деньги, а предпринимательские. Эти предпринимательские деньги, эти ссудные деньги, обладают существенно иной ценностью, существенно другим свойством. Эти ссудные деньги представляют собой нечто совершенно другое, чем покупательные деньги. Когда покупательные деньги становятся ссудными деньгами, тогда все тратится на то, чтобы носители стоимости были введены в совершенно новую область жизни. Стоимость возникает благодаря совершенно другим факторам. Ведь когда ссудные деньги включаются в кругооборот, то речь идет о действии человеческого духа, человеческого мышления, благодаря которому ссудные деньги получают свою истинную стоимость. Когда человек, желая что-то предпринять, получает банковский билет и вводит его в оборот, гораздо важнее было бы написать на банкноте, является ли этот человек гением хозяйственного дела или идиотом; от того, как он будет действовать, зависит теперь стоимость этих ссудных денег в данной экономической ситуации.

И если мы теперь от ссудных денег перейдем к даруемым деньгам, к третьему из названных мной виду денег, который в настоящее время обычно совсем не обсуждается, хотя играет в экономическом процессе самую большую роль, — даруемые деньги есть, по существу, все то, что дается на воспитание, это играет огромную роль в экономической жизни, а также и то, что дается на образование общественных фондов, и все то, что предотвращает отложение капитала в земле через капитализацию земли, которая действует на экономику разрушающим образом, — если мы рассмотрим эти даруемые деньги, то должны будем сказать: для того, кто в своей жизни опирается только на покупательные деньги, даруемые деньги попросту беспредметны. Они лишены своей стоимости. Даруемые деньги являются противоположностью покупательных денег, что следует уже из того, что получивший дар имеет возможность покупать, а не получивший дара не может на эти деньги покупать.

Итак, вы имеете три вида денег, качественно друг от друга совершенно отличных, — покупательные, ссудные и даруемые. Но оценить взаимоотношения между покупательными, ссудными и

даруемыми деньгами можно только тогда, когда мы рассмотрим экономические связи, имеющие характер такого частного хозяйства, о котором гипотетически говорилось вчера как о представляющем собой в некотором роде закрытую область. Именно здесь мы найдем, что спустя определенное время все то, что есть ссудные деньги, переходит в даруемые деньги. Иначе и не может быть в замкнутой экономической области, какой является мировое хозяйство. Ссудные деньги должны постепенно полностью перейти в даруемые деньги. Нельзя, чтобы ссудные деньги некоторым образом возвращались и скапливались в форме покупательных денег, внося помехи. Ссудные деньги переходят в даруемые деньги. Так должно быть в замкнутом экономическом кругообороте. Что же происходит в той области, где действуют даруемые деньги? Они теряют стоимость. Так что можно сказать: в то время, как мы находимся в сфере покупательных денег, деньги представляют определенную стоимость. В сфере дарений деньги имеют некую негативную стоимость по отношению ко всему тому, что существует в покупательной сфере, здесь покупательная стоимость вынуждена исчезнуть. Переход между ними осуществляется посредством ссудных денег. Ссудные деньги постепенно исчезают в даруемых деньгах.

Может быть, вы скажете: это трудно понять. Так оно и есть; жаль, однако, что мы не можем здесь в течение нескольких месяцев разбирать отдельные случаи, чтобы наблюдать то, о чем я сейчас говорил, — как фактически обстоит дело с появлением и исчезновением денежных стоимостей. Но как раз это должно стать для вас заданием, чтобы вы сказанное в этом кратком курсе рассматривали как основу для дальнейшей работы в области экономики. Только импульсы можно дать в течение четырнадцати дней. Вы увидите, что высказанные здесь экономические утверждения благодаря отдельным изысканиям преобразуются в экономические истины, которые могут затем использоваться в научном, а также в практическом отношении.

В действительности происходит так, что в ходе экономического процесса деньги метаморфизируются, приобретают разные качества, становясь ссудными или даруемыми деньгами. Но мы это маскируем, когда даем им возможность быть просто деньгами; когда мы обращаемся с ними в соответствии с написанным на них числом, как с чем-то однозначным, мы накладываем на них некий род маски, скрываем различия. Но действительность мстит за себя, и эта месть обнаруживается в существующих в экономическом процессе колебаниях цен, и хотя мы не успеваем следовать за этим процессом с помощью нашего здравого смысла, тем не менее мы должны к нему подойти. Не следует просто пускать деньги в обращение и давать им свободу делать то, что они хотят. Ибо таким путем мы, собственно, производим в экономике нечто весьма странное. Не правда ли, если нам, скажем, понадобятся для каких-либо работ животные, то мы их приручим и затем уже используем в качестве домашних животных. Подумайте, сколько времени надо объезжать лошадь, чтобы она смогла выполнять нужную нам работу, и так далее! Подумайте только, что было бы, если бы мы использовали диких животных, на давая себе труда приручить их! А деньги в экономическом процессе мы пускаем в

обращение в таком вот совершенно диком виде. После этого мы, можно сказать, предоставляем им самим принимать такую стоимость, какую они имеют в качестве ссудных или даруемых денег. Затем мы ожидаем, что произойдет, когда явится, например, промышленник, имеющий какие-то деньги, неправомерно превратившиеся из его ссудных денег в деньги даруемые. И если такими деньгами он заплатит своим рабочим, то это будет выглядеть иначе, чем если бы он, скажем, платил им чисто покупательными деньгами. Чем больше предприниматель вынужден платить своим рабочим только покупательными деньгами, тем меньше он может им дать, то есть тем дешевле они должны отдавать ему продукты своего труда; и чем больше он имеет возможность платить приобретенными деньгами, которые уже перешли в сферу ссудных или даруемых денег, тем более высокую заработную плату он может им дать, тем дороже окажется продукт их труда на рынке. Следовательно, дело в том, чтобы, наконец, осознать эти факторы с точки зрения здравого смысла.

При таком положении вещей функционирование денег должно непрерывно корректироваться. Допустим, одно хозяйство граничит с другим и позволяет деньгам действовать в таком диком, неосмысленном виде — тогда легко могут возникнуть неприятности в отношении цен на те или иные виды потребляемой продукции. Поскольку это хозяйство находится в окружении других хозяйств, и против него не принимаются никакие меры воздействия, то товары просто ввозятся извне, возрастает импорт. Этим положение вещей исправляется. А мировое хозяйство исправить невозможно, потому что нельзя импортировать товары с Луны. Если бы можно было осуществлять импорт и экспорт с Луны или Венеры и так далее, то экономика земного шара была бы экономикой типа национального хозяйства. Но в этом-то как раз и состоит вопрос: что делать с учением по национальной экономике, когда Земля становится замкнутой экономической областью? Предположим теперь, что вы решили заставить деньги стариться. Итак, вы имеете монету из любого материала и любой стоимости, скажем, 1910 года, и возьмете другую монету 1915 года. Допустим, что монета, печенная 1915 годом, то есть именно тогда появившаяся как экономическая стоимость, получила бы путем разумного с ней обращения качество, свойственное продуктам обмена, — спустя некоторое время она потеряла бы свою стоимость. Все даты, которые я теперь привожу, сами по себе, разумеется, несущественны, они только поясняют то, что должно возникнуть в действительности; все это потребовало бы бесконечно больших расчетов, однако, как мы еще увидим, вполне осуществимых. Положим, эта монета потеряла бы свою стоимость в экономическом обороте в 1940 году. Таким образом, эта монета имела бы определенную стоимость только между 1915 и 1940 годами. В течение этого срока она имела бы стоимость, которая, как мы сейчас увидим, вполне определима. Если деньги теряют свою стоимость в экономическом процессе через 25 лет, то монета 1910 года потеряла бы свою стоимость в 1935 году. Тогда, имея деньги, я приписывал бы им определенное свойство, нечто вроде возраста. Деньги выпуска 1910 года старше, они умрут раньше, чем деньги выпуска 1915 года. Вы можете теперь

сказать: это только программа. Нет, это совсем не программа. То, что я сейчас разобрал с вами, — это действительность. Этого хочет экономический процесс. Он сам делает так, что деньги стареют. Если же они как будто не стареют, если, по видимости, на деньги 1910 года можно еще что-то купить в 1940 году, то это только некая маска. Ибо в действительности вы покупаете тогда не на эти деньги, а на воображаемую денежную стоимость.

Если год выпуска денег что-то значит, то деньги в моем кошельке стареют — старением я называю непрерывное приближение к моменту смерти, — и именно в ходе этого процесса старения в деньгах запечатлевается их стоимость, подобно тому как человеку напечатлевается некая ценность в процессе его старения. Ценность напечатлевается в каждом живом существе. Деньги вдруг становятся живыми и в них напечатлевается стоимость. Почему? Допустим, у нас молодые деньги, деньги текущего года, деньги, соответствующие 1922 году, эти деньги 1922 года будут, разумеется, хорошими покупательными деньгами. Но вот есть предприниматель, и он спрашивает: какими деньгами мне запастись для моего предприятия? Если предприятие рассчитано мною, скажем, на 20 лет, то нужно запастись старыми или молодыми деньгами? Если я возьму старые деньги, то они, смотря по обстоятельствам, через пять лет или через два года потеряют стоимость; поэтому я не могу положиться на старые деньги, использовать старые деньги, но, рассчитывая на длительный срок, нуждаюсь в молодых деньгах. Таким образом, для предприятий, рассчитанных на длительный срок, молодые деньги приобретают особую экономическую стоимость, значительно большую экономическую стоимость, чем старые деньги. Именно такой экономической стоимости надо теперь придавать этому предпринимателю. Но, положим, я хочу учредить предприятие сроком на три года и делаю соответствующий расчет. Я был бы плохим экономистом, если бы теперь взял совсем молодые деньги, ибо молодые деньги, благодаря своему возрасту, самые ценные по стоимости и самые дорогие. Я бы приобрел более дешевые деньги, если они мне нужны на более короткий срок. Отсюда вы видите, что для того, кто прикладывает к деньгам свой разум, возраст денег начинает играть важную роль, которая им осознается.

Не подумайте, пожалуйста, что здесь говорится о чем-то таком, чего еще нет. Все это существует, но происходит только диким образом, вещи мешают друг другу и вызывают нездоровые состояния экономики. Напротив, если вы укротите деньги, действительно свяжете их тем, что придадите им возраст, так что молодые деньги в качестве ссудных денег станут цениться дороже старых, тогда вы напечатлеете деньгам ту реальную стоимость, которая действует и которая определяется их положением в экономическом процессе. Эта стоимость имеет существенное значение, лишь поскольку дело идет о ссудных деньгах; потому что ссудные деньги, выступая в роли покупательных денег, сохраняют свою прежнюю стоимость. И вам совсем не нужно ломать себе голову, размышляя о том, требуется ли вам как предпринимателю иметь для потребления еще и другие деньги и тому подобное. Это исправляется уже само собой.

Обратимся теперь к дарениям, которые также имеют важное значение в экономическом процессе, о них ведь мы уже говорили по разным поводам. Дарение есть все, что вкладывается, например, в воспитание. Особенно оно действует там, где речь идет о свободной духовной жизни. Оно осуществляется повсюду, только люди этого не замечают. Когда вы дарите непосредственно, в этом участвует ваше сознание. Вы дарите постоянно, но когда вы платите налоги и тому подобное, дарение исчезает в общем тумане экономики, и его не замечают. Из-за этого все происходит стихийно, без участия разума. Но теперь поразмыслите, какими деньгами вы будете пользоваться, если речь идет о дарениях, если обдумать это с подлинно экономической точки зрения? Если речь идет о дарениях, то вы употребите старые деньги, которые, после того как сделан дар, по-возможности быстро потеряют свою стоимость, но так, чтобы получивший дар имел время что-то купить.

Разумеется, в экономическом кругообороте должно происходить некое обновление, деньги должны иметь потомство. И вы легко поймете, что того, о чем идет речь, нельзя достичь каким угодно способом или при всеобщем экономическом хаосе, который распространяется везде, где государство вмешивается в экономику, вызывая путаницу в стоимостных отношениях и смешивая покупательные и ссудные деньги и так далее, хотя на самом деле они отделены друг от друга, — вы легко поймете, что для того, чтобы не предоставлять эти вещи произволу и ввести в них разумное начало, надо только создать необходимые ассоциированные объединения, связанные с покупательными, ссудными, даруемыми деньгами и с их обновлением. Скажем, тот, кто отдает деньги в кредит, может избежать бессмысленного кредита, если он принадлежит к какой-либо ассоциации. Ассоциация способствует тому, чтобы он наиболее разумным способом смог передать деньги в ссуду или в дар. Когда деньги даются в дар, а давать или не давать — зависит от свободного решения человека, то и в этом случае деньги, имеющие, например, одногодичный срок стоимости, подлежат, однако, посредническому воздействию ассоциации. Речь идет только о том, что надо, наконец, достичь разумного осознания экономического процесса, который все равно осуществляется, но в замаскированном виде. Деньги, имеющие свой срок, должны собираться в ассоциациях. А затем, в начале нового процесса купли-продажи они опять получают соответствующую стоимость, то есть новую дату выпуска. Они снова переходят к тому, кто имеет дело с продуктом природы, вступающим в сферу приложения труда, — там дело идет только о купле и продаже. Таковы посреднические функции ассоциаций.

Три вида денег имеют разное назначение. И с ними надо обращаться так, чтобы часть даруемых денег, которые будут самыми старыми, поступала в распоряжение ассоциации, и чтобы при ее посредничестве деньги, потерявшие стоимость, снова вступали в экономический процесс, причем именно в тот его начальный момент, когда продукты природы соединяются с трудом, что не вызывает никаких затруднений с экономической точки зрения. Чем же отличается экономика замкнутого хозяйства от теперешней

национальной экономикой? В замкнутом хозяйстве, которое не является национальным хозяйством, имеющим границу с другими хозяйствами и способным заниматься экспортом и импортом, образуются три денежные сферы: сферы ссудных, покупательных и даруемых денег. И то, что в существующих условиях должно исправляться путем экспортной и импортной торговли с соседними странами, в мировом хозяйстве исправляется благодаря наличию этих трех сфер. Если нарушение возникает в сфере покупательных денег, то оно исправляется путем прилива или отлива требуемых средств, поступающих из сферы ссудных денег, — подобно тому, как теперь эти средства могут поступать из других стран, — или из сферы даруемых денег. Это регулируется само собой по той причине, что если возникают неправильности — а они непременно возникают и должны исправляться, ибо жизнь не может избежать неправильностей; наполненный желудок — это просто неправильность, его содержимое должно быть переварено, — то непрерывно возникают такие состояния, когда по отношению к определенным товарам покупательные деньги оказываются слишком дорогими или слишком дешевыми; тогда дешевые деньги переливаются в другие сферы денежного обращения, а оставшиеся покупательные деньги снова дорожат. То, что всегда обычно исправляется экспортом и импортом, само собой исправляется внутри мирового хозяйства. Для этого нужно только истинное человеческое разумение. Оно вступает в экономику при наличии ассоциаций, которые могут наблюдать, исходя из опыта, и, в согласии с этими наблюдениями, проводить соответствующие вещи в жизнь.

Итак, можно сказать: речь сегодня действительно идет о том, чтобы прежде всего правильно понять сущность денег. Эту сущность денег не понимают по той простой причине, что не видят в них то, что они есть на самом деле. Ибо в социальном организме не существуют деньги как таковые, но есть три вида денег, и каждый из них становится тем, что он есть, только в тот момент, когда он вступает в экономический процесс или переходит из одного экономического процесса в другой. В самом ходе экономического процесса деньги также непрерывно изменяются. Дело в том, что нужно сперва хорошенько узнать деньги, прежде чем можно будет сказать что-либо об их роли в выражении цены разных предметов. Действительно насквозь экономический процесс можно рассмотреть только в том случае, если не останавливаться на его поверхности, не рассматривать факты поверхностно. Десяти франковая монета, рассматриваемая поверхностно, остается десяти франковой монетой. Независимо от того, обозначен ли на ней 1910, или 1915, или 1920 год, это все та же десяти франковая монета, если ее рассматривать внешне. И при обычной покупке она выглядит во всех случаях одинаково. Я замечаю в ней изменения, лишь когда получаю за нее меньше товара, когда товар становится дороже. Но в этом удешевлении и удорожании заложено как раз то, о чем я говорил вам как о старых и молодых деньгах. Итак, если вы хотите постичь экономический процесс, нельзя говорить о дорогих и дешевых деньгах, о дорогих и дешевых товарах. Необходимо, прежде всего, так как именно с помощью денег мы сегодня овладеваем

экономическим процессом, познать истинную сущность денег. О денежных суррогатах мы будем говорить завтра. Это важнейшая задача. И тут мы не должны бояться сквозь поверхность проникнуть в глубину, чтобы увидеть, что там, собственно, лежит в основе. В экономике нам следует избегать разговоров о деньгах дешевых и дорогих по отношению к товарам. Мы должны уяснить себе, что, имея в виду живой хозяйственный процесс, мы должны говорить о деньгах старых и молодых.

ТРИНАДЦАТЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 5 августа 1922 года

Для понимания рассмотренного вчера требуется осознать кое-что в связи с экономическими процессами, которые входят в экономические оценки и могут показать нам, как трудно, в сущности, в экономическом смысле оценить то, что свершается человеческим духом. Я приведу невыдуманный пример, лишь представленный в таком виде, чтобы действительность, находящаяся позади него, ничего не внесла бы в значение, которое может иметь этот пример для нашего рассмотрения.

Возможен такой случай. Живет большой поэт; к концу жизни, а еще больше после смерти он все больше и больше признается крупным поэтом. Некто, знакомый с творчеством этого поэта, может быть, только как любитель, приходит к мысли: очень скоро об этом поэте заговорят еще больше, чем сейчас. Я совершенно уверен — по меньшей мере, осмеливаюсь думать, — что, скажем, через 20 лет слава его возрастет. Я могу даже предвидеть, что по обычаям нашего времени через 20 лет будет учрежден в память этого поэта архив и в нем будут собирать его рукописи. Узнавая различные факты и прокручивая их в своей хитрой голове, он говорит себе: да, так будет. Я буду скупать теперь рукописи, автографы этого поэта. Сейчас они еще очень дешевы. Вот как-то оказывается этот человек в компании с другими. Один говорит: я склоняюсь к спекуляции ценностями, хочу просто получать обычные проценты со своих сбережений. Другой говорит: я не удовольствуюсь обычными процентами, я лучше куплю акции какого-нибудь горнорудного предприятия. Это уже более спекулятивная игра: он покупает акции. А третий, это наш делец, говорит: я покупаю акции, лучшие из всех существующих, я покупаю их очень дешево, но я не скажу вам, какие это акции — характерно, что он держит свою затею в секрете, — я покупаю акции, которые в ближайшее время больше всех поднимутся в цене. И он покупает автографы поэта. А через 20 лет он продает их архиву или кому-то еще, кто перепродает их архиву. И он получает за них во много раз больше того, чем сам заплатил. Так что из этих троих его спекулятивный замысел оказывается самым выгодным.

Это совершенно реальный случай. Я только не называю имен, но такой случай был. Здесь произошло очень значительное перемещение экономических стоимостей. И вопрос в том, какие же факторы способствовали этому перемещению. Это, прежде всего, чисто умственное использование обстоятельства, что поэт, о котором идет речь, был настолько высоко оценен, что это даже нашло реальное

выражение в создании архива. А к этому добавляется то — по крайней мере для такого перемещения ценностей, когда все они оказываются в одних руках, — что человек умолчал о своем замысле, ничего не рассказал другим, а сами они до этого не додумались. Так он получил гигантскую прибыль.

Я упоминаю об этом случае только по той причине, что мне хотелось бы обратить ваше внимание на сложность проблемы: как трудно охватить все факторы, перетекающие друг в друга в существе стоимостей. Перед нами должен встать вопрос: разве совсем невозможно каким-то образом постичь эти факты? И, наконец, вы скажете себе: в большинстве случаев для очень большой части жизни люди, обладающие здравым смыслом и объединившиеся в ассоциации, смогут описать эти факторы настолько, чтобы дать им определенное числовое выражение. Но все же остается еще очень многое, а для правильной оценки стоимостей даже имеющее решающее значение, и это нельзя охватить с помощью обычного здравого смысла, если мы не изыщем других вспомогательных средств.

Мы уже видели, что природа должна получить экономическую стоимость, когда она преобразуется человеческим трудом, до некоторой степени соединяется с человеческим трудом. В экономическом организме, основанном на разделении труда, продукты природы в самом начале еще не имеют собственной стоимости. Если мы задумаемся в тот образ, когда стоимость возникает из соединения, скажем, вещества природы и труда, мы получим — пусть сначала только в виде некоей алгебраической формулы — возможность ближе подойти к тому, от чего зависит образование стоимостей. Мы легко можем представить себе, как происходит образование стоимостей, но не потому, что труд может просто соединиться с природным элементом, что труд изменяет природный элемент; здесь имеется более сложная функция, чем, например, сложение. Тем не менее, мы можем придерживаться того, о чем говорили раньше: мы видим, что экономическая стоимость возникает прежде всего, когда продуктом природы овладевает человеческий труд.

Самая первая ступень приложения человеческого труда к продукту природы — та, где работа ведется, я хотел бы сказать, непосредственно на земле. Здесь мы видим начальную точку всей хозяйственной деятельности человека — возделывание земли. Возделывание земли — предпосылка всей прочей хозяйственной деятельности. Но обратимся к другой стороне экономики; мне не надо сегодня вам это опять разъяснять, это ясно вытекает из предыдущих докладов, что когда кто-то осуществляет перемещение стоимостей, это тоже относится к факторам, вызывающим образование стоимостей. Как же нам теперь поступить, если мы хотим найти то, что позволит сравнивать одно с другим? Если бы мы рассмотрели «природу, помноженную на труд», в качестве стоимости, приходящей с одной стороны, или какую-либо иную функцию, о чем я в самом начале говорил, то мы могли бы во всем этом нечто сопоставимое между собой. Но прямо сравнивать дух с природой — из этого, без всякого сомнения, ничего не получится. Ибо здесь вы не найдете никакого момента для сравнения, и совсем не с точки зрения экономики, а уже по той причине, что здесь выступает

нечто чрезвычайно субъективное.

Представьте себе простое деревенское хозяйство — пусть оно будет замкнутым. Такое еще вполне можно встретить, по крайней мере, частично. Оно состоит из того, что производится — мы не принимаем во внимание рынок и город — крестьянами, обрабатывающими землю, несколькими ремесленниками, изготавливающими одежду и прочее, и несколькими другими занимающимися ремеслом работниками, которые, по-существу, еще совсем не являются пролетариями; пролетариев здесь еще нет, и мы можем пока не занимать ими наше внимание, так как то, что в связи с ними подлежит рассмотрению, еще встретится нам в ходе дальнейшего исследования. В этом хозяйстве живут еще учитель и пастор или несколько учителей и пасторов. В условиях замкнутого деревенского хозяйства они должны жить на те средства, которые дают им другие. И то, что развивается как свободная духовная жизнь, представлено, главным образом, пасторами и учителями, возможно, еще деревенским управителем — именно этими людьми и осуществляется свободная духовная жизнь. И мы должны себя спросить: как же, собственно, придем мы к определению стоимости в этом простейшем экономическом кругообороте?

Другой свободной духовной жизни там не будет. С трудом можно представить себе, что в учителе или пасторе проявится писатель-романист; дело в том, что в замкнутом деревенском хозяйстве он едва ли продаст много своих произведений. Мы могли бы рассчитывать на то, что писатель-романист сколько-нибудь заработает, если бы ему удалось вызвать любопытство к своим романам у крестьян, портных и сапожников. Тогда он мог бы действительно развить что-то вроде производственной деятельности в малом виде, не так ли? Однако это обошлось бы чрезвычайно дорого. Во всяком случае, невозможно предположить, чтобы в таком маленьком деревенском хозяйстве это само собой возникло. Итак, мы видим, что свободная духовная жизнь возможна лишь при наличии определенных условий. И мы можем предположить себе, каким образом, благодаря наличию пастора, учителя и деревенского управителя, осуществляется оценка того, что совершают эти работники умственного труда, — ведь в экономическом смысле они суть работники умственного труда.

Какие требуются условия, чтобы работники умственного труда вообще могли жить в этой деревне? Для этого нужно, чтобы жители посылали своих детей в школу, и чтобы они имели религиозные потребности. Духовные потребности — основная предпосылка. Без них там бы вообще не было самих работников умственного труда. И мы должны будем теперь спросить себя: как же оценивается продукция умственного труда, скажем, церковная проповедь — в экономическом смысле проповедь надо понять тоже экономически — или школьное обучение, как их оценить экономически? Как их оценить во всем экономическом кругообороте? Это — фундаментальный вопрос.

Мы только тогда придем к тому, как это оценивается, когда сначала совершенно наглядно представим себе: что же должны делать остальные люди? Они должны выполнять физическую работу. Они создают экономические стоимости благодаря тому, что выполняют физическую работу. Если бы у них не было потребностей в школьном

обучении и в церковных проповедях, то пастор и учитель тоже должны были бы работать физически, тогда бы все работало физически, и духовная жизнь вообще была бы упразднена. Тут, конечно, нам не надо было бы говорить об оценке результатов умственного труда. Мы приходим к этой оценке, когда замечаем, что пастор и учитель должны быть как раз избавлены от физического труда; для выполнения пользующейся спросом духовной работы с них надо снять физический труд. То, что мы теперь должны постичь, хотя бы в общем смысле, можно проследить чисто умозрительно. Допустим, что потребности жителей деревни составляют только половину проповеди и половину школьного обучения, точнее половину проповеди одного пастора и половину занятий одного учителя, тогда что из этого следует? Поскольку нельзя определить на службу пол-пастора и пол-учителя, им придется часть времени уделять физическому труду. И оценку, которой подлжет их труд, нужно будет, таким образом, находить в соответствии с тем, от какого количества физического труда они могут быть избавлены. Это служит масштабом для оценки их труда. Один затрачивает физический труд, другой его не тратит; и он оценивает результаты своего духовного труда по тому, насколько он этим избавлен от необходимости трудиться физически. С экономической точки зрения также и церковная проповедь должна иметь для нас экономическую стоимость, и, если это экономически продумать, тут у нас две разные области экономической жизни, что указывает нам на то, как проповедь получает экономическую стоимость. Она получает ее благодаря тому, что в данном случае труд берегается, тогда как в другой области он должен быть затрачен.

Это проходит, однако, через всю духовную жизнь. Что значит в экономическом смысле, если кто-то пишет картину в течение 10 лет? Это значит, что картина получает для него такую стоимость, благодаря которой он может писать в течение 10 лет еще одну картину. А это возможно, только если он в течение 10 лет будет избавлен от физического труда. Картина должна будет оцениваться таким же образом, как и продукция, изготовленная в течение 10 лет с помощью физического труда. И если даже вы возьмете такие сложные случаи, как разбираемый мною сегодня в начале доклада, вы, тем не менее, получите то же самое. Всегда, когда речь идет о результатах духовного труда, мы встречаем, если хотим найти понятие стоимости, другое понятие — понятие незатраченного, сбереженного труда.

Большая ошибка марксистов заключалась в том, что они рассматривали весь вопрос исключительно с физической стороны и утверждали, что в капитале надо видеть кристаллизованный труд, некий продукт, с которым связан труд. Если кто-то пишет картину, то дух, который он вкладывает в нее в течение десяти лет, конечно, соединяется с нею; но вычислять это могут только те, кто верит, что дух есть перемещенный внутренний человеческий труд. Это — бессмыслица. Духовное нельзя так безоговорочно сравнивать с природным. И дело здесь не в том, что при сравнении духовного произведения в нем вкладывается какая-то часть труда. Этот накопленный труд экономически не учитывается. Как физический труд он может быть очень велик. А то, что учитывается в виде

физического труда, надо и рассматривать только в связи с понятием физического труда. Стоимость же духовного труда обуславливается тем количеством физического труда, от которого он меня избавляет.

Таким образом, на одной стороне экономического процесса получают образующую стоимость силу, потому что труд приводится, приносится, прилагается к продукту, продукт притягивает труд. На другой стороне продукт излучает труд, обуславливает труд; здесь стоимость первоначально, она обуславливает труд.

Благодаря тому, что мы имеем теперь нечто внутренне сравнимое — в одном случае труд и в другом случае труд, — мы получаем возможность для реального сопоставления фактов. Если в одном случае мы говорим: стоимость есть природа, умноженная на труд, $C = P \times T$, то в другом случае мы должны сказать: стоимость — это дух минус труд, $C = D - T$. Здесь мы имеем прямо противоположные направления. Физический труд имеет смысл, только когда тот, кто хочет внести его в экономический процесс, расходует его из себя самого. А то, что вступает в отношения с результатами труда в сфере духовной жизни, есть труд, совершаемый другим, то есть, фактически, то, что входит в экономический процесс в негативном смысле.

Удивительное дело: просматривая историю экономических учений, везде, собственно говоря, находим совершенно верные положения, но применимые, по-существу, только в какой-либо частной области. Одни экономисты, например, считают, что труд сообщает вещам стоимость, — это школа Адама Смита, марксистская школа и так далее. Но есть и другие школы, дающие другие определения, которые также верны для известных областей: нечто превращается в капитал, в исходный фактор стоимости, благодаря тому, что сберегает труд. И те, и другие правы. Только первые считаются со всем тем, что как-то связано с природой, с землей. Для других же имеет значение то, что как-то связано с духом. Между этими крайностями находится третье. Мы можем сказать, что, в сущности, эти крайности встречаются не в чистом виде, но лишь в некотором приближении. Ведь духовная работа, в конце концов, совершается уже тогда, когда из двух сборщиков ежевики — не правда ли, собирание ежевики получает экономическую стоимость только благодаря тому, что сборщики идут и выполняют свою работу, — когда из двух сборщиков ежевики один бесхитроный малый ходит по местам, где растет мало ежевики, а другой выискивает места, где ее много и достигает больших результатов. Поскольку равные количества ягод оплачиваются одинаково, стоимость ягод, собранных первым, оказывается меньше, чем у второго. Итак, в чистом виде эти крайности нигде не встречаются. Уже в сборе ягод действует духовный труд, хотя его можно так и не называть, ибо работа, связанная с находчивостью, с изобретательностью, в данном случае является фактором образования стоимостей не менее, чем у собирателя автографов, у которого происходит образование стоимостей путем их перемещения.

Так что мы можем сказать: в одном направлении мы имеем труд, и в другом направлении мы тоже имеем труд. Тем самым мы получаем возможность как-то сопоставлять экономические стоимости. Но эти сопоставления происходят как раз в самом экономическом процессе.

Мы можем только некоторым образом поднять их в сферу разума. Также и все, о чем я говорю в эти дни, состоит в том, чтобы поднять в сферу разума определенные инстинктивные процессы.

Как было сказано, в чистом виде мы не имеем из этого ничего. То же и на другой стороне экономического процесса, ведь сколько бы художник ни прилагал изобретательности, которую вообще никак нельзя схватить в экономическом смысле, но если он хочет создать, благодаря изобретательности, благодаря какой-то ясновидческой силе, нечто поддающееся учету в экономике, ему придется приложить и немножко физического труда. Положим, он большой гений и в то же время страшный лентяй, однако ему придется все-таки иногда брать в руки кисть. Следовательно, и он должен затрачивать какой-то труд, как и сборщик ежевики использует элемент изобретательности. Все, что разыгрывается в действительности, мы не можем количественно постичь в чистом виде. Эти вещи мы должны постигать в конкретных событиях. И мы можем удерживать их с помощью наших понятий, собственно, только тогда, когда осознаем, что эти понятия находятся в постоянном движении.

Между этими двумя случаями лежит то, что может быть воспринято более четко, например, непосредственно в работе предприятия, где происходит взаимодействие физического и умственного труда. Я бы хотел сказать: подобно тому, как в какой-нибудь машине управляющий механизм движется вперед и назад, так и в производстве физическая работа движется в одну сторону, а духовная — в противоположную. И тогда мы имеем в реальном взаимно противоположном труде двух сторон как третье то, что разыгрывается внутри экономического процесса. Иными словами, это значит: работая физически, человек, благодаря своим умственным способностям, частично сберегает свой физический труд; он одновременно совершает и то и другое — так происходит, собственно говоря, всегда. Но один конкретный случай больше подходит к первой формуле, $C = P \times T$, а другой — ко второй, $C = D - T$. То, что заложено во второй формуле, в сущности, осуществилось бы лишь в том случае, если человек, будучи среди потребителей, только сберегал бы физический труд своими духовными силами. Но таким человеком мог бы быть только тот, кто родился бы на Земле сразу во взрослом состоянии.

Итак, вы можете с этой точки зрения взглянуть в экономическом процессе на оценку природного, с одной стороны, и духовного, с другой стороны. И тогда вы получаете возможность сказать: там, где взаимодействует позитивное и негативное, должно появиться некое среднее состояние. Иной раз перевешивает позитивное, иной раз — негативное. Возьмем случай, когда преобладает позитивное. В примере с деревенским хозяйством будет как раз преобладать позитивный момент, так как здесь нет интереса к другой духовной работе, кроме самой несложной. Однако чем больше усложняется жизнь, или, выражаясь сентиментально, чем больше успехов делает культура, тем выше в целом, как вы это знаете на собственном опыте, оцениваются духовные достижения. Это значит, что чем больше сберегается труд, тем сильнее негативный фактор противодействует позитивному. Характеризуя ситуацию таким образом, действительно

постигают реальный процесс. Дело ведь не в том, что физическая работа на одном полюсе прилагается, а на другом уничтожается — это не было бы реальным процессом в экономическом смысле, а могло бы рассматриваться, самое большее, как природный процесс, — но речь идет о том, что затраченный физический труд именно потому выступает в виде фактора образования стоимости, что он никак не уничтожается, а то, что противодействует ему в качестве сбережения труда, противодействует только в количественном выражении, количественно влияет на стоимость, создаваемую физическим трудом. Но благодаря этому количественному влиянию мы вообще получаем возможность найти какое-то реальное выражение происходящего здесь процесса. Активно действуют люди физического труда, активно действуют люди духовного труда; работа первых — фактически затраченный труд, работа вторых означает, собственно говоря, сбереженный труд. Их отношениями и определяется окончательная оценка.

Итак, я бы сказал: обозначить вещи и постичь их в числовом отношении возможно лишь потому, что одну и ту же вещь рассматривают с двух сторон и меняют способ ее оценки. С прогрессом культуры, как сказано, значение духовной деятельности все возрастает. И, следовательно, физический труд оказывает все меньшее влияние на образование стоимости. Физический труд затрачивается, и в дальнейшем развитии эти затраты даже должны увеличиваться. Ведь с прогрессом культуры и земледелие должно становиться все более плодотворным. Все это должно усиливаться в положительном смысле. Но влияние физического труда на образование стоимости будет, собственно говоря, понижаться, а понижаться оно может только потому, что люди, выполняющие эту работу, будут все больше и больше нуждаться в достижениях умственного труда. Таким образом, здесь снова в область экономики вступает нечто, присущее человеку. Без учета этого человеческого элемента совершенно нельзя обойтись. Напротив, с развитием духовной жизни действие его все больше обнаруживается как объективная необходимость.

Верно, что сначала, когда в деревне живут только пастор и учитель, духовная жизнь в ней мало развита. Но представим себе две деревни. В одной деревне пастор и учитель — люди посредственные. Здесь все будет идти, как заведено. В другой деревне пастор или учитель, или они оба — заметные личности. Они смогут развивать всякого рода духовные интересы в молодом поколении, а может быть, им для молодого поколения даже удастся побудить поселиться в деревне еще и третьего представителя того или другого вида духовного труда. В этом отношении духовное несет в себе большую действующую силу, которая, в свою очередь, воздействует на экономику. Но что тогда означает этот процесс в целом? Этот процесс в целом означает, по существу, следующее. Чисто материальная производственная деятельность, физическая работа, то есть некая стоимостнообразующая сила, обладающая бесконечно большой стоимостью, встречаясь с действием противоположного фактора, все больше и больше — нельзя сказать, что обесценивается, но все больше и больше количественно сокращается; и в этом взаимодействии обработки земли и духовного свершения заключено нечто такое, что в

экономическом смысле взаимно компенсируется. И существует определенная, единственно правильная величина этой компенсации.

Здесь снова выступают весьма сложные отношения, ибо может случиться, что в какой-либо области имеется слишком много производителей духовных благ, то есть оказывается слишком большим производящее действие берегающей труд силы. Тогда мы получаем одну лишь негативную стоимость, люди не могут жить совместно, когда нет двусторонней деятельности.

Во взаимной компенсации мы имеем определенную границу. Эта граница дается так, что для каждой экономической области просто существует некое, обусловленное природой вещей, балансовое соотношение между земледельческой продукцией, с одной стороны, и духовной продукцией, с другой.

До тех пор пока экономическое учение не примет во внимание то, как относится земледельческая продукция, разумеется, в самом широком смысле, к продукции духовного труда, не займется очень серьезно этой проблемой, которой до сих пор почти никто не занимался, — до тех пор у нас вообще не будет экономической науки, соответствующей закономерностям нашей эпохи.

В настоящее время прежде всего необходимо, чтобы проводились такие работы, благодаря которым на основании фактических данных, очищенных от недобросовестности и агитации, можно было бы узнать, каким образом определенная территория становится нездоровой в экономическом отношении из-за избыточного количества духовной деятельности. И сколько имеет сил для дальнейшего развития та территория, где эта граница еще не достигнута. Так как продвижение возможно лишь до тех пор, пока эта граница, определяемая через компенсацию, еще не достигнута. В таких исследованиях речь должна идти, прежде всего, о том, чтобы выявить элементы еще существующих замкнутых хозяйств — а они ведь частично имеются везде, так как мы медленно вступаем в эпоху мирового хозяйства, — чтобы исследовать элементы таких хозяйств в каких-то областях; чтобы исследовать также общее благосостояние в тех областях, где живет сравнительно немного писателей, художников, умелых промышленников и так далее, и имеются сильно развитое сельское хозяйство и связанные с землей отрасли, и исследовать, кроме того, благосостояние тех областей, где имеется обратное соотношение. Так, на основе доступных нам фактов, мы должны чисто эмпирически выявить общие закономерности для теоретической разработки баланса между сельским хозяйством, земледелием в широком смысле и духовной деятельностью. При этом как для людей, связанных с материальным производством, так и для людей духовного труда надо просто определить на какой-либо территории средние величины, которые не искажают баланс в целом, чтобы, составляя баланс по этим величинам, можно было видеть, каким образом одно компенсирует другое.

Именно в этом заключается момент огромной важности для тех, кто хочет сегодня содействовать дальнейшему развитию экономической науки; таково положение вещей, что эта проблема, которая должна находиться в основе всех размышлений о цене и стоимости, вряд ли правильно осознается в настоящее время.

Я вчера уже говорил некоторым из вас: в экономическом мышлении люди очень склонны к тому, чтобы мыслить фрагментарно, не охватывая целого. У Шпенглера, например, в конце второго тома «Заката Европы» имеется совершенно превосходный экономический обзор. Но его блестящий обзор испорчен тем, что рассмотренное им исторически он не в состоянии в определенной степени продумать в связи с современной экономикой. Он в самом лучшем виде описывает, что в античном хозяйстве еще преобладали формы, происходящие от земли, и что преобладающая теперь экономика, в которой мышление занято деньгами, является, в сущности, духовным трудом. Но он не видит, что установленные им исторические формы суть две ступени хозяйственной жизни, что они и сейчас еще существуют рядом друг с другом; они вовсе не сменили друг друга, исторически следуя одна после другой, они существуют и теперь рядом друг с другом, подобно тому, как примитивное существует сегодня внутри самого прогрессивного. Не правда ли, мы легко можем увидеть амеб, которые ползают вовне, и мы находим их в нашей собственной крови в виде белых кровяных телец. То, что происходит в природе во времени, существует сегодня рядом друг с другом; так же и в экономике. Рядом друг с другом находятся самые разные виды отношений. Иногда даже бывает, что какое-либо хозяйство, достигнув высокого уровня развития, возвращается затем к примитивной форме существования, так что фактически можно утверждать: стоимости, созданные в условиях высокой культуры, возвращаются некоторым образом к форме меновой торговли. Получается, в известной степени, что работающие в сфере сбережения труда фактически совершают, смотря по обстоятельствам, взаимобмен этого сбереженного труда для согласования тех или иных потребностей. Это вполне возможно. Так что нередко на самой высокой ступени экономики, причем именно применительно к самым высоким ее достижениям, мы снова встречаем самые примитивные формы отношений.

Я хотел сказать об этом сегодня, чтобы завтра сделать необходимое заключение.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 6 августа 1922 года

Вы, наверное, заметили, что в наших рассуждениях речь, фактически, шла о том, чтобы найти такие понятия, лучше сказать, такие образы экономической жизни, с помощью которых можно действительно окунуться в эту экономическую жизнь. Ни в одной из ныне существующих областей антропософского движения, в которых я участвую, я никогда не считал, что следует вдребезги разбить все результаты современной науки. Напротив, убежден, что в наших науках держится много полезного, но только способы обращения с этим как в естествознании, так и в гуманитарных науках нуждаются, по существу, в дальнейшем развитии. И здесь я постарался дать вам, прежде всего, такие понятия-образы, которые могли бы послужить отправными точками для правильного использования ценных и весьма обширных результатов экономической науки. Поэтому я давал такие образы, которые должны быть непосредственно живыми. Однако все

живое — только пусть это станет вам совершенно ясно! — все живое всегда многозначно. Поэтому, может быть, кто-то из вас уйдет отсюда с чувством, что против того или иного у него имеются возражения. В известном смысле я рад, когда появляется это чувство, если только оно вызвано духом пытливого и серьезного исследования; дело в том, что такое чувство всегда должно иметь место по отношению к живому. Живое не терпит догматической теории. Так и надо воспринимать те понятия-образы, которые я вам дал.

В высшей степени многозначным, сказал бы я, представляется понятие-образ стареющих или выходящих из употребления денег. Но к этим понятиям-образам мы должны подходить так, как если бы мы рассматривали человека в его становлении. Имеется общее чувство: он совершит еще много хорошего. Можно потом представить себе, как он это делает. Но эти представления о том, как он что-то делает, не обязательно должны сбыться. Он может совершить это другим способом. Так и для понятия об изнашивающихся деньгах мы можем найти, смотря по обстоятельствам, различные способы, какими происходит это изнашивание денег. Я пытался представить такой способ, который, так сказать, менее всего мыслим в связи с бюрократическим подходом, а возникает из самой экономической жизни.

Возможно множество возражений. Я хочу обратить ваше внимание на то, как легко они появляются, приведя одно из них: благодаря чему мы в состоянии определить, что, например, предприниматель должен вкладывать в свои предприятия именно молодые деньги, ведь уже очень сложно нельзя узнать, были ли это молодые деньги или старые, поскольку производство продолжает работать. Но в этом случае вы должны понять, что предприниматель получает деньги не из воздуха, он берет их у кого-то в займы, занимает. Из моей книги «Основные положения социального вопроса» видно, что я вовсе не считаю нужным отменить проценты как таковые в отношении денег, имеющих стоимость; напротив, до известной степени они как раз необходимы в хозяйственной жизни. Следовательно, вы скажете: кто же мне как предпринимателю дает деньги в займы, если я буду выплачивать проценты в течение очень короткого срока? Мне дадут деньги только с таким расчетом, чтобы возможно дольше получать проценты от моего предприятия. Может быть, вы найдете этот способ недостаточным для того, чтобы осуществить старение денег. В таком случае вы можете обдумать другой вариант, например на выпускаемых сегодня деньгах ставить не дату выпуска, а какую-то будущую дату, чтобы деньги получали возрастающую до этой даты стоимость, а потом эта стоимость начинала бы понижаться.

Словом, все живое может осуществляться различнейшими способами. Как человек может по-разному реализовать свои способности, так сама жизнь осуществляет себя различнейшими способами, когда ей предоставляется такая возможность. В этом сущность недогматического понятия. И когда вы овладеете такими понятиями, особенно в экономической науке, тогда только вы увидите, как вещи становятся живыми, и как, основываясь на этом, вы можете использовать то, что существует сегодня в так называемой

теоретической экономике на основе наблюдений частных случаев.

Если вы возьмете, например, рассуждения о ценах, то найдете, что в них говорится об условиях, определяющих уровень цен со стороны продавца: какова его потребность в деньгах, какова стоимость денег, каковы его затраты на продукцию и каков покупательский спрос. Анализируя эти понятия, вы убедитесь, что хотя можно совершенно правильно мыслить об этих понятиях, но с их помощью нельзя проникнуть в экономическую реальность по той простой причине, что перед вами, прежде всего, встает вопрос: является ли экономически здоровым состояние, если, например, тот или иной предприниматель испытывает в данное время нужду в деньгах, и из-за этого в определенном направлении понижаются или повышаются цены, способно ли в этом случае здоровым образом действовать то, что можно назвать потребительной стоимостью денег? И то и другое может действовать и здоровым и более болезненным образом. И если вы подумаете об издержках производства, то опять, ставя вопрос о здоровых ценах, лучше размышлять не о том, как складываются цены, если рассматривать издержки производства в виде чего-то абсолютного, а о том, насколько надо снизить издержки производства по тому или иному виду товара, чтобы данная продукция могла получить на рынке правильную, здоровую цену. Вам надо обладать такими понятиями, с которыми можно действительно начинать работать с самого начала. Как живой человек не может начать жить сразу с двадцатипятилетнего возраста, так и понятия, которые входят в жизнь, не должны начинаться в произвольно взятом месте. Нельзя допустить, чтобы экономические понятия начинались, скажем, прямо с конкуренции продавцов или покупателей. Речь идет о том, не является ли при определенных условиях принципиальной экономической ошибкой, что существует преувеличенная конкуренция продавцов или покупателей. Это вещи, которые заслуживают самого пристального внимания как раз с принципиальной точки зрения.

Независимо от того, считает ли кто-то правильным то или иное в предпринятых нами обсуждениях, через весь ряд рассмотрений проходит стремление сделать понятия живыми. Затем они уже сами покажут, как их надо модифицировать в каждом конкретном случае. Все дело в том, чтобы прийти на путь этих живых понятий. И тогда мы можем сказать: поскольку мы имеем, с одной стороны, изнашивающиеся деньги, значит — деньги стареющие, то я пытался как раз тем, что они вступают в кругооборот и фигурируют в виде покупательных, ссудных и дебетуемых денег, я хотел именно через эти особые свойства денег показать, что в то время, как деньги функционируют без помех в силу чисто экономических закономерностей, сама собой в связи с возникающими потребностями в одном месте появляется нужда в молодых деньгах, а в другом месте — в старых деньгах.

Понадобились бы недели, чтобы развить сказанное и убедиться, что все это полностью включается в картину здоровой экономики, а если в хозяйственном организме где-то возникает болезнь, то с помощью наблюдения такого рода фактов можно находить пути оздоровления.

Итак, что же, собственно говоря, получится, если мы представим себе, что в денежном обращении мы имеем своего рода отражение того,

как изнашиваются самые разные предметы потребления, причем, и духовные результаты тоже являются предметами потребления в экономическом смысле? Изнашивающиеся деньги представляют поток, параллельный потоку изнашивающихся товаров, услуг, стоимостей, всех реальных ценностей. Итак, с чем же, собственно говоря, мы встречаемся, когда обзираем этот параллелизм обозначенной стоимости и реальной стоимости, который равным образом распространяется на все мировое хозяйство? По существу, мы имеем здесь дело с тем, что можно назвать счетоводством, бухгалтерией, охватывающей все мировое хозяйство. Это — мировая бухгалтерия; в торговом деле перемещение партии товара не означает ничего другого, как запись статьи бюджета в другом месте. В реальности это осуществляется в силу того, что деньги и товар переходят из одних рук в другие. В сущности, совершенно безразлично, добываются ли результаты тем, что в гигантской бухгалтерии, охватывающей все мировое хозяйство, ставят статьи бюджета на правильные места и управляют целым, переписывая активы, или же изготавливают соответствующий денежный знак и передают его соответствующему лицу, чтобы процесс происходил в действительности. Итак, мировая бухгалтерия является вложением денежного обращения. И к этому, по существу, каждый может и, собственно, должен стремиться. Благодаря этому мы возвращаем деньгам то свойство, для которого они только и могут существовать, — быть внешним средством обмена. Проникая в глубину экономики, мы видим: деньги все же суть не что иное, как только средство взаимного обмена результатами труда. Ведь в действительности человек живет результатами труда, а не знаками этих результатов.

Именно потому, что деньги в известном смысле могут подменять собой результаты труда, получается, что путем некоего рода посреднической торговли деньгами происходит фальсификация всей экономики. Но эта фальсификация возможна только в том случае, если деньгам приписывают нехарактерное для них свойство.

Но теперь речь пойдет о том, что мы должны увидеть, и вчера я указывал на это особо: как те или иные результаты труда надо рассматривать в соотношении с циркулирующими в хозяйственной жизни стоимостями. Вчера мы обратили внимание, что взятое из природы с приложением к нему человеческого труда, соответствует образу, объединяющему труд с природным объектом, так что благодаря этому в каком-то месте можно начать экономический процесс, и это можно выразить так: стоимость образуется трудом, который я вношу в продукт природы. Но в экономическом процессе есть и противоположное течение, оно проявляется в достижениях человеческого духа. Вследствие того, что достигают духовные результаты, становится необходимым ввести, если можно так выразиться, другую формулу оценки. В ней духовный результат оценивается тем, сколько физического труда сберегает с его помощью создавший его человек. Положим, художник написал картину и создал этим некую ценность, по отношению к которой имеется реальный интерес, а иначе она не была бы экономической стоимостью. Художник должен так оценить свое произведение, — если он живет и создает

картины в условиях здоровой экономики, — чтобы не заниматься иным трудом столько, сколько необходимо ему для создания новой картины. Так что мы видим: вследствие того, что в экономическом кругообороте духовные результаты противостоят результатам, основывающимся только на обработке природы с помощью физического труда и, следовательно, средств производства — вследствие того, что с одной стороны труд связывается со средствами производства, а с другой стороны сберегается, — вследствие этого возникает экономический кругооборот с двумя противостоящими друг другу потоками, которые должны здравым образом компенсироваться.

Однако спросим теперь себя: как они должны компенсироваться? Не правда ли, нам надо прежде всего подумать о всеобщей бухгалтерии мирового хозяйства, ибо в этой мировой бухгалтерии нашлось бы то, что взаимно уничтожается. И появилась бы цена. Но дело в том, что ведь статьи бюджета в этой универсальной бухгалтерии что-то означают. Статьи бюджета должны что-то означать. Одна из таких статей, А, должна соответствовать тому, что я могу назвать «трудом, связанным с природой». А другая статья, Б, должна соответствовать тому, «насколько духовной деятельностью сберегается труд». Каждая статья, таким образом, должна что-то означать. Она может что-то означать, только если она представляет собой нечто сопоставимое или, по крайней мере, становится сопоставимой в ходе экономического процесса; нельзя же сразу спросить: сколько орехов стоит картофель? Об этом нельзя сразу спросить. Вопрос надо задать так: орех означает продукт природы, соединенный с человеческим трудом; картофель означает продукт природы, соединенный с человеческим трудом; каким образом сравниваются обе стоимости?

Значит, все дело в том, чтобы найти нечто, действительно дающее возможность взаимно оценивать экономические стоимости. Задача еще больше усложняется, когда, например, пишется статья; ее экономическая стоимость должна соответствовать незатраченному при этом физическому труду с какими-нибудь средствами производства, за вычетом минимального физического труда, затраченного для написания статьи. Во всяком случае, вы можете себе представить, что совсем не простая задача рассчитать, как сравнить эти вещи, как их взаимно оценить. И тем не менее, если мы возьмемся за экономический процесс с другого конца, мы придем к тому, что достигнем возможности такой оценки. На одной стороне мы имеем физический труд, приложенный к средствам производства, к которым относится также и природа. Этот труд за какое-то определенное время составляет совершенно определенную величину; другими словами, это означает: в данное время надо затратить такое-то количество труда, чтобы, скажем, на данной площади вырастить пшеницу и доставить ее торговцу или в какое-то другое место. Этот труд составляет совершенно определенную величину, ее даже можно в известном отношении вычислить; дело в том, что всякий результат экономической деятельности человека, если его обозреть, возвращается все же к природе. По-другому и не может быть, так или иначе он возвращается к природе. Земледелец работает непосредственно в природе; тот, кто, скажем, занят изготовлением одежды, не работает непосредственно в природе, но его труд идет

назад к природе. В его труде уже содержится что-то от сбереженного труда, поскольку в свою работу он включает разум. Во всяком случае, и его работа возвращается к природе. Вплоть до самых сложных духовных результатов все, в конечном счете, возвращается к природе, иначе говоря — к труду с помощью средств производства. Вы можете как угодно беспристрастно рассуждать, и вы всегда придете к тому, что все в экономике в конце концов возвращается к физическому труду в связи с природой, а то, что начинается с природы, образует стоимости благодаря приложению труда к определенной точке, расположенной как можно ближе к природе, и эти стоимости должны распределяться по всей области замкнутого в себе хозяйства. Рассмотрим еще раз то гипотетическое замкнутое деревенское хозяйство, о котором я говорил вчера. В этом замкнутом деревенском хозяйстве жители заняты физическим трудом, а из работников умственного труда я упомянул учителя, пастора и еще, может быть, управителя общины. Итак, это очень примитивное хозяйство. Большинство жителей работают физически, выполняют физическую работу на земле; еще они должны заниматься физической работой для удовлетворения нужд учителя, пастора и управителя общины в питании, одежде и прочем. Это необходимо потому, что учитель, пастор и управитель общины сами не обрабатывают природу. Теперь представьте себе, что в этом замкнутом деревенском хозяйстве живет тридцать крестьян и трое — ну как их назвать? — особо уважаемых лиц. Эти трое поставляют результаты своего умственного труда, а сами нуждаются в продуктах того труда, от которого они избавлены. Положим, что каждый из тридцати крестьян дает этим трем лицам или каждому в отдельности некий знак, некую карточку, на которой значится, скажем, а = такому-то количеству пшеницы, разумеется, пшеницы, уже определенным образом обработанной. Дровосек дает карточку, на которой обозначено что-то другое, что может быть сопоставимо, в отношении потребления, с пшеницей. Эти соотношения можно найти. Учитель, пастор и управитель, таким образом, собирают плоды своей деятельности. Вместо того, чтобы самим отправиться в поле и раздобыть себе пшеницу, зерно и говядину, вместо этого они отдают свои карточки тем людям, которые работают на земле и которые в обмен на эти карточки делятся с ними продуктами своего труда. Этот процесс развивается сам собой. Он не изменится оттого, что какой-то хитрец придумает вместо карточек ввести в употребление метафизические деньги. Суть же дела в следующем: должны появиться некие чеки на основе накопленного материального труда, выполненного в связи со средствами производства, труда, затраченного на образование экономических стоимостей; и эти чеки передаются тем, кому они нужны, чтобы избавить их от физического труда.

Из этого вы видите, что ни один род денег не может быть ни чем иным, как только выражением некоторого количества годных к употреблению средств производства, имеющих в данной области, — среди них, естественно, на первом месте земля. Эти средства производства можно выразить самым простым способом, благодаря чему весь экономический процесс предстанет в формах, доступных учету.

Надо еще сказать то, что связано с невозможностью где-либо на Земле достичь экономического рая. В него могут верить сочинители утопий, потерявшие связь с действительностью. Очень легко простым движением руки определить: экономика должна быть устроена так-то и так-то. Но никакое хозяйство, также и хозяйство всей Земли, называемое нами мировым хозяйством, не может быть устроено абсолютно, но только относительно. Представьте себе, что в какой-то замкнутой хозяйственной области имеется некая территория T1. Если все жители этой территории действительно заняты доступными человеку видами деятельности, то для потребления на этой территории создадутся очень разные условия в зависимости от того, проживает ли на ней N миллионов человек или N1.

То, о чем идет речь, целиком зависит от соотношения между количеством населения и величиной территории, то есть от того, сколько данное население может выработать на этой земельной площади, ведь, в конечном счете, все приходит от земли. Допустим гипотетически, что в каком-то хозяйстве имеются, скажем, тридцать пять миллионов жителей — совсем неважно, сколько именно. Верное для экономики отдельной замкнутой области верно и для мирового хозяйства. В какой-то момент на территории хозяйства проживают тридцать пять миллионов человек. Примем теперь такую гипотезу, что для этих тридцати пяти миллионов человек мы хотим создать наиболее правильные экономические условия. Это не совсем точно и ясно выражено, но сейчас вы поймете, о чем я хочу сказать. Итак, что же надо сделать, чтобы среди тридцати пяти миллионов действовали вполне приемлемые цены? Надо с самого начала поставить хозяйственную жизнь в здоровое состояние таким образом, чтобы дать человеку с этой территории столько — из расчета средней величины плодородности и обрабатываемости, — сколько получается от деления всей пригодной для производства земельной площади на тридцать пять миллионов. Представьте себе, что каждый ребенок, когда он родился, получил бы определенное количество земли для постоянной обработки; если бы каждый человек при рождении это получал, то цены складывались бы такими, какими они вообще только и могут сложиться на данной территории, тогда вещи имели бы самую очевидную обменную стоимость.

Этот приведенный мною курьезный гипотетический пример представляет собой реальность. Все это реально действует в самом экономическом процессе независимо от человека. Да, это действует — вам ведь ясно, что все, о чем я здесь говорю, можно выразить только в образах, — действует потому, что в самой экономике фактически существует такое условие: вся земельная площадь делится на количество проживающих на ней людей, когда эти люди должны дальше обрабатывать то, что дает земля. Представьте себе всю земельную площадь поделенной на количество жителей. Этот реальный факт придает каждой отдельной вещи ее обменную стоимость. Вы можете где-то записывать обменные стоимости и опытным путем получать их в очень хорошем приближении. Но если вы затем сравните это с нашей теперешней действительностью, то найдете, что одни вещи оцениваются значительно ниже, другие значительно выше.

Представьте себе где-то некую утопию, где вы можете разместить одних новорожденных младенцев; сначала пусть за ними ухаживают ангелы, но каждому сразу дается причитающийся ему участок земли. И, наблюдая за ними, вы убедитесь, что когда они сами начнут работать, то очевидным образом появятся и обменные стоимост**и**. Если же через некоторое время цены начнут меняться, это будет означать, что один у другого что-то отнял. А это как раз и есть то, что вызывает различные недовольства: люди смутно чувствуют, что здесь в экономический процесс может пробраться нечто, совершенно не соответствующее реальным ценам.

Однако как раз благодаря тому, что экономический организм функционирует образом мышления, выдержанным в стиле наших рассуждений, приходят путем определенных мероприятий к тем результатам, о которых здесь говорится. А в этом все дело. Так мы найдем, что на денежных знаках, представляющих собой, я сказал бы, переносную бухгалтерию мирового хозяйства, должно быть указано нечто вроде какого-то количества пшеницы, выращиваемой на стольких-то квадратных метрах возделываемой площади, дающее возможность сравнения с другими продуктами. Продукты земледелия легче всего сопоставить между собой. И вы, таким образом, видите, из чего надо исходить. Надо исходить из чего-то реального, цифры должны означать что-то конкретное. Если на наших денежных знаках указано их золотое содержание, то это, безусловно, уводит прочь от действительности, но мы пришли бы к действительности, если бы на них было указано: это означает количество труда, затраченного на определенный продукт природы. В таком случае мы могли бы сказать: если, например, на денежном знаке указано X пшеницы и вообще на всех деньгах имеются обозначения X пшеницы, Y пшеницы, Z пшеницы, то тогда ясен исходный пункт всей экономики. Таким образом, вы вернули бы свойства валюты средствам производства, которые используются в процессе физического труда, средствам производства данной экономической области, и только это является действительной валютой — сумма используемых средств производства.

Для того, кто может совершенно непредвзято всматриваться в действительность, эти вещи получаются из наблюдения, хотя кто-то может сказать, что нельзя совершенно точно сравнить одну стоимость с другой. Однако они все же в очень высокой степени сравнимы. Так как при этой оценке все, в конечном счете, получает свою стоимость через потребление, то стоимости результатов труда не так уж сильно различаются между собой. Каким бы высоко духовным трудом я ни занимался, я каждый год нуждаюсь в таком количестве сбереженного труда, которое нужно для меня как человека. И тогда само собой также выяснится, в чем нуждается работник, занятый духовным трудом, сверх того, в чем нуждается работник физического труда. И поскольку это будет самоочевидно, оно и будет повсеместно признано как самоочевидность. В замкнутых хозяйствах, которых становится все меньше и меньше, еще и теперь дело обстоит так, что работники духовного труда, собственно, в изобилии получают все им нужное, и люди охотно это отдают без всякого учета. Я говорю об этом не потому, что хочу свести экономику к чему-то сентиментальному, а потому, что

это также принадлежит к реальностям экономики и что повсюду в экономике сталкиваются с человеком.

Прежде всего таким путем достигаются действительно обозримые отношения между отдельными членами экономического целого. Для каждого из них достигается возможность также и в деньгах всегда сохранять свою связь с природой. А ведь причина всех нездоровых явлений в нашей экономике и заключается в том, что она так резко отделена от природы, что связь с природой утеряна. Если нам удастся — а это технический вопрос, который может быть решаем в деятельности ассоциаций, — действительно иметь в нашей ценной бумаге натуральную стоимость взамен неопределенной стоимости золота, то мы уже в повседневном обращении непосредственно будем осознавать стоимость того или иного духовного результата. В таком случае я буду знать, что если я пишу картину, то столько-то, скажем, сельскохозяйственных рабочих должны, так как я ее пишу, столько-то месяцев или лет работать, возделывая пшеницу, овес и прочее. Подумайте, каким обозримым стал бы экономический процесс. Пользуясь современным словоупотреблением, скажем: золотое обеспечение валюты заменено натуральным. И это как раз то, что нужно. Именно это показывает истинное состояние экономики.

Итак, мы снова поставили перед собой некоего рода образ. Я должен говорить образно потому, что эти образы обнаруживают действительность. То, что люди обычно представляют себе как экономический процесс, не является действительностью. Действительность видит только тот, кто знает: если я за такую-то вещь получаю монету такого-то достоинства, то это означает такое-то количество земледельческого труда, сюда же должен быть причислен и труд при помощи других средств производства, которые оцениваются наравне с тем, что дает природа непосредственно; в тот момент, когда они изготовлены, они выпадают из товарного оборота, лишаются стоимости, поскольку их уже нельзя ни купить, ни продать, и тем самым уподобляются средствам производства, которые нам дает сама природа. Мы имеем лишь продолжение природного процесса, когда говорим, что со средствами производства надо обращаться именно так. Только благодаря этому образуется четкое представление и о самой природе в качестве средства производства. Ибо против того, что обычно говорится о земле, всегда найдутся возражения, если не ввести понятие о средствах производства, как я это попробовал сделать в «Основных положениях социального вопроса». Вы только подумайте, что какая-то часть природы, смотря по обстоятельствам, должна быть обработана, прежде чем станет пригодной для использования; до того момента, как природа, какая-то природная область была раскорчевана, чтобы могло начаться ее использование, на нее уже был затрачен труд. В тот момент, когда работа заканчивается, данный земельный участок уже вполне обоснованно можно назвать товаром в том смысле, что товар соединился с физическим трудом.

Действительно, только формулируя понятия так, как мы это делаем, вы получаете в чистом виде понятие о средствах производства; тогда вы можете вводить его в самые разные области; тогда в соответствии с моментом вам станет совершенно ясно, что если кто-то

приносит статью, то существенная часть ее стоимости заключается в сбереженном труде, за вычетом лишь того минимального физического труда, который был затрачен на само написание статьи. Если вы образуете понятия правильным образом, из самой жизни, если они правильно вписываются в жизнь, то вы сможете тотчас развивать их в различнейших направлениях. И тогда вы не сможете иначе рассмотреть вопрос о цене, как проследив этот вопрос в отношении не только производственных затрат, но и первичных факторов производства, и вы должны будете увидеть, исходя из этих первичных факторов, каковы условия ценообразования. Только тогда вы сможете понять ценообразование на той или иной его стадии в самом экономическом процессе.

Таким образом, я смог дать вам, по крайней мере, некое представление, указывающее правильный путь к рассмотрению ценообразования — основного вопроса экономики. Ибо хозяйствовать — значит производить продукцию для обмена между людьми, а обмен между людьми реализуется в ценообразовании. Именно ценообразование должно быть тем, от чего все зависит. И для того, чтобы это понять, нам не нужно возвращаться к чему-то совершенно неопределенному, но вы это осознаете, если проследите ценообразование вплоть до тех стоимостных отношений, которые, когда речь идет о земледельческом труде, зависят от связи численности населения с используемой земельной площадью. В этой связи мы находим первичную основу образования стоимостей, так как весь труд, который может быть здесь выполнен, осуществляется только наличным составом населения, а все, к чему этот труд может быть приложен, должно приходиться от используемой земельной площади. В этом нуждается каждый, и труд, который люди духовного труда сберегают, должен возмещаться трудом других; поэтому здесь мы и приходим к тому, что лежит в основе хозяйственной жизни.

Рассматривая обстоятельства таким образом, мы должны сказать: в наших современных, чрезвычайно сложных экономических условиях содержится также и то, что существовало еще в самых примитивных условиях хозяйства, когда, можно сказать, господствовала преимущественно простая меновая торговля. Но только теперь мы уже не в состоянии повсюду распознавать эту связь. Мы бы имели ее всегда перед собой, если бы на наших денежных знаках была бы выражена эта связь с природой. В действительности она все же существует. Никогда не забывайте этого! Это — реальность. Я мог бы опять в образной форме сказать: когда я, ни о чем не задумываясь, отдаю за что-нибудь свои франки, здесь всегда присутствует маленький демон, всегда записывающий на этих франках, сколько труда, вложенного в природу, им соответствует. Это реальность. Чтобы добраться до действительности, нельзя останавливаться на поверхности вещей.

В течение этих четырнадцати дней невозможно было дать что-то большее, чем некоторые импульсы, которые должны были указать путь дальнейшей работы, побуждения, о которых я знаю, что они всюду будут проводиться дальше, и, может быть, самое важное состоит в том, чтобы вы смогли убедиться, что наши понятия-образы, о которых здесь говорилось, в отличие от общепринятых, представляют собой нечто

живое. И если вы восприняли живое содержание этих понятий-образов, то вы не напрасно провели здесь эти четырнадцать дней.

А сегодня так тяжело становится на душе от того, что возникает нечто чудовищное, когда речь заходит о необходимости для людей свободы увидеть, что нужно для исцеления многих бедствий культуры. Ужасно много вокруг разговоров о том, что надо делать. Но очень мало существующей воли, чтобы погрузиться в действительность и чтобы из этой действительности почерпнуть знания о том, что надо делать. Мы в настоящее время постепенно действительно ушли из сферы истины, из сферы подлинного права, присущего природе человека, из сферы всего того, что должно развиваться в человеке, когда он составляет ценность для сограждан, мы ушли от жизненной практики, основанной на слове истины, к фразе, от правовой жизни — к условности, от жизненной практики — к жизненной рутине. И от этой тройной неправды—от фразы, условности и рутины — мы не избавимся, если не разовьем в себе волю погружаться в суть вещей, рассматривать, как они, собственно, формируются в действительности. Только желая рассматривать эти вещи как исследователи, мы получаем возможность быть понятыми. В мире сегодня много агитационных фраз, причиняющих огромный вред, так как мало людей обладает строгой волей к проникновению в реальность жизни.

Поэтому я испытал глубокое удовлетворение от того, что вы приехали сюда и пожелали в течение четырнадцати дней вместе со мной заниматься экономикой и продумывать эту область знания. Я сердечно благодарю вас, я выражаю эту благодарность, так как вижу, насколько это важно; именно те, которые сегодня получают образование в области экономики, могут бесконечно много сделать для оздоровления нашей культуры, для восстановления социальной жизни человечества.

И мы должны стремиться к тому, чтобы экономика не оставалась только теорией, но чтобы проявилась как экономическая ценность, чтобы тот труд, который нами не затрачивается, фактически сэкономленный другими для нас труд, мог использоваться плодотворным образом для дальнейшего развития человечества. Я думаю, что вы, решая приехать сюда, сознавали эту важную задачу экономистами я был бы рад, если бы вы укрепились во всем том, что мы здесь, хотя и далеко не достаточно, смогли все вместе проработать.

Надеюсь, что мы сможем продолжить эту работу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Представленный здесь курс Рудольф Штайнер читал в Дорнахе летом 1922 года по желанию изучающих экономику студентов.

С участниками курса по окончании ряда докладов состоялись занятия, в ходе которых рассмотренная в докладах проблематика была расширена и углублена. Эти обсуждения были выпущены на немецком языке как том II серии «Задачи новой экономической науки» в Полном собрании трудов под названием «Экономический семинар» (Библ. 341).

Рудольф Штайнер предназначал данные тогда рассмотрения для большого круга уже знакомых с антропософией студентов, которым

он хотел дать некоторые импульсы для дальнейшей работы. Он больше не имел возможности осуществить свое намерение подробно изложить через некоторое время экономику для практиков хозяйственной жизни.

Курс и семинар стенографированы и расшифрованы Георгом Клефком, Мюнхен. В основе напечатанного текста лежит расшифрованная им запись. Стенограмма все же содержит неточности, которые в разных изданиях различным образом пытались исправлять. Данное издание, за исключением нескольких небольших исправлений, выполнено по 4-му изданию, подготовленному Вальтером Биркигтом и Эмилем Лайнхаусом, которые принимали участие в этом курсе в 1922 г.

Подробное содержание, предметный и именной указатели взяты из 2-го издания, которое было подготовлено Фолькертом Вилькеном и Вольфрамом Гроддеком.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС

1 *Густав фон Шмоллер* (1838-1917) — экономист и историк. Главный представитель «молодой школы немецкой экономики».

Вильгельм Рошер (1817-1894)— экономист. Основатель «старой (исторической) школы немецкой экономики».

Бенджамин Дизраэли (1804-1881) — возведен в звание графа Биконфилда в 1876 году, писатель и государственный деятель. Известен романами реалистическими общественными романами; как член Палаты Общин представлял взгляды Консервативной партии («Torydemokratie») и был противником Пильса относительно покровительственной, протекционистской пошлины. В качестве премьер-министра стал значительным государственным деятелем британского империализма. Добивался приобретения для Англии Суэцкого канала и того, чтобы королева Виктория стала Императрицей Индии.

Ойген Рихтер (1838-1906) — политик, руководитель Прогрессивной партии; известен как противник Бисмарка.

Эдуард Ласкер (1829-1884) — до 1881 года руководитель левого крыла Национальных либералов; выступал как противник протекционистской политики Бисмарка.

Луио Брентано (1844-1931) — экономист. Был ведущим представителем социал-политического направления в немецкой экономике, так называемого «катедер-социализма» (считал возможным разрешение противоречий без открытой борьбы).

2 *Адам Смит* (1723-1790) — британский философ и экономист. Его называют основателем «классической экономики». Разработал первую законченную индивидуалистическую и либеральную экономическую теорию XVIII века. Главная его работа—«Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

3 *Карл Маркс* (1818-1883) — См.: «Капитал», т. 1, ч. 3, гл. 5. Процесс работы и процесс обесценивания.

4 в статье, написанной мною в начале столетия — См.: Р. Штайнер. «Духовная наука и социальный вопрос», Люцифер-гнозис, 1903-1908, ПСТ, Библ. 34. Уже в 1941 году, когда эта статья впервые появилась в виде книги, вместо ранее употреблявшегося слова «теософия» было поставлено — «духовная наука».

5 что я в моих «Основных положениях социального вопроса» назвал действительными ассоциациями. — См.: Р. Штайнер. «Основные положения социального вопроса. ..», 1919, ПСТ, Библ. 23; особенно в Предисловии и Введении, а также в гл. II.

6 К.М. фон Упру — К физиологии социальной экономики, Лейп-циг, 1918.

7 Георг фон Сименс(1839-1901)—с 1870 года директор учрежденного им Немецкого банка, через который он содействовал большому иностранному предпринимательству (строительство Анатолийской и Багдадской дорог).

8 Артур фон Гвиннер (1856-1931) — банкир, с 1880 года член дирекции Немецкого банка, позднее преемник Г. ф. Сименса.

9 Рудольф Гильфердинг (1877-1941) — врач, редактор (1907-1915, газета «Вперед») и политик. В 1923 и 1928/29 гг. был министром финансов; представитель австрийского марксизма.

10 В первом издании (1922 года) значит: «... мы теперь для него (производителя — Ред.) должны получить отношение спроса и денежно выраженной цены». В подготовленном Романом Боосом издании 1933 года после обстоятельной проверки существующих документов последовало изменение этого предложения следующим образом: «... мы теперь для него (производителя) должны получить отношение между спросом и денежно выраженной ценой». При последующем просмотре существующих материалов благодаря издателю и тогдашним участникам курса Вальтеру Биркигту и Эмилю Лайнхаусу в 4 издании (1965 г.) появилось изменение, которое вошло в это издание. Последняя редакция этой фразы звучит так: «... мы теперь для него (производителя) должны получить отношение между спросом и ценой». Биркигт и Лайнхаус как издатели (1965 г.) указывали на то, что «в уравнении производителя, о котором идет речь и которое было написано на доске в виде $n=f(nr \cdot c)$, не имеется отношения между спросом и ценой. Только две независимые переменные пр. (предложение) и ц. (цена) могут находиться в отношении. Вторжение переменной в другое уравнение математически невозможно, а в экономике вторжение производителя в сферу потребителя означало бы обман или насилие, так как только сам потребитель может знать то, в чем он действительно нуждается. Поэтому в это место внесена необходимая поправка, касающаяся спроса и цены».

11 К строке 3 снизу— В уже названных выше более ранних изданиях в этом месте стоит: «Для производителя это является спросом на товары». Затем, в издание 1965 года Биркигтом и Лайнхаусом были внесены изменения. Редакторы тогда обосновали это так:

«Выражение «спрос на товары» в этом месте противоречит смыслу всего предложения в связи с экономическими фактами. Цитируемая фраза обретает смысл и реальную основу только в следующем виде: «для производителя это является предложением товара». Это становится ясно, так как в записях к Курсу упоминается предложение, внесенное Рудольфом Штайнером через три дня после доклада в записную книжку. Запись касается этой проблемы и показывает полное соответствие. Исправленное предложение таково:

«Мы все же качественно можем различать уравнения благодаря

тому, что здесь для потребителя это является *pr* — денежно выраженным предложением, для производителя это является предложением товара, а для торговца мы должны иметь дело с чем-то, что находится между деньгами и товаром».

Эта запись от 3 августа 1922 года кратко характеризует качественные различия следующим образом.

«Производитель предлагает товары.

Потребитель предлагает деньги.

Торговец предлагает деньги-товары.»

Здесь Рудольф Штайнер берет исходной точкой предложение. Но можно исходить и из спроса, и тогда:

для торговца спрос на товары и деньги (Cn_d^T);

для потребителя спрос на товары (Cn_T);

для производителя спрос на деньги (Cn_d);

Торговец может как спрашивать товар и предлагать деньги, так и спрашивать деньги и предлагать товар. Следовательно, для потребителя и производителя должны быть даны два уравнения с разными переменными. А уравнение торговца содержит обе переменных (Биркигт/Лайнхаус).

Рисунок, выполненный Рудольфом Штайнером на доске 31.7.1922.

Порядок уравнений на доске не соответствует порядку в записях Рудольфа Штайнера. По содержанию доклада он явно записал на доске прежде всего формулу $x=f(pr\ cn\ u)$, затем уравнение торговца, а после этого, наконец, уравнение производителя и уравнение потребителя.

Наряду с уравнениями, написанными Рудольфом Штайнером в течение курса на доске, имеется еще одна запись в записной книжке, сделанная 3 августа 1922 года, она такова:

$u = f(pr\ cn)$ торговец

$pr = f(u\ cn)$ производитель

$cn = f(n\ u)$ потребитель

Если уравнения, имеющиеся на доске и в записной книжке поставить рядом, то получается следующая картина:

	на доске	в записной книжке
торговец	$4 = f(nr^d_T, cn^d_T)$	$u = f(nr^d_T$,
$cn^d_T)$		
производитель	$cn_d = f(nr_T, u)$	$nr_T = f(cn_d, u)$
потребитель	$nr_d = f(cn_T, u)$	$cn_T = f(nr_d, u)$

Во время чтения курса Рудольф Штайнер пользовался только записями, сделанными на доске. Но редакторы решили открыть читателям уравнения из записной книжки, так как они дополняют картину сложного процесса ценообразования (Биркигт/Лайнхаус).

12 *Ферстер и тому подобные* — Намек на католического педагога Фридриха Вильгельма Ферстера (1869-1966).

13 *Давид Рикардо* (1772-1823) — английский экономист. Наряду с Адальфом Смитом является значительнейшим теоретиком классической школы английской экономики. На основе экономической свободы он развивал теорию стоимости и прежде всего свою собственную теорию земельной ренты. Главная работа — «Основы экономики и налогообложения», 1817.

14 Дэвид Юм (1711-1776) — английский философ и историк; оказал сильное влияние на французское просвещение, позитивизм и психологизм XIX века.

15 Освальд Шпенглер (1880-1936) — См.: «Закат Европы», т. 2, гл. 5, 1. Деньги.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Использованные в докладах Экономического курса и занятиях Экономического семинара основные понятия многократно пересекаются. Это происходит особенно в случае таких определений, как деньги и капитал, земля и природа, цена и стоимость. Специальные обозначения — доход с земли, земельная рента, ссудный капитал, дарованный капитал и так далее помещены среди соответствующих основных понятий — земля, капитал и так далее. Различные высказывания о формировании экономических понятий, методике мышления, а также недостатках общепринятого экономического учения можно найти в рубрике «экономическая наука». Цифры I и II в рубриках указывают соответственно на Экономический курс и Экономический семинар, а цифры, расположенные после I и II указывают соответственно номера докладов и занятий.

Австрия II: 1,5
обесценивание валюты II: 1,5
разделение II: 5
Англия I: 1,5,9,11:11:5,6
англо-бурская война, опиумная война 1:9
золотой вынужденный стандарт 1:11; 11:5
ипотечное законодательство I: 5
колебание цен на зерно в XV-XVI столетиях II: 5
колонии I: 1,9; II: 5
превращение торгового капитала в промышленный капитал I: 9
противоположность со средневропейской экономикой I: 1
тенденция к мировому хозяйству II: 6
экономические отношения в XIX столетии по сравнению с Германией 1:1,9
Англо-бурская война I: 9
Ассоциации I: 5-10,12-14; II: 1-3,5, 6
деление по-новому города и деревни II: 3
делают обозримой связь между потребителями и производителями II: 3
наблюдение за состоянием цен I: 8
осуществление взаимных интересов в человеческих взаимоотношениях 1:10
охватывающее суждение II: 5
оценка образующих стоимость факторов 1:10,13
появление правильных зарплат 11:5
регулирование применения капитала и труда I: 5, 6; II: 2
регулирование существования денег I: 12,14; II: 6
социальный порядок должен вытекать из понимания ассоциаций I: 6,9
формирование в экономическом процессе I: 7, 8; II: 1
Банки — см.: Сущность банков
Бельгия / Конго I: 9
Рынки II: 3
Валюта I: 11, 14; II: 5, 6; см. также: Деньги, Обесценивание валюты золотой стандарт как ненужный II: 6
золотой стандарт посредством Англии I: 11; II: 5
природная валюта вместо золотого стандарта I: 14
сумма пригодных средств производства как основа II: 6
Внутреннее хозяйство I: 9
Военная промышленность II: 4
Германия I: 1,5,9; II: 5
индустриализм I: 9
ипотечное законодательство I: 5
негативный баланс колониализма 1:9
обесценивание валюты II: 5
противоположность между центрально-европейской и западной экономикой I: 1
французский ссудный капитал для Германии I: 9
хозяйственные отношения в XIX столетии по сравнению с Англией I: 1,9
Гимназия II: 1
Государство I: 5,9,11,12; II: 1,6; см. также: Политика
вызывает стоимостную путаницу I: 6
должно быть исключено из сферы денежных отношений II: 6
маскирует политику власти в качестве права I: 9
невозможность регулирования использования рабочей силы I: 5
раздувается 1:11
рентообразующее влияние инфляции для государства II: 1
Государство Мервингов 1:11

«Грядущий день» II: 3
 Дарение I: 6, 7, 9-12; II: 4,5; см. также Деньги, Капитал
 вынужденное дарение по причине соотношений власти в землевладении I:7
 для воспитания и благотворительности I:12; II:4
 для предотвращения застоя капитала I:11
 займы как дарение II:5
 наиболее плодотворное в экономическом процессе I: 9
 обесценивающая функция II: 4
 платежи — ссуды — дарения I: 6
 по способностям I:10
 свободный духовный труд и дарения I: 6
 Деление как формула для экономического процесса I: 4
 Демократия I: 3
 Деньги I:4, 7-12, 14; II: 1,5, 6
 вещественные деньги, функциональные деньги II: 5,6
 возникновение из товара I:10
 выражение для достигнутой в результате хозяйственной деятельности стоимости I: 4,14
 выражение для суммы использованных средств производства I: 14; II: 6
 грешемский закон II: 1
 деньги как мировая бухгалтерия I: 14; II: 6
 дух определяет стоимость денег I: 4,12
 как правовой фактор I: 8
 необходимость изнашивания эквивалентна хозяйственным качествам I:11
 непросматриваемые процессы I: 8
 поддерживают свою стоимость только посредством обращения I: 12
 подъёмы и падения курса денег I: 7
 покупательные деньги сохраняют ту же стоимость II: 6
 посредническая торговля деньгами I: 14
 разделение товара и стоимости денег I: 4
 различная стоимость покупательных и ссудных денег I: 12
 служат обмену изделиями I: 7,12
 средство для вмешательства духа в экономический организм I: 4
 ссудные деньги переходят в дарованные деньги I:12
 старые и молодые деньги I:12,14; II:5
 сторонники свободного выпуска денег I:5
 традиционные отличительные признаки I:12
 циркуляция отделена от человека I: 9 Деревенское хозяйство I:13; II: 3,6
 компенсация духовной работы и работы на земле I:13
 небольшой ремесленный капитал II: 6
 оценка духовной жизни I:13
 первоначальная форма хозяйствования II: 3
 Законы природные и социальные II: 10
 Заработная плата I: 3, 7, 8,12; II: 1, 5
 высокие заработные платы, мнимое решение II: 5
 железный закон заработной платы II: 1
 наёмный труд, фиктивная покупка I: 7,12
 получение зарплаты как самообеспечение I: 3
 Земля I: 2,5-8,11,13,14; II: 1,5
 закон снижающегося плодородия земли не соответствует действительности II: 1
 земельная рента I: 7, II: 5
 исходная точка для всего ведения хозяйства I: 13
 основы питания I:1
 отношения между продуктом земли и духовным продуктом I:13
 понятие средств производства применительно к земле II: 1
 поскольку является природой, может не иметь стоимости I: 5,6
 соотношение сил влияет на владение I: 7
 стоимость земли и арендная плата I: 8
 сторонники земельных реформ I: 2, 5
 удорожание за счёт низкого ссудного процента I: 5,6
 цена на землю I: 2
 численность населения и пригодная земельная площадь I:14
 Имагинации, экономические II: 1
 Империализм I: 9
 Индия I: 1; II: 6
 Индустриализм, промышленность I: 9; II: 3, 5
 в промышленности деньги имеют функцию, приписанную им номинальными листами II: 5
 источники сырья и рынки I: 9
 отношение к сельскому хозяйству II: 3
 Инспирации, экономические II: 1
 Ипотеки I: 5,6

Италия I: 6
 Капитал 1:1-7,9-12; II: 1,5,6
 внешнее выражение духа I: 2,4, 5,12
 возникновение в связи с разделением труда 1:4
 высасывающее действие ссудного капитала 1:10
 дарованный капитал I: 11
 застой за счёт закрепления в земле I: 5, 7,11
 капитал в экономическом кругообороте I: 5
 масса капитала больше не зависит от человека I: 1,9
 необходимость потребления капитала I: 5, 7,12
 определение капитала II: 1
 освобождение от природной основы и от труда 1:4
 поэтапное развитие продуктивности дарованного, ссудного и торгового капиталов I: 9, 10
 производственный фактор I: 2
 рентный капитал, предпринимательский капитал II: 1, 5
 сначала возник торговый капитал II: 6
 современные капиталисты являются торговцами I: 3
 ссудный капитал I: 4-7
 торговый, ссудный и промышленный капитал I: 9,10
 Колонии 1:1,9,11; II:5
 колонизация и деколонизация I: 9
 решающие для английской экономики I: 1,11; II: 5 Кредит I: 5, 9; II: 5
 для Соединенных Штатов Европа не является кредитоспособной II: 5
 доверие авторитету при кредитовании I: 9
 кредит без вещественного обеспечения, кредит под залог реальных ценностей I: 5
 нарушение кредитования как причина обесценивания валюты II: 5
 Купля и продажа — см.: Покупка
 Лесное хозяйство I: 7
 Либерализм I: 1, 11; II: 1
 несвобода духовной жизни 1:11
 отказ от чисто либерального воззрения II: 1
 подъём в Германии I: 1 Марксизм I: 2, 6-8, 13; II: 2
 бесполезно затраченная работа II: 2
 индийский бухгалтер I: 6
 капитал как кристаллизованный труд I: 13
 мнимые основания для прибавочной стоимости I: 2, 7, 8
 невозможно включить в народное хозяйство процессы, протекающие в человеке II: 4
 неправильный эквивалент между работой и человеческим организмом 1:2
 работа придаёт вещам стоимость I: 13
 Меновая торговля — см.: Торговля
 Меркантилисты I: 11; II: 1
 Металлисты II: 5,6
 Метод, методология — см.: Экономическая наука
 Мировая война 1:1,11; II: 5
 анахронизм говорить так, как до 1914 года II: 5
 большая продолжительность представлялась невозможной 1:11
 недостаток денег в Германии обострился только после войны II: 5
 результат противоположностей между Англией и Средней Европой I: 1
 Мировое хозяйство I: 1,11,12,14; II: 5,6
 в себе завершённое 1:11,12
 государства не организмы, а клетки 1:1
 деньги как мировая бухгалтерия 1:14; II: 6
 доминирование Англии 1:11
 нарушение за счёт политических намерений II: 6
 от мирового обращения к мировому хозяйству I: 11,12; II: 5
 осуществлено в высокой степени перед войной II: 5
 отличие от народного хозяйства 1:11
 прежние экономические понятия неприменимы 1:11
 противоположность между Западом и Средней Европой 1:1
 Мораль I: 5, 8,10; II: 5
 Налог 1:12
 Наследство I: 6
 Номиналисты II: 5,6
 Обесценивание валюты I: 1; 11:1, 5;
 см. также Деньги, Валюта
 было бы предотвращено посредством трёхчленного разделения социаль-ного организма 1:1
 вызывает перегруппировку людей 1:1
 глубочайшая причина восходит к моральным связям II: 5
 определяется государственными ограничениями I: 1
 различные причины II: 5

рентообразующее воздействие на государство II: 1
 Обучение труду I: 5
 Опиумная война I: 2
 «Основные положения социального вопроса...» (книга Р.Штайнера) I: 5, 6,10,14; II: 1, 5
 Парламент II: 6
 Патенты I: 8
 Питание 1:11
 Платёжный баланс II: 5
 Платежи — ссуды — дарения I: 6,9; см. также Деньги, Капитал
 Политика II: 3, 6; см. также Государство замедляющее влияние на мировое хозяйство II: 6
 понятие политического при трёхчленном разделении отпадает II: 3
 Покупка и продажа I: 2,6,10
 важнейший процесс внутри обращения 1:2
 выигрывают обе стороны 1:10
 замедляющее влияние на мировое хозяйство II: 6
 Потребители, потребление I: 5,6, 8,11,14
 напряжение между производством и потреблением I: 5
 оценка товаров потребителями I: 14
 потребление в закрытой хозяйственной области 1:11
 работающие духовно — это по отношению к прошлому потребители I: 6
 расходование стоимостей I: 5
 уравнение цены для потребителей I: 8
 чистые потребители I: 6
 Право, правовая жизнь I: 3, 7, 8,10; II: 3
 влияние на экономический процесс I: 7,8,10
 выделение из религиозных организаций I: 3
 децентрализация правовой жизни II: 3
 Предприниматель I: 7, 8; II: 1, 7
 были бы руки свободными, железный закон заработной платы действительны бы II: 1
 действие свободной воли I: 7
 количество производителей II: 3
 предпринимательский капитал I: 7; II: 5
 прибыль предпринимателя I: 7, 8
 тенденция к обесцениванию капитала I: 7
 уравнение цены для предпринимателей I: 8
 Прибавочная стоимость — см.: Марксизм
 Прибыль 1:7,8,10,11; II: 6
 в акте обмена получают прибыль обе стороны давящее воздействие стремления к прибыли
 предпринимателя
 формула прибыли Природа I: 2, 4, 5, 7, 10,12-14; см. также Земля
 все хозяйственные результаты восходят к природе I: 14
 освобождение капитала от природной основы I: 4
 превращение за счёт труда I: 2, 5, 7,13
 продукт природы как таковой ещё не имеет никакой стоимости 1:2,4,10,12,13
 Проблема портного I: 3, 4; II: 3
 Производители, количество II: 3
 Процент I: 5, 6,10,14
 замещение взаимности при ссуде I: 10
 необходим до определенной степени 1:14
 низкая процентная ставка удешевляет товары, удороживает землю I: 5,6
 сто процентов при закладывании земли в залог I: 6
 Рабовладельческое хозяйство 1:12
 Разделение труда I: 3,4, 10; II: 3, 4
 даёт возможность образоваться капиталу I: 4
 исключения II: 3
 никто сам не применяет для себя то, что производит I: 3; II: 4
 первоначальное инстинктивное регулирование I: 3
 появление и последствия I: 3
 условное отношение стоимости товара и стоимости денег 1:4
 устраняет эгоизм I: 3,10
 Редкость 1:5,11; II: 6
 как таковая не является стоимостнообразующим фактором, бриллиант в английской короне I:
 5,11; II: 6
 объясняется в народно-хозяйственном смысле II: 6
 Ремесленное производство I: 7; II: 6
 ремесленник в деревенском хозяйстве II: 6
 участие в образовании цены I: 7
 Рента I: 2; II: 1,4; см. также Земля
 природная стоимость проявляется в образовании ренты 1:2
 содержащаяся в экономическом процессе рента поглощается государством 1:2
Р. Штайнер. GA 340. Курс национальной экономики
bdn-steiner.ru

условное оправдание потребления ренты II: 4
 Римляне II: 1,4
 понятие собственности II: 1
 хлеб и зрелища II: 4
 Россия 1:11; II: 5
 государственная опека I: 11
 обесценивание валюты II: 5
 Свободная духовная жизнь 1:6,13; II: 5
 в отношении к будущему продуктивна 1:6
 в свободной духовной жизни деньги имеют функцию, приписываемую им номиналистами II: 5
 духовно работающий — это по отношению к прошлому только потребитель 1:6
 плодотворное влияние на полусвободную духовную жизнь 1:6
 свободная духовная жизнь в деревенском хозяйстве I: 13
 свободная духовная жизнь в прошлом в Италии 1:6
 Сельское хозяйство 1:1,7,9; II: 3,5
 влияние на тенденцию цен I: 7
 в сельскохозяйственных связях деньги имеют функцию, приписываемую им металлистами II: 5
 граничная область экономического учения 1:1
 кажущиеся убытки от ржи 1:9
 отношение к промышленности II: 3
 самообеспечение 1:7; 11:3
 Соединённые Штаты 1:9; II: 5,6
 аннексия испанских владений I: 9
 могли бы помочь Европе II: 5
 тенденция к народному хозяйству в противоположность тенденции к мифическому хозяйству II: 6
 Социальный вопрос I: 12; см. также Трёхчленное разделение
 Спекуляция 1:13; II: 5
 влияет на образование стоимости I: 13
 способствует обесцениванию валюты II: 5
 Спрос и предложение I: 8
 Средства производства I: 6, 7, 14; II: 5
 остаются товаром до момента производства II: 5
 охваченная духом природа I: 7,14
 связь между средствами производства и работой I: 7
 стоимости путем дарения переходят в средства производства I: 6; II: 5, 6
 сумма пригодных средств производства как денежная основа II: 6
 физическая работа, связанная со средствами производства, и духовная работа I: 14
 Ссуды I: 4, 6; см. также Капитал
 Статистика II: 1
 Стоимость I: 2,5, 7,13,14; II: 1, 2,4; см. также Цена
 военная промышленность разрушает стоимости II: 4
 возникновение за счёт превращения продукта природы посредством рабства I: 2, 7,14; II: 1,2
 мнимая стоимость за счёт привязывания капитала к земле I: 5
 перемещение стоимостей посредством спекуляции I: 13
 при покупке и продаже происходит обмен стоимостями, а не товарами 1:2,7
 уничтожение стоимости и стоимостнообразующее напряжение I: 5; II: 2,4
 Сущность банков 1:1,9; II: 6
 необходимость разделения институтов для дарованных денег и производства новых товаров II: 6
 стали безличными I: 1, 9
 Таможенные барьеры II: 5
 «Теософия и социальный вопрос» (книга Р.Штайнера) I: 3
 вышла под названием «Духовная наука и социальный вопрос» в «Люцифер-гнозис. Статьи 1903-1908», ПСТ Библ. 34; отдельное издание — Дорнах, 1977
 Товар 1:4-7, 11,12,14; II: 5
 возникновение в хозяйственном процессе I: 7
 дешевле за счёт низкого процента I: 5,6
 отношение товара к стоимости денег 1:4
 отсутствующий эквивалент между товарной и денежной стоимостью 1:11, 12,14
 средства производства являются товаром до начала производства II: 5
 товары длительного пользования 1:11
 Торговля I: 3, 8,9,11; II: 3,6
 количество торговцев должно регулироваться II: 3
 меновая торговля 1:6, 8,10
 разделение труда между торговцами и производителями II: 3
 сначала появился торговый капитал II: 6
 средняя цена за счёт торговых посредников I: 3
 торговля между частными хозяйствами I: 11
 уравнение цены для торговца I: 8
 функция конкуренции I: 9
 Трёхчленное разделение I: 1, 8,10; II: 1, 3,6
 Р. Штайнер. GA 340. Курс национальной экономики
 bdn-steiner.ru

взаимовлияние трёх частей 1:10
 в «Основных положениях...» дана только направляющая линия II: 1
 здоровье одного члена социального организма влияет на здоровье других II: 3
 не было понято I: 1, 8
 политическое выпадает из экономического II: 3
 понятие социального организма 1:1
 внутри экономического процесса I: 8
 человеческого и социального организмов II: 6
 Труд, работа I: 2,4,5, 7, 8,10,13,14; II: 1-4,6; см. также Разделение труда взаимодействие духовного и физического труда 1:13,14; II: 2
 в народно-хозяйственном кругообороте I: 4-5; II: 4
 в экономическом и физическом смысле 1:10; II: 2,6
 использование избыточного рабочего времени II: 2,3
 механическое выполнение работы II: 4
 направленный духом I: 2; II: 4
 не только создает стоимости, но и уничтожает их II: 2,4
 неэкономическое увеличение труда I: 8
 образующий стоимость I: 2,13; II: 1, 2, 4,6
 оплачивается не работа, а готовое изделие I: 7, 8
 преобразовывает природу 1:4,10,13; II: 4
 физический труд и экономия труда 1:13,14; II: 2
 Труд духовный I: 2,4,6,8,9,11,13,14; II: 2,4,6
 духовная работа оплачивается слишком высоко или слишком низко II: 6
 духовный работник как должник 1:4
 изменение экономически нейтральной работы посредством духа I: 2; II: 6
 не любое увеличение количества духовно работающих I: 11
 оплата духовных способностей посредством стоимости товаров I: 8
 оценка духовной работы, экономия труда I: 8,13,14
 продуктивен для будущего I: 6,9; II: 4
 умственный и физический труд—никакого настоящего противоречия II: 2
 Физиократы 1:11
 Франция I: 9
 Хлеб II: 3
 Цена I: 2, 3, 5-9,12,14; II: 3,6; см. также Стоимость
 важнейшее экономическое понятие I: 2
 взаимно терпимые цены II: 6
 возникает при обмене стоимостей I: 2
 извращение цены владения землёй по праву силы I: 7
 колебания цен I: 2
 подъёмы и снижения цен I: 7, 8,14
 регулирование посредством ассоциаций I: 5; II: 3
 скрытый смысл образования цены I: 12,14
 три уравнения цены I: 8
 удорожающая и удешевляющая тенденции, средняя цена I: 3
 формула цены I: 6
 цена на рожь 1:9
 Частное хозяйство 1:11; см. также Сельское хозяйство
 переход к народному, или государственному, хозяйству 1:11
 преимущества за счёт объединения 1:11
 социальная структура I: 11
 Швейцария II: 6 Эгоизм I: 3, 10
 был не вреден, пока определяющими были религиозные импульсы 1:3
 преодолевается постижением общности на основе познания хозяйственных вз их закономерностей I: 10
 устраняется посредством разделения труда I: 3
 Экономическая наука I: 1-4,6,8,10,11,13,14; II: 1,2
 аналогия с физическим спектром I: 1,2
 биологические аналогии I: 10; II: 2
 возвратный метод II: 1
 как теоретическая, так и практическая I: 3
 необходимость методологии II: 2
 несостоятельность общепринятых экономических учений I: 2,6, 8, 11; II: 1
 образные представления 1:10,14
 подвижные понятия вместо определений I: 1-4; II: 1,2
 понятие экономического действия II: 2
 «признание» не является экономической категорией II: 2,3
 характеризующий метод, а не чисто индуктивный и не чисто дедуктивный II: 1
 частное и общее мышление I: 13; 11:1
 Юбилейный год II: 6

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Брентано, Луйо (1844-1931), экономист, I: 1, 3; II: 1, 2
 Вирт, Карл Йозеф (1879-1956), политик, II: 5
 Гвиннер, Артур фон (1856-1931), банкир, 1:9
 Гёте, Иоган Вольфганг фон (1749-1832), II: 1 (прарастение), 2 (экономические воззрения)
 Гильфердинг, Рудольф (1877-1941), политик и социалистический финансовый теоретик, 1:9
 Дизраэли, Бенджамин (1804-1881), лорд Биконсфилд, английский государственный деятель и писатель, 1:1
 Иоанн Скот Эригена (ок. 810-877), 1:11
 Карл Лысый (823-877), франкский король Франции, 1:11
 Ласкер, Эдуард (1829-1884), политик и писатель, 1:1
 Лассаль, Фердинанд (1825-1864), основатель первого социалистического движения в Германии, II: 1
 Лейбниц, Готтфрид Вильгельм (1646-1716), 1:6
 Ликург (умер в 324 до Р.Х.), I: 12
 Маркс, Карл (1818-1883), I: 2,9,11; II: 1
 Оппенгеймер, Франц (1864-1973), экономист и социолог, II: 1
 Платон (427-343 до Р.Х.), I: 3
 Ратенау, Вальтер (1867-1922), промышленник, финансист, политик, II: 5
 Рикардо, Давид (1772-1823), английский экономист, 1:11; II: 1
 Рихтер, Ойген (1838-1906), либеральный политик, 1:1
 Родбертус, Карл Иоганн (1805-1875), экономист и политик, II: 4
 Рошер, Вильгельм Георг Фридрих (1817-1894), экономист, 1:1
 Сименс, Георг фон (1839-1901), банкир, 1:9
 Смит, Адам (1723-1790), английский философ и экономист, 1:1,2,8,11,13
 Унру, Ханс Виктор фон (род. 1842), политик, писатель, I: 9
 Ферстер, Фридрих Вильгельм (1869-1966), педагог, пацифист, 1:10; II: 5
 Шмоллер, Густав фон (1838-1917), экономист и историк, 1:1
 Шпанн, Отмар (1878-1956), экономист, философ, социолог, II: 2
 Шпенглер, Освальд (1880-1936), историк, философ, 1:12,13; II: 5
 Штайн, Лоренц фон (1815-1890), преподаватель права, экономист, социолог, II: 4
 Эдисон, Томас Алва (1847-1931), американский изобретатель, предприниматель II: 5
 Юм, Дэвид (1711-1776), английский философ, 1:11
 Юстиниан I (527-565), византийский император, II: 1